

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2025 ■ $\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 44 ■ № 3

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

БФУ
ИМЕНИ И. КАНТА

IKBFU
IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2025

Том 44
Vol.

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

2025

12+

Кантовский сборник. — 2025. — Т. 44, №3. — 164 с.

Kantian Journal, 2025, vol. 44, no.3, 164 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by

Immanuel Kant Baltic Federal University
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia)

Адрес редакции:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial office address:

6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя:

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Адрес типографии:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2025

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2025

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна*, доктор философских наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;
- Чалый Вадим Александрович*, доктор философских наук, доцент, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия) — заместитель главного редактора;
- Бажанов Валентин Александрович*, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);
Байзер Фредерик С., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);
- Белов Владимир Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия);
Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);
Дёрфлингер Бернд, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);
- Загирняк Михаил Юрьевич*, д-р филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Зильбер Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия) — ответственный секретарь;
- Кляйнгельд Паулин*, доктор философии, профессор, Гронингенский университет, Гронинген (Нидерланды);
Копцев Иван Демьянович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия);
Крыштоп Людмила Эдуардовна, д-р филос. наук, доц., проф., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия);
Мер Рудольф, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);
- Пушкарский Анатолий Геннадьевич*, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
- Разев Данил Николаевич*, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
Румянцева Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);
Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);
- Сорина Галина Вениаминовна*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия);
Судаков Андрей Константинович, д-р филос. наук, Институт философии Российской академии наук, Москва (Россия);
Тиммерман Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский Университет, Сент-Эндрюс (Великобритания);
Тремблэй Фредерик, доктор философии, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, София (Болгария);
Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);
- Чернов Сергей Александрович*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);
Штарк Вернер, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia); Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
- Prof. Vadim A. Chaly*, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
- Prof. Valentin A. Bazhanov*, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);
Prof. Frederick C. Beiser, Syracuse University, Syracuse (USA);
Prof. Vladimir N. Belov, RUDN University, Moscow (Russia);
- Prof. Sergey A. Chernov*, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);
Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Alexey N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);
Prof. Ludmila E. Krysh-top, RUDN University, Moscow (Russia);
Dr Rudolf Meer, University of Graz (Austria);
- Anatoly G. Pushkarsky*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary;
- Prof. Danil N. Razeev*, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Werner Stark, University of Marburg (Germany);
- Prof. Andrei K. Sudakov*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);
Prof. Jens Timmermann, University of St Andrews (UK);
Dr Frederic Tremblay, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia (Bulgaria);
Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
Prof. Mikhail Yu. Zagirnyak, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Dr Andrei S. Zilber, University of Tyumen, Tyumen (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

- Санчес-Мадрид Н.* Кант и гендерное угнетение: положение
состоятельных женщин в XVIII веке, «косвенное властвование»
и гендерная эмансипация..... 7

Кант: pro et contra

- Бабич Б.* Философия химии Канта и космология Ницше:
о материальной герменевтике алхимии и киновари. Часть I..... 43
- Морозов К. Е.* Самопринадлежность и категорический императив..... 81
- Щедрина Т. Г., Щедрина И. О.* Почему Шпет и Гуссерль беседовали
о Канте? (По материалам архива) 110

Неокантианство

- Кода Н. В.* Вопрос о нормативности в «Философии права»
Эмиля Ласка 130

События

- Афанасьев М. В., Проскуряков В. А.* Энтузиазм и история в кантовской
перспективе. Обзор VII Международной летней школы по изучению
наследия Канта 150

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

- Sánchez Madrid N.* Kant and Gender Oppression: Privileged Eighteenth-Century Women, 'Indirect Domination' and Gender Emancipation..... 7

Kant: pro et contra

- Babich B.* Kant's Philosophy of Chemistry and Nietzsche's Cosmology: On the Material Hermeneutics of Alchemy and Cinnabar. Part I..... 43
- Morozov K. E.* Self-Ownership and the Categorical Imperative..... 81
- Shchedrina, T. G., Shchedrina, I. O.* Why Did Shpet and Husserl Talk about Kant? (Based on Archive Materials)..... 110

Neo-Kantianism

- Koda V. N.* The Question of Normativity in Emil Lask's Philosophy of Right..... 130

Events

- Afanasyev M. V., Proskuriakov V. A.* Enthusiasm and History in the Kantian Perspective. Report of the Seventh Immanuel Kant International Summer School..... 150

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Sigla index see here: http://www.kant-gesellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

**КАНТ И ГЕНДЕРНОЕ УГНЕТЕНИЕ:
ПОЛОЖЕНИЕ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ
ЖЕНЩИН В XVIII ВЕКЕ,
«КОСВЕННОЕ ВЛАСТВОВАНИЕ»
И ГЕНДЕРНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ**

*Н. Санчес-Мадрид*¹

В статье критически рассматривается невольное гендерное угнетение, лежащее в основе кантовского антропологического и правового подхода к домашнему труду. Подчеркивается целесообразность анализа кантовских воззрений на репродуктивные задачи для более полного понимания исторической подоплеку современных взглядов на этот вид труда. Для достижения данной цели, во-первых, исследуется множественность значений термина «социальное властвование» в контексте «Антропологии в прагматическом отношении». Во-вторых, уделяется внимание использованию этого термина в переносном смысле при описании домашнего порядка в разделе «Характер пола» указанного сочинения. В-третьих, рассматриваются классовые социальные предрассудки, определяющие направление кантовского анализа роли женщины в буржуазной семье: такая женщина освобождается от обязанностей по уходу за близкими и воспитанию детей благодаря накопленным супругом средствам. Наконец, делаются выводы о том, что в своем рассуждении о социальной субъектности женщины Кант сосредоточивается на привилегированном положении состоятельных жительниц Пруссии XVIII в., пренебрегая тяготами, с которыми сталкивались в то время более уязвимые группы, а также необходимостью наделения гражданскими правами каждого члена сообщества.

Ключевые слова: Кант, женщины, сексизм, гендерное угнетение, властвование, уход за членами семьи

¹ Мадридский университет Комплутенсе, Испания, 28040, Мадрид, Плаза Менендес Пелайо. Поступила в редакцию: 27.05.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-1

**KANT AND GENDER OPPRESSION:
PRIVILEGED EIGHTEENTH-CENTURY
WOMEN, 'INDIRECT DOMINATION'
AND GENDER EMANCIPATION**

*N. Sánchez Madrid*¹

This paper critically addresses the unwitting gender oppression underpinning Kant's anthropological and legal approach to domestic labour, highlighting the helpfulness of his analysis of reproductive tasks for casting light on some of the historical causes behind the current view of such labour. With this general aim in mind, I first address the multiple meanings of the term 'social domination' as it is used in Anthropology from a Pragmatic Point of View. Second, I focus on the figurative sense Kant assigns to this term in his account of the domestic order in the section 'The Character of Sex' from the same essay. Third, I highlight the social class biases that determine Kant's examination of the role that women play in bourgeois families, where they are expected to outsource their caregiving and childrearing tasks thanks to the patrimony their husbands have accumulated. Finally, I draw some conclusions regarding the social agency that Kant considers available to women, suggesting that his account prioritises the privileged circumstances of wealthy women in eighteenth-century Prussia, neglects key challenges faced by more vulnerable groups in his time, and fails to support the extension of citizenship rights to the entire commonwealth.

Keywords: Kant, women, sexism, gender oppression, domination, caregiving

¹ Complutense University of Madrid (UCM). Plaza Menéndez Pelayo s/n, 28040 Madrid, Spain. Received: 27.05.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-1

1. Введение

Несмотря на то что практическая философия Канта не позволяет классифицировать его как поборника прав женщин, примечательно внимание, уделяемое им женским способностям и обычновениям как ключевой характеристике истории морали и культуры. Например, он подчеркивает существенную разницу между ролями женщины в «гражданском состоянии» и при «варварском гражданском устройстве» (AA 07, S. 304; Кант, 2024а, с. 362)². Цель этой статьи — выявить противоречия между сексизмом кантовских замечаний, встречающихся в его антропологических работах, и его зиждущимся на моральных и правовых основаниях одобрением эмансипации пассивных граждан, которые, в общем случае, «не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное» (AA 06, S. 315; Кант, 2014, с. 315), а также не обязаны принадлежать в течение всей жизни к тому социальному классу, частью которого они оказались по рождению³. Даже при некотором скептическом отношении к материальной возможности улучшения гражданского состояния женщин в рамках кантовских воззрений, несомненным остается тот факт (многократно подчеркиваемый Варден (Varden, 2020, p. 107–111)), что в своей программной работе о просвещении Кант имеет в виду «весь прекрасный пол», приводя пример явного

² См. любопытный анализ данного концептуального разграничения у Варден (Varden, 2020, p. 93–94). Она обращает внимание на признаваемое Кантом за женщинами «знание света», используемое ими для понимания того, как их воспринимают другие. Это знание противопоставляется более объективным навыкам, приписываемым мужчинам, чье положение в большей степени определяется обществом.

³ См. в работе Варден: «[Кантовские] рассуждения однозначно исключают возможность принятия государствами законов, запрещающих женщинам стремиться к активному гражданскому состоянию» (Varden, 2020, p. 107). Ценным представляется и замечание Паско о том, что «кантовские рассуждения о справедливости известны своей систематичностью», несмотря на то что его «представления о доминировании и угнетении откровенно не систематичны», так как они обычно укоренены в гендерных, расовых и классовых предрассудках (Pascoe, 2022, p. 53).

1. Introduction

Even if Kant's practical philosophy does not make it easy to consider him a champion of civil advancement for women, the attention he devoted to exploring female abilities and habits as a key feature of moral and cultural history is remarkable. For instance, he stresses the considerable gap between the roles that women play in 'developed' societies as opposed to 'barbarous' ones (*Anth*, AA 07, p. 304; Kant, 2006, p. 205).² In this paper, I hope to shed light on some of the tensions between the often sexist remarks in his anthropological writings, and his moral and legal encouragement to advance the emancipation of passive citizens, who are generally expected "to work [their] way up from this passive condition to an active one" (*MS RL*, AA 06, p. 315; Kant, 1996a, p. 92), and thus not remain attached to the social class into which they are born.³ Even if one adopts a sceptical position towards the material feasibility of the civil betterment of women on Kant's account, it is a fact — as Varden has highlighted in various papers (Varden, 2020, pp. 107–111) — that he alludes, in such an openly programmatic work as "What is Enlightenment?", to "the entire fair sex" as an example

² For an inspiring account of this conceptual breakdown, see Varden (2020, pp. 93–94), who emphasises the 'social knowledge' that Kant attributes to women, used to judge how they are perceived by others, in comparison with the more objective skills associated with men, whose corresponding position appears more authorised by society.

³ In this connection, see Varden (2020, p. 107): "[Kant's] account explicitly blocks the possibility that just states can pass laws that make it illegal for women to work themselves into active citizenship". I am also particularly indebted to Pascoe's observations on the fact that "Kant's account of justice is famously systemic", even if his "accounts of domination and oppression are pointedly not systemic", as they are usually embedded in gender, racial and class biases. See Pascoe (2022, p. 53).

нежелания большинства субъектов эмансипироваться, скинув с себя оковы культурного и политического угнетения⁴.

В подобной критической позиции прослеживаются и обвинения в адрес мужчин, которые, будучи наставниками и мужьями, несут основную ответственность за прискорбное отсутствие у женщин автономии мысли. В упомянутой работе Кант пишет и о том, что именно наставников и менторов следует винить в гражданской отсталости женщин, которых лишают столь необходимой ученику уверенности в возможности эмансипации, делая их «робкими и отпугивая обычно от всех дальнейших попыток» (AA 08, S. 36; Кант, 2024б, с. 49)⁵. Не противореча педагогическим методам, характерным для кантовского времени, данное высказывание принимает трагический оттенок, будучи применено к женщинам, чей вклад в политическую жизнь сообщества в качестве законодателей не предусматривается, поскольку подобная деятельность считается прерогативой активных граждан. Невзирая на регулярные указания Канта на якобы естественные ограничения, сводящие деятельность женщин к домохозяйству, получение взвешенной картины его воззрений на социальное и гражданское положение женщин требует подробного анализа утверждений, подобных приведенному выше.

В рамках кантовской философии антропологии и права наделение женщин гражданским избирательным правом — неоднозначная тема, в некотором смысле несущая двойное послание. Женщины рассматриваются, с одной стороны, как не более чем пассивные граждане (хотя и

of the apparent reluctance of most subjects to emancipate themselves from the cultural and political chains that oppress them.⁴

Moreover, this critical stance seems particularly to blame men, in their roles as tutors and husbands, as the main subjects accountable for the regrettable lack of autonomous thinking shown by women. To this effect, Kant suggests in the aforementioned text that tutors and supervisors should be considered guilty for the civil backwardness of women, as they take away their pupils' confidence in their own possibilities of emancipation, making "them timid and usually [frightening] them away from any further attempt" (WA, AA 08, p. 36; Kant, 1996d, p. 17).⁵ Although this statement is in line with the pedagogical methods typical of Kant's times, it becomes especially tragic in the case of women, who are never intended to actively partake in the political agenda of the commonwealth as co-legislators, a task only expected of active citizens. Such claims should be attentively explored in order to sketch a balanced image of Kant's account of the social and civil standing of women, even if he often avows the allegedly natural obstructions that restrict women to the household.

The civil enfranchisement of women presents an entangled issue in Kant's anthropological and legal philosophy, one which generates a sort of double-bind: women are re-

⁴ Представляется важным обратить внимание на отрывок (AA 08, S. 295; Кант, 2024в, с. 137), где Кант размышляет о том, что «естественная» биологическая и, по-видимому, непреодолимая культурная сущность женщины лишает ее полноценного гражданского статуса.

⁵ Варден (Varden, 2020, p. 107–108) сопровождает приведенный отрывок любопытным и подробным комментарием, подтверждающим благосклонное отношение Канта к «улучшению гражданского состояния» женщин, и сопоставляет его воззрения с идеями, изложенными в новаторской работе его бывшего студента, затем друга и частого соотрапезника Теодора фон Гиппеля (Hippel, 1792; 1979).

⁴ Throughout this article, I refer to Kant's writings according to the *Akademieausgabe* volume order and pagination. My quotes are from the Cambridge editions of Kant's works. It is important to consider a well-known passage in *TP*, AA 08, p. 295 (Kant, 1996c, p. 295), where Kant suggests that the 'natural', biological, and seemingly inalterable cultural quality of being a woman deprives her of full citizenship.

⁵ Varden (2020, pp. 107–108) provides a stimulating and detailed comment of the quoted passage as evidence of Kant's sympathy for the potential 'civil improvement' of women, in reference to a groundbreaking essay by his former student, friend, and frequent dinner companion, Theodor von Hippel (1792; 1979).

потенциально обладающие рациональностью), а с другой — как неотъемлемые элементы домохозяйств, которые они не в состоянии содержать самостоятельно, не будучи экономически активными субъектами. При этом предполагается, что они могут вести домашние дела и даже «властвовать», но не «править»: здесь Кант проводит четкую границу. Властвует же женщина над мужем посредством силы эмоций и соблазна. При всей сложности переплетения тем пола, гендера и гражданства в кантовском анализе, в данной работе будет предпринята попытка, с одной стороны, показать взаимосвязь между отказом признавать за женщинами право на полноценный гражданский статус и воздействием идеологических паттернов, в рамках которых женщины оказываются скованными этическим насилием, проистекающим из соответствующих общественных обычаев⁶. С другой стороны, будет проанализирована гносеологическая слепота, лежащая в основе кантовских воззрений на социальную роль женщины, а именно его приоритетное внимание домохозяйствам, принадлежащим к высшему классу, и пренебрежение опытом социально-репродуктивного труда, накопленным иными группами домохозяйств. Представляется, что данное Кантом описание свойственного женщинам домашнего поведения не охватывает все типы семейств, существовавших в его время, но уделяет преимущественное внимание состоятельным домохозяйствам, больше напоминающим то, где мо-

⁶ Интересно сопоставить кантовские замечания по поводу женщин с историческими и диалектическими изысканиями Т. фон Гиппеля, имеющими целью улучшение гражданского состояния женщин. См.: «В достижении той великой цели природы, согласно которой человек представляет собой образ и подобие создателя, роль женского пола несравнимо существеннее, чем мужского, как в отношении содержания, так и в отношении формы» (Hippel, 1979, p. 34). См. также: (Sabourin, 2021a). В том же ключе кантовский гендерно-детерминированный идеал критикует О. Ленчевска, обращая внимания на работы польской женщины по имени Каролина, полуанонимно опубликовавшей несколько статей в журнале *Monitor*. Каролина ставила под сомнение ограничение активности женщины домашним кругом, выдвигая концепцию разделенного социально-репродуктивного труда. См.: (Lenczewska, 2025).

garded as merely passive citizens despite their potential rationality, and simultaneously as an essential part of a household which they cannot afford, as they are not economically active agents, yet are expected to administrate and even ‘to dominate’ — which Kant carefully distinguishes from the act of ruling — through the powers of emotion and seduction they are expected to exercise over their husbands. Conscious of the complex intertwinement of Kant’s remarks on sex, gender, and citizenship, I intend, on one hand, to explore the ties between his refusal to recognise full citizenship for women, and the influence of ideological patterns under which they are shackled by the ethical violence that such social habits trigger.⁶ On the other hand, I will examine the epistemic blindness that underpins Kant’s view of the social role of women, insofar as he focuses primarily on wealthier households and neglects the experience of social reproduction that other types of domestic groups may contribute. In my view, Kant’s depiction of the domestic behaviour typical of women does not encompass all family types of his time, but is focused on wealthy households, more similar to the ones that the young Kant served in as a private tutor than to his own large family,

⁶ It is interesting to contrast Kant’s anthropological remarks about women with the historical and dialectical efforts of T. von Hippel to improve their civil status. See Hippel (1979, p. 66): “In fulfilling that great purpose of Nature in which human beings display the divine image of God, the female sex plays a disproportionately more significant role than the male with respect to both matter and form.” See also Sabourin (2021a). Along similar lines, Lenczewska (2025) takes issue with Kant’s gendered ideal of human development by highlighting the work of a semi-anonymous Polish woman called Karolina, who published some articles in the Polish journal “Monitor” challenging the relegation of women to the domestic space by advocating a more distributed notion of social reproductive tasks.

лодой Кант работал частным учителем, чем его собственное, состоявшее из отца-шорника, матери-домохозяйки (вероятно, обходившейся без помощи слуг) и семи братьев и сестер.

Опираясь на изложенные выше критические замечания, автором в первую очередь будет проанализирована множественность значений термина «социальное властвование», встречающихся в «Антропологии в прагматическом отношении». Во-вторых, будет рассмотрен переносный смысл, в котором Кант употребляет данный термин в размышлениях о домашнем порядке в разделе «Характер пола» упомянутой работы. В-третьих, будет дана оценка классовым предрассудкам, повлиявшим на рассуждения Канта о роли женщины в буржуазной семье, где обязанности по уходу за близкими и воспитанию детей делегируются благодаря средствам, накопленным супругом. Наконец, делаются выводы о характере социальной субъектности, которую Кант считает присущей женщине, о преимущественном внимании, уделяемым им привилегированному положению состоятельных жительниц Пруссии XVIII в. в ущерб рассмотрению затруднительных обстоятельств более уязвимых групп того времени, а также о том, что в его работах тезис о распространении гражданских прав на всех членов сообщества не находит должной поддержки.

2. Кант о социальном властвовании: антропологический подход

Перед тем как погрузиться в анализ кантовских взглядов на властвование как социальную патологию, стоит сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует отметить, что склонность к доминированию над другими, или властолюбие, может рассматриваться в прагматической антропологической перспективе постольку, поскольку она проявляется в социальном взаимодействии. Как отмечается в «Лекциях по этике», практическая философия устанавливает связь между нрав-

with a saddler as a father, a housewife mother – probably without the support of domestic servants – and seven siblings.

With this critical framework in mind, I will first address the multiple meanings of the term ‘social domination’, as it is used in *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Second, I focus on the figurative sense that Kant assigns to this term in his account of the domestic order in the section ‘The Character of Sex’ from that essay. Third, I highlight the social class biases that influence Kant’s examination of the role that women play in bourgeois families, where they are expected to outsource their caregiving and childrearing tasks thanks to the patrimony accumulated by their husbands. Finally, I draw some conclusions regarding the social agency that Kant sees as being available to women, suggesting that his account prioritises the privileged circumstances of wealthy women in eighteenth-century Prussia, neglects the key challenges that more vulnerable groups faced in his time, and fails to support the extension of citizenship rights to the entire commonwealth.

2. Kant on Social Domination: An Anthropological Approach

Before delving into Kant’s account of domination as a social pathology, some preliminary remarks are required. First of all, it is important to note that the inclination to dominate others pertains to a pragmatic anthropological standpoint, insofar as it takes place within a common social interplay. As the *Lectures on Ethics* state, practical philosophy links moral tasks and goals with practical anthropology; that is, while practical philosophy presents the rules that guide human moral action, an-

ственными задачами и практической антропологией. То есть в то время, как практическая философия описывает правила, согласно которым осуществляется нравственное действие человека, антропология занимается «действительным поведением» людей (AA 27, S. 244; Кант, 2000, с. 39), зачастую выдвигая на передний план их пороки и слабости. Кроме того, предмет антропологического анализа во многом пересекается с областью применения психологического подхода (Louden, 2000; Knowledge..., 2018; Frierson, 2017; Sabourin, 2021b). Тем не менее выделяемая Кантом «необщительная общительность» (в том смысле, в каком она фигурирует в известном отрывке из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане») не преследует цель пробудить у читателя чувство негодования, поскольку правила экономической конкуренции и конфликты частных интересов в конечном итоге создают устойчивую социальную сеть, поощряющую демонстрацию индивидуальных достоинств и талантов. В целом задача антропологии как близкой широкой публике дисциплины — увязать теорию нравственности с реальными обстоятельствами и ограничениями, которые человеческая природа и общественная жизнь налагают на соблюдение моральных законов. Такие ограничения очевидно преодолимы на уровне индивида, и главным инструментом здесь становится решимость субъекта. При этом они могут быть результатом не только *индивидуальных решений*, но и *несправедливости структур*, что открывает новые герменевтические перспективы при рассмотрении анализируемых Кантом вопросов. Представляется, что Кант относит склонность оказывать влияние на других людей к компетенции «технически-практического разума» (AA 07, S. 271 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328), в широком смысле соответствующего *благоразумию*. На печальные последствия деятельности этого вида разума следует возлагать вину и за неверные индивидуальные решения субъекта.

Еще одна важная характеристика антропологии — использование образа человеческой

thropology depicts the “actual behaviour” of human beings (V-Mo/Collins, AA 27, p. 244; Kant, 1997, p. 42) and often foregrounds their frailties and shortcomings. Furthermore, an anthropological examination corresponds in large part to the scope of a contemporary psychological approach (Louden 2000; Lorini and Louden, 2018; Frierson, 2017; Sabourin, 2021b). It should be noted, however, that Kant’s portrayal of ‘unsocial sociability’ — in the terms of a well-known passage from *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim* — does not aim to provoke a feeling of indignation in the reader, insofar as the rules of economic competition and the conflicts of individual interest are expected finally to construct a sound social network, one that favours the exhibition of individual merits and talents. In a nutshell, the popular discipline of anthropology is intended to bring the theory of morals into contact with the real obstacles and circumstances that human nature and social life pose for the compliance with moral laws. Such hurdles are usually depicted as individually amendable, possible to overcome through the sheer resoluteness of the subject. Yet those same obstacles may well stem not only from *individual choices*, but from *unfair structures*, which would present new hermeneutical perspectives for the issues Kant addresses. I consider that Kant only examines the inclination to exercise influence over other human beings under the jurisdiction of “technically practical reason” (*Anth*, AA 07, p. 271 (§ 84); Kant, 2006, p. 171), which in a large sense has to do with *prudence* and whose regrettable consequences are to blame for the individual choices of the subject.

Another key feature of anthropology is the fact that it deploys an image of human sociability that focuses on its collective dimension, casting light on the power that mimetic behav-

общительности в ее коллективном измерении, объясняющей способность человека к миметическому поведению, а также его неприятие пристыжения и презрения, то есть отторжение роли объекта социального неодобрения. Именно «задаток» человечности пробуждает такие чувства, как ревность, зависть и враждебность, стимулирующие субъекта стремиться к тому, чтобы «приобрести превосходство над другими» (AA 06, S. 27; Кант, 2024г, с. 106). Кроме того, не подкрепленный нравственным задатком личности, данный социальный этап свидетельствует о том, что нашей способности к улучшению состояния общества угрожают патологии, подпитываемые социальным пространством. Очевидно, что в рамках кантовского подхода подобные типы социального поведения представляются источником нравственных патологий, а не первоисточником структурной несправедливости.

Кант рассматривает склонность властвовать на другими как *жажду*, которая может стать прискорбной *страстью*, ищущей накопления власти и силы, дабы впечатлять других, и тем самым сходной с другими страстями — честолюбием и корыстолюбием, а также с глубоко укорененной в человеческой природе мстительностью. Он подчеркивает, что склонность обладать «другими как простыми орудиями своей воли» (AA 07, S. 271 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328) и стремление «крутить дураками» (AA 07, S. 272 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328) в общественной жизни на самом деле скрывают слабость человеческой воли. Эта склонность может проявляться трояко: субъект может желать чести, власти или финансового могущества, опираясь на *максимы благоразумия* в ущерб разуму и мудрости, чтобы использовать других людей в своих целях⁷. Если в практическом поведе-

⁷ См. знаковый абзац в «Основоположении к метафизике нравов» (AA 04, S. 416 Anm.; Кант, 1997, с. 127, примеч.), в котором Кант отмечает что светская умудренность (*Weltklugheit*) всегда должна стремиться к тому, чтобы стать частным благоразумием (*Privatklugheit*), дабы по праву считаться примером благоразумия, так как знание света всегда приносит выгоду отдельному субъекту.

иour has in human beings and on the great reluctance they show to be shamed or despised by others, i.e. to be the victims of social contempt. It is precisely the “predisposition” to humanity which stokes feelings such as jealousy, envy, and rivalry, and encourages the subject to “acquire superiority over others” (*Rel*, AA 06, p. 27; Kant, 1996e, p. 75). Moreover, without the support of a moral disposition to personality, this social stage confirms that our ability to improve society can be threatened by the pathologies that the social space serves to fuel. It is quite evident that the Kantian approach to such social conduct views it as the source of moral pathologies, but not as a wellspring of structural injustice.

Kant approaches the inclination to dominate others as a *desire* that can become a regrettable *passion*, aimed at accumulating strength and power in order to impress other people and thus related to other *manias*, such as the obsession with amassing honours and possessions, as well as the passion for vengeance which is so deeply rooted in human nature. He stresses that the inclination to possess “others as mere tools of one’s will” (*Anth*, AA 07, p. 271 (§ 84); Kant, 2006, p. 171) and the aspiration “to manage fools” (*Anth*, AA 07, p. 272 (§84); Kant, 2006, p. 172) in one’s social life actually conceals a frailty of human will. This inclination may be manifested in three directions, in that the subject might pursue honour, domination, or economic power, and draws on *maxims of prudence* — rather than reason or wisdom — for using other human beings for one’s own purposes.⁷ If such an inclination becomes a regular guideline for the subject’s practical

⁷ See a key passage in *GMS* (AA 04, p. 416n; Kant, 1996b, p. 69) in which Kant stresses that *Weltklugheit* should always aim for *Privatklugheit* to be considered an example of prudence, as this social knowledge must always be profitable for the individual agent.

нии субъект регулярно руководствуется такой склонностью, она превращается в страсть (честолюбие или властолюбие), маскирующую человеческие *слабости* под предполагаемое психологическое и нравственное *преимущество*. Иными словами, посредством подобного социального взаимодействия субъекты пытаются уравновесить более слабые элементы своей социальной субъектности, такие как зависимость от мнения других, страх оказаться в подчиненном положении и жажда выделиться на фоне других путем публичной демонстрации высокомерия, силы и власти (AA 07, S. 272; Кант, 2024а, с. 329–330).

Тем не менее отсутствие беспристрастного внешнего взгляда делает очевидными вопиющее неблагоразумие и несправедливость, направляющие *страсть* к властвованию, которую Кант считает недостойным способом достижения успеха в свете (AA 07, S. 273 (§ 85); Кант, 2024а, с. 330). Действительно, в подобном поведении кроется навязчивая «боязнь, что другие будут властвовать над нами» (Ibid.; Там же), побуждающая к бунту тех, кто подозревает в таком обращении нарушение своего законного, присущего человеку права на свободу. Представляется, что такие стремления пестуют ребяческую потребность доминировать и предрасположенность овеществлять других, что не способствует разумному сосуществованию. В действительности чем больше субъект получает власти над волей других, тем в большей степени им овладевают страстные притязания его собственной склонности, а именно боязнь оказаться во власти другого. Таким образом, «властвующий субъект» не может в полной мере насладиться результатами своего благоразумного и хитроумного поведения. В любом случае Кант утверждает, что субъект способен прекратить подобное порочное поведение исключительно силой своей решительности, так как, согласно его воззрениям, склонность к властвованию не является следствием структурной несправедливости. Также он не связывает желание одних субъектов контролировать жизни других с от-

conduct, it becomes a *passion*, i.e. a *mania* – for honour, for domination, and for power – which disguises human *weaknesses* beneath alleged psychological and moral *strengths*. In other words, through such social interplay, subjects attempt to counteract the weaker features of their own social agency, such as their dependence on the opinions of others, their fear of subjugation and their desire to stand out in comparison to others, by resorting to such means as the public display of arrogance, force, and power (Anth, AA 07, p. 272; Kant, 2006, pp. 172-173).

However, its lack of any external objective point of view makes obvious the blatant imprudence and injustice that guides this *mania* for domination, which Kant does not recommend as appropriate conduct for gaining success in the social world (Anth, AA 07, p. 273 (§ 85); Kant, 2006, p. 173). Indeed, such behaviour exhibits an obsessive “fear of being dominated by others” (*ibid.*), which sparks the resistance of those who perceive in it a breach of their legitimate and innate claim to freedom as human beings. Such inclinations engender a childish urge to dominate and a tendency to reify others, which does not contribute to building a reasonable coexistence. In effect, the more the subject gains influence over the will of others, the more he is ruled by the passionate claims of his own inclination, i.e. the fear of being dominated himself, and thus the ‘dominant subject’ cannot really enjoy the results of his purportedly prudent and cunning behaviour. In any case, Kant argues that a subject is able to thwart this distorted conduct by sheer resolution, as he does not trace the inclination to dominate others to any structural injustice. Nor does he attribute the eagerness of some

ношениями экономического доминирования. Напротив, он подчеркивает, что ум индивида способен положить конец подобному поведению в межличностных отношениях⁸.

А. Хеллер рассматривает кантовский анализ трехкомпонентной *страсти* к манипулированию другими как предостережение, имеющее целью предотвращать нарушения в области человеческих потребностей, так как, согласно категорическому императиву, подчинение практического поведения безграничному увеличению объема количественно измеримых ресурсов неизбежно приводит субъекта к эгоистическому поведению, не опирающемуся на какие-либо нравственные установки (см.: Heller, 1985). Именно такое положение вещей капитализм поощрял на протяжении всего своего исторического развития. Постмарксистский теоретик Хеллер предполагает, что категорический императив сам по себе достаточен для предотвращения систематического овеществления человека, поскольку требует от субъекта отношения к любому человеку не только как к средству, но как к самостоятельной цели. Неутолимые желания, поощряемые капиталистической культурой, Хеллер противопоставляет качественно измеримым, базовым потребностям, лежащим в основе социально-репродуктивного труда. В частности, она выделяет потребность в сообществе, межличностных отношениях, осмысленном труде, досуге и личностном развитии. Особая ценность проведенного Хеллер анализа трехсоставной *страсти* заключается в том, что она признает за кантовской критикой социальной конкуренции возможность запустить процесс «революции повседневности», способной радикально преобразовать ценности и установки общества. Но даже признавая, что, согласно Канту, такими «основными потребностями» не стоит пренебрегать ради амбиций экономического толка, представляется сомнительным, что

⁸ Об экономических аспектах упомянутых страстей, понимаемых как патологии субъектности в условиях конкуренции, см.: (Brosch, 2024, S. 193 – 202).

subjects to control the lives of others to any dynamics of economic domination. He instead stresses that the individual mind is capable of putting a stop to this kind of interpersonal conduct.⁸

Agnes Heller (1985) views Kant's exposition of the threefold *mania* to manipulate others as an admonition to prevent disorders in the field of human needs, as according to the categorical imperative focusing one's practical conduct on the unbounded increase of quantitative resources would inevitably lead the subject to behave as an egoistic agent with no moral tenets, a situation that capitalism has indeed tended to promote throughout its historical development. Heller, a post-Marxist theorist, suggests that the categorical imperative itself would prohibit the systematic reification of human beings, as it demands that the subject treat any other human being as not only a means, but as an end in itself. In opposition to the unquenchable drives that the capitalist culture encourages, Heller spotlights needs that she labels as qualitative and radical, and which undergird the social reproduction of life. Among those she mentions are the needs for community, for human relationships, for sustainable work, for leisure, and for the development of personality. I refer briefly here to Heller's analysis of Kant's threefold *mania* as it acknowledges the potential of his criticism of social competition to unleash an 'everyday revolution', capable of deeply transforming the values and expectations of society. Yet, even if Kant holds that these 'basic needs'

⁸ On the economic features related to these manias, understood as pathologies of subjectivity exposed to competition, see Brosch (2024, pp. 193-202).

его антропологические работы могут отразить глубокую трансформацию ценностей и установок, определяющих социальную конкуренцию. Несмотря на особую симпатию автора к представленной Хеллер интерпретации кантовской критики социальных страстей, в следующих разделах основное внимание будет уделено ограничениям, накладываемым на признание и защиту республиканским государством социально-репродуктивного труда в качестве «всеобщего универсального права». При этом, согласно Канту, домашний труд — это некоторое множество действий и задач, находящихся в зоне ответственности женщин или домашней прислуги, которая замещает жилищных женщин в выполнении подобной необходимой, но политически недооцененной работы.

В этом разделе была предпринята попытка определить, каким образом антропологические работы Канта могут пролить свет на распространенный феномен социального доминирования, уделяя преимущественное внимание склонности к манипуляции и овеществлению других, поощряемой капиталистическими обществами до стадии трансформации в *страсть*. Тем не менее Кант рассматривает это явление как индивидуальный недостаток практического толка, а не как проявление структурной несправедливости, что было бы более точным его определением в рамках современного подхода.

3. «Косвенное властвование» женщин: свидетельство знания света или социальная несправедливость второго уровня?

Кантовское описание общества создает картину, в которой стремление к чести, страх оказаться в подчиненном положении и жажда завидного финансового положения представляют угрозу для нравственного развития человека, хотя все эти практические патологии

should not be overlooked for the sake of economic ambition, I am quite sceptical about the capacity of his own anthropological writings to reflect a deep transformation of the values and expectations that frame social competition. Although I view Heller's reading of Kant's criticism of social passion with the greatest sympathy, I will focus in the next sections on the limitations of his reasoning for making social reproductive labour a 'universal basic right' to be recognised and guaranteed by a republican state. Instead, Kant's account of domestic labour sees it as a set of activities and tasks naturally assigned to women or to the domestic servants who then supersede wealthy women in such basic and politically undervalued work.

In this section I have aimed to point out the ways in which Kant's anthropological writings help to shed light on the widespread phenomenon of social domination, as they focus on the inclination to manipulate and reify others that a capitalist society promotes to the point of becoming a *mania*. Even so, Kant characterises this as a practical individual fault rather than a structural injustice, as a contemporary account might more properly claim.

3. 'Indirect Domination' by Women: Proof of Social Knowledge or a Second-Order Social Disorder?

Kant's description of society paints a picture in which eagerness for honour, fear of being subjugated by others, and ambition for economic power threaten a human being's moral development, although all of these practical pathologies might also appear as 'human all too human' tendencies, and thus as understandable

могут казаться «человеческими, слишком человеческими» наклонностями и восприниматься как прощительные слабости. Стоит отметить тот факт, что в данном контексте Кант четко указывает на существование «искусства властвовать косвенно», требованиям которого соответствуют только женщины из домохозяйств высшего класса⁹. Чтобы постичь суть искусства косвенного властвования над другими, необходимо отделить его от социального доминирования, которое зиждется на силе индивида, занимающего более высокое положение. Кант утверждает, что такое искусство «не сопровождается насилием», при этом женщина «умеет властвовать над своим верноподданным и держать его в окопах посредством его собственной склонности» (AA 07, S. 273 (§ 85); Кант, 2024а, с. 330–331). Таким образом, женщина властвует над своим мужем, прибегая к «преимуществу очарования», что подразумевает получение объектом властвования некоторого удовольствия. В схожих текстах Кант отмечает, что косвенное властвование — явление, обусловленное как гендером, так и социальным классом, в том смысле, что не каждый человек удовлетворяет условиям, необходимым для подобного доминирования. В любом случае более состоятельные светские женщины «властвуют» в домашнем пространстве, к которому они принадлежат, но которое не возглавляют, *косвенным* образом, то есть посредством возбуждаемого ими в мужчинах полового влечения¹⁰.

Согласно Канту, структурная несправедливость зачастую создает преимущества для уязвимого субъекта, как это и происходит в случае

⁹ Более подробный анализ этого аспекта кантовского антропологического подхода к «косвенному властвованию» будет представлен в четвертом разделе данной статьи.

¹⁰ Стоит отметить, что в кантовских рассуждениях женщина высшего класса приобретает правовой статус посредством замужества, и это положение вещей оживленно обсуждалось в его собственном интеллектуальном кругу. При этом Паско (Pascoe, 2018, p. 222–227) утверждает, что Кант настаивает на возможности улучшения гражданского положения женщин посредством замужества и делегирования домашнего труда.

frailties. It is worth highlighting the fact that, in this context, Kant accurately emphasises the existence of an “indirect art of domination”, the conditions for which are only met by women in privileged households.⁹ To grasp the meaning of this art of indirectly dominating others, it is necessary to distinguish it from social domination, which is based on the strength of the person occupying the higher position. Kant argues that a woman “does not employ force, but knows how to dominate and bind [her] subject through his own inclination” (*Anth*, AA 07, p. 273 (§ 85); Kant, 2006, p. 173). Thus, a woman indirectly dominates her husband through “the advantage of *charm*” and the attendant emotions she stirs within him, which presupposes that he experiences pleasure in being dominated. In similar texts, Kant stresses that such indirect domination is both a gendered and class-determined phenomenon, in that not all human beings meet the requirements for exerting it. In any case, the more affluent women of society exhibit that they ‘dominate’ the domestic space to which they belong; not head on, but *indirectly*, i.e. through the sexual attraction they incite in the male sex.¹⁰

Kant often sees structural injustices as involving advantages for vulnerable subjects, as in the case of women.¹¹ This has key conse-

⁹ A fuller account of this point on Kant’s anthropological approach to ‘indirect domination’ can be found in section 4 of this paper.

¹⁰ It is worth noting that in Kant’s account, privileged women also acquire a legal status through marriage, something which would spark lively discussions in his own intellectual circle. On this issue, see Pascoe (2018, pp. 222–227), who suggests that Kant attempts to promote the civil improvement of affluent women through marriage and the outsourcing of domestic labour.

¹¹ See, for instance, his remark that “the provision of nature put more art into the organisation of the female part than of the male” (*Anth*, AA 07, p. 303; Kant, 2006, p. 204 (‘The Character of the Sexes’)). Yet Kant does not examine how the ‘social knowledge’ of women is hinged on the adoption of ‘adaptive preferences’, a phenomenon which has historically characterised the social behaviour of subaltern subjects. The intertwinement of forms

женщин¹¹. Из этого и проистекают основные последствия домашнего «заточения» «прекрасного пола», как представляет их Кант в своем анализе, который, фокусируясь лишь на одном социальном классе, не дает заявленного объективного взгляда на ситуацию. Кант утверждает, что состоятельным женщинам свойственна *иллюзорная* форма властвования. Следовательно, в рамках кантовской социальной философии подобный вид субъектности не может быть рассмотрен в качестве следствия структурной несправедливости. Рассуждая в русле кантовской мысли, философы более поздних периодов, например М. Фуко, демонстрируют ту же гносеологическую слепоту в вопросах гендерного доминирования, что лежит в основе традиционного прочтения взаимодействия между полами. Подтверждением тому служит следующий отрывок из введения к французскому изданию «Антропологии в прагматическом отношении»:

...будучи жестокой формой взаимодействия, объективирующей женщину до предела, где ей может угрожать уничтожение, ревность представляет собой и признание ее ценности; напротив, именно отсутствие ревности низвело бы женщину до положения заменяемого товара. Право ревновать вплоть до убийства — это признание нравственной свободы женщины (Foucault, 2008, p. 26).

Цитата из Фуко приводится для того, чтобы подчеркнуть способность патриархального

¹¹ См., например, его замечание о том, что «предусмотрительность природы вложила больше искусства в организацию женской части, чем в организацию мужской» (АА 07, S. 303; Кант, 2024а, с. 361; курсив мой. — Н. С.-М.). Тем не менее Кант не рассматривает зависимость женского «знания света» от принятия «адаптивных предпочтений» — феномена, который исторически определял социальное поведение индивидов, занимающих более низкую позицию в иерархии. Связь между формами властвования и развитием прозорливости не затрагивается в кантовской антропологической и практической философии (см.: Khader, 2011; Nay, 2013). Автор выражает благодарность одному из рецензентов за привлечение внимания к этому обстоятельству.

quences for his account of the domestic 'lock-down' of the 'beautiful sex', which, by its focus on a particular social class, is hindered in delivering an allegedly objective portrayal. According to Kant, wealthy women display an *illusory* form of domination which, as mentioned above, prevents this agency from being viewed as an effect of a structural injustice in Kant's social philosophy. In the wake of Kant, later philosophers such as Michel Foucault have shown an astonishing epistemic blindness towards the gender domination that underpins a traditional reading of this interaction between the sexes, as in the following excerpt from the introduction to his French translation of Kant's *Anthropology from a Pragmatic Point of View*:

as [a] violent form of interaction which objectifies a woman to the point where she can simply be destroyed, [jealousy] is also a recognition of her value; indeed, only the absence of jealousy could reduce a woman to a piece of merchandise, where she would be interchangeable with any another. The right to be jealous — to the point of murder — is an acknowledgement of a woman's moral freedom (Foucault, 2008, p. 43).

I quote Foucault's account primarily to highlight how patriarchal domination can overshadow the social suffering it entails by means of the fantasies it projects onto its victims. Indeed, Foucault goes far beyond Kant's own stance, as he seems to assess the relationship between the sexes as a bond in which one of the agents — always the woman — is willing to put

of domination and the development of a sense of sagacity remains a much neglected blind spot in Kant's anthropological and practical philosophy, which might be illuminated with the help of interpreters such as Khader (2011) and Hay (2013). I am grateful to one of the reviewers of this paper for calling my attention to this point.

доминирования камуфлировать причиняемое им социальное страдание фантазиями, проектируемыми на его жертв. Фуко заходит гораздо дальше, чем Кант, рассматривая отношения между полами как связь, в котором один из субъектов (и это всегда женщина) готов рисковать своей жизнью. Кроме того, он утверждает, что подобный смертельный риск якобы указывает на «нравственную свободу женщины», в той мере в какой она воспринимается не как «заменяемый» товар, а как товар, «подлежащий завоеванию»¹². В такой интерпретации не находится места равноправным отношениям внутри домохозяйства. Один из его членов должен быть наделен властью, и во времена Канта естественным образом ожидалось, что это будет мужчина. Иначе брак пришлось бы переосмыслить как полноценный договор сторон, обладающих равными правами на удовлетворительный межполовой взаимообмен, не ставящий своей обязательной целью размножение¹³, что не могло быть популярной идеей во времена Канта, несмотря на приемлемость концепции союза, скрепленного взаимным расположением, в современной социальной культуре (Pascoe, 2018, p. 232–235). В этом контексте

¹² О взаимосвязи любви и ревности в кантовском анализе человеческих аффектов пишет Шумаг: «В “Антропологии” Кант отождествляет конец любовного страдания с концом самой любви. Таким образом он связывает наличие побуждений к ревности с самой сутью любви, подразумевая, что любовь как таковая предполагает чувство ревности. Абстрактно относясь к опасению или предчувствию потери внимания или взаимности любимого человека вследствие его увлечения кем-то или чем-то другим, ревность у Канта по сути своей имеет гендерную принадлежность, но в очень специфическом ключе. В первом приближении может показаться, что для Канта (как и Фуко) существует исключительно мужская ревность. <...> При этом не ревность как таковая, но право ревновать является прерогативой мужа. Мы уже отмечали парадоксальность этого права: ревность одновременно указывает на принижение женщины и невозможность низведения ее до положения утилитарного предмета» (Sumah, 2022, p. 78).

¹³ Действительно, Кант рассматривает брак как контракт в «Учении о праве» (AA 06, S. 277–278; Кант, 2014, с. 211). Представляется, что подобный контракт изобилует препятствиями для гражданской эмансипации женщин.

her life at risk. Moreover, he argues that such a deadly risk supposedly hints at a ‘woman’s moral freedom’, insofar as she refuses to be considered a mere ‘exchangeable’ object, and prefers instead to be viewed as a ‘conquerable’ one.¹² In such an account, there is no place for an equal relationship within the household; one of the partners must wield authority, and in Kant’s time this was naturally expected to be the man. Otherwise, marriage would be recast as a full-fledged contract between parties with an equal right to a reciprocal and satisfying sexual exchange independent from the aim of procreation;¹³ and this was not a promising idea in Kant’s day, even if it appears to be the accepted notion of affective union in contemporary social culture (Pascoe, 2018, pp. 232-235). Given such a context, it is not surprising that Foucault praises Kant’s capacity to attribute the agency left to confined subjects to sheer passivity, it being very probable that they engage in it to lure more socially powerful agents. In the eighteenth century, however, the ability to entice the male sex was not open to women of all social classes, as marriage was not viewed as

¹² On the link between love and jealousy in Kant’s account of human affects, see Suma (2022, p. 78): “In his *Anthropology*, Kant associates the end of pain of love with the end of love itself. He thus connects the presence of jealous impulses to the very essence of love, suggesting that love inherently involves feelings of jealousy. Though abstractly referring to the fear or apprehension of losing the affection or attention of a loved one to someone or something else, for Kant, jealousy is inherently gendered, but in a very specific way. On first approach, it may seem that, for Kant (and Foucault), there is no other jealousy except for masculine jealousy. [...] It is not jealousy as such that is reserved for the husband, but rather the right to be jealous. We’ve already pointed out the paradoxical status of this right: jealousy signals simultaneously the woman’s reduction and the impossibility of her reduction to a mere object of utility.”

¹³ It is a fact that Kant does address the marriage as a contract in his *Doctrine of Right* (MS RL, AA 06, pp. 277-278; Kant, 1996a, p. 62). My point is that such a contract involves many drawbacks for the civil emancipation of women.

не вызывает удивления, что Фуко восхваляет способность Канта относить ту малую субъектность, что остается у ограниченных в правах, на счет пассивности, подчеркивая высокую вероятность использования такой субъектности для соблазна социально доминирующих субъектов. В XVIII в. тем не менее оболечение представителей мужского пола было доступно женщинам не всех социальных классов, так как решение о вступлении в брак не принималось по собственному усмотрению. Напротив, такой союз считался социальной и экономической инвестицией для обоих партнеров, что имело особое значение для буржуазных семей¹⁴. Данное обстоятельство сводит на нет универсальную ценность кантовских замечаний о перспективах описываемых им женщин.

Как я упомянула во введении, Варден предлагает интересную интерпретацию кантовского сексистского анализа социальной субъектности женщин (Varden, 2020, p. 90). В частности, она пишет, что Кант признает за женщинами «знание света», более прозорливое, чем то, что свойственно мужчинам¹⁵. Кроме того, внимание, проявляемое мужчиной к жене после заключения брака, будто бы созвучно с беспокойным стремлением жены «превзойти других женщин прелестями или пышностью» (AA 07, S. 307; Кант, 2024а, с. 366). Тем не менее представляется, что гендерно-детерминированные

¹⁴ Во многих из своих романов Дж. Остин указывает на порочность современной ей этической рамки, увязывавшей любовь и брак с финансовыми вложениями. Подобная связь умножала источники страданий и мужчин, и женщин, в особенности последних, в которых Остин видела социальную группу, принуждаемую к заключению выгодной брачной сделки. См.: (Hume, 2013; Deyo, 2016).

¹⁵ Стоит отметить, что превосходящие способности в светской жизни, которые Кант признает за женщинами, связываются скорее с обладанием интеллектуальными произведениями, чем с реальным знакомством с ними. Таким образом, в свете лишь имитируется наличие некоторых способностей. См.: «Что касается ученых женщин, то их книги нужны им примерно так же, как их часы, а именно, чтобы носить их и чтобы все видели, что часы у них есть, хотя часы эти обыкновенно стоят или неверно показывают время» (AA 07, S. 307; Кант, 2024а, с. 366).

a decision to be made at one's own discretion, but rather as a social and economic investment for both partners that was crucial for bourgeois families¹⁴ – a circumstance that hinders a universalisation of the value of Kant's remarks about the aspirational horizons of the women he describes.

As mentioned in the introduction, Varden (2020, p. 90) has suggested an inspiring interpretation of Kant's sexist account of women's social agency, noting that he assigns to women a 'social knowledge' which is shrewder than that of men.¹⁵ In this same vein, a man's attention to his wife after marriage would seem to harmonise with the wife's anxiety "to outdo other women in charm and fashionableness" (*Anth*, AA 07, p. 307; Kant, 2006, pp. 208-209). Yet in my view such a gendered allocation of social knowledge may be in tune with the effects of a structural patriarchal domination. In slightly different terms, women tend to show a thorough awareness that they are universally observed as a consequence of the domination they experience from the cradle to the grave. Moreover, Kant's remarks do not hide the supposition that any woman would yearn to live as a man, while "no man, however, would want to be a woman" (*ibid.*). Somehow, the Kantian de-

¹⁴ In many of her novels, Jane Austen held that the ethical framework of her time was wrong, as it tied love and marriage to economic investment, and such a bond snowballs the sources of unhappiness for men and especially for women, whom Austen viewed as a social set under the pressure of settling an advantageous marriage deal. On this issue, see Hume (2013), and Deyo (2016),

¹⁵ It is worth mentioning that the higher social abilities Kant attributes to women often prioritise the mere possession of intellectual products over a real acquaintance with them, which leads to the faking of some capacities as a means to appear in society as really possessing them. See *Anth*, AA 07, p. 307 (Kant, 2006, p. 209): "As concerns scholarly women: they use their *books* somewhat like their *watch*, that is, they carry one so that it will be seen that they have one; though it is usually not running or not set by the sun."

различия в знании света могут быть связаны с последствиями патриархального структурного доминирования. Иными словами, женщины, как правило, остро осознают, что находятся под пристальным наблюдением, существуя от колыбели до могилы в ситуации подчинения. Кроме того, в кантовских замечаниях явным образом предполагается, что любая женщина хотела бы жить как мужчина, в то время как «ни один мужчина не захочет быть женщиной» (Ibid.; Там же). Некоторым образом кантовское описание женского ума содержит в себе указание на неприемлемый социальный статус женщины, который не желал бы примерить на себя ни один мужчина. Исходя из этого можно утверждать, что в *предполагаемой взаимности* отношений между партнерами по домохозяйству, которое, согласно Канту, не является пространством равенства (это утверждение будет рассмотрено в следующем разделе), сокрыто *патриархальное гендерное угнетение*, так как ожидается, что женщина будет доминировать или властвовать исключительно благодаря сексуальной привлекательности, теряющей свою силу вскоре после дня бракосочетания¹⁶. Не отвергая идею Варден о «знании света», которое Кант приписывает женщинам в своем анализе гендера и пола, автор данной статьи считает целесообразным рассматривать женское властвование в качестве «нарушения второго уровня», то есть социальной патологии (Zurn, 2011), которая нередко пересекается с гносеологической несправедливостью (Fricker, 2007). Согласно известным описаниям нарушений второго уровня (Honneth, 1995; Zurn, 2011; Laitinen, 2015; Laitinen, Särkelä, 2019), данный

¹⁶ См. приведенный выше отрывок из Фуко. Кант также советует женщинам не выходить замуж за мужчин младше себя, поскольку они имеют большую половую способность (*Geschlechtvermögen*) (AA 07, S. 308–309; Кант, 2024а, с. 368), что исключает возможность ревности, которую женщина должна пробуждать в муже. Гиппель утверждает в своем труде «Об улучшении гражданского положения женщины», что любой человек должен рассматриваться лишь как средство достижения высших целей (Hippel, 1979, p. 159). См.: (Sabourin, 2021a, p. 163–167).

piction of the female mind suggests an undesirable social status that no man would be willing to accept.

In light of this, it might be affirmed that the *alleged reciprocity* of both partners in the household, which is not a space of equals in Kant's view (and I will return to this point in the next section) conceals a *patriarchal gender oppression*, as women are expected to dominate their men simply by dint of the sexual attraction they trigger, something which usually does not last very long after the wedding.¹⁶ Without at all rejecting Varden's claim of the 'social knowledge' that women possess in Kant's examination of gender and sex, I would rather suggest that female domination be explored as a 'second-order disorder', i.e. a social pathology (Zurn, 2011) often intertwined with situations of epistemic injustice (Fricker, 2007). According to a well-known account of such second-order disorders (Honneth, 1995; Zurn, 2011; Laitinen, 2015; Laitinen and Särkelä, 2019), this phenomenon points to a social pathology which, despite entailing obvious disadvantages for the subject, also generates a cognitive dissonance and a false consciousness that leads her not to see herself as a victim of social injustice and exclusion. In other words, the subject undergoing this sort of social pathology tragically cooperates in the perpetuation of her own subalternity, insofar as she obtains some symbolic and material (shelter, protection) reward

¹⁶ See Foucault's passage above. Kant also advises women not to marry younger men, as these would have more *sexual power* [*Geschlechtvermögen*] than they do (*Anth*, AA 07, pp. 308-309; Kant, 2006, p. 210), and this would ruin the jealousy that the woman is expected to arouse in her husband. Hippel claims in *On Improving the Status of Women* that no human being ought to be "considered merely as a means to higher goals" (Hippel, 1979, p. 159). See Sabourin (2021, pp. 163-167).

феномен указывает на социальную патологию, которая, хотя и имеет негативные последствия для субъекта, создает когнитивный диссонанс и ложное сознание, в результате чего женщина не воспринимает себя жертвой социальной несправедливости и социального исключения. Иными словами, субъект, переживающий подобную социальную патологию, трагическим образом вносит свой вклад в продление своего подчиненного положения, получая некое символическое и материальное поощрение (кров, защита) за принятие присвоенного ему пассивного гражданского статуса. Кроме того, под влиянием «нарушения второго уровня» ущемленный субъект приобретает некую вымышленную субъектность («иллюзорную» в терминологии Канта), позволяющую успешно взаимодействовать с обществом, недружелюбно настроенным к группе, к которой принадлежит субъект. Ниже будет предпринята попытка изложить данный тезис более подробно.

Представляется, что описание женщины в антропологических трудах Канта в значительной мере соответствует определению субъекта, поставленного в невыгодное гносеологическое и нравственное положение, поскольку женщина оказывается неспособна идентифицировать несправедливые структуры, побуждающие ее соглашаться с отношением к ней как имеющей более низкий статус. В обоих случаях субъект считает естественной ограниченную или косвенную субъектность, привязанную к пространству домашнего (объясняется это биологической предопределенностью или предполагаемым «характером женского пола»), и именно это положение вещей подталкивает женщин к тому, чтобы извлекать пользу из своей слабости¹⁷. Фрагменты текстов, в которых говорится о гендерно-детерминированном разграничении между *властованием*, приписываемым женщинам, и *управлением*, являющимся

¹⁷ Стоит отметить, что, согласно Канту, возможность косвенного властвования определяется свойствами гендера. Например, в социальном пространстве скромный рабочий не имеет средств к навязыванию своей воли более могущественному субъекту, своему работодателю.

from the acceptance of the passive civil status she is assigned. Moreover, under the influence of a 'second-order disorder', the damaged subject adopts a sort of fictional agency – 'illusory', in Kant's terms – which allows her to successfully interact in a society which is unfriendly towards the social set to which she belongs. I will attempt in what follows to cast further light on this claim. In my view, the depiction of women in Kant's anthropological writings corresponds well with the phenomenon of a subject suffering an epistemic and moral disadvantage, as the woman is incapable of realising that unfair structures bring about her own consent to being subordinated. In both cases, the subject assumes that it is natural – due to a biological destiny, or to the alleged "character of the female sex" – to have limited and indirect agency bound to the domestic sphere, and it is especially this which encourages women to find advantage in their weaknesses.¹⁷ Textual evidence of the gendered division between the *domination* that women exercise and the *rule* that only men can exert also suggests a gendered division in the mental faculties themselves, an idea which Kant fully adopts: "Who, then, should have supreme command in the household? – for there certainly can be only one who coordinates all business in accordance with one end, which is his. I would say, in the language of gallantry (though not without truth): the woman should *dominate* and the man should *govern*; for inclination dominates, and understanding governs" (*Anth*, AA 07,

¹⁷ It is worth mentioning that Kant's account of indirect domination depends on features of gender, as a humble male worker would not possess the means to impose his will over a more powerful subject – his employer, for instance – in the social realm.

ся прерогативой мужчин, также предполагают и основанное на гендере разграничение между умственными способностями. Кант всецело принимает эту точку зрения: «Кому же в таком случае должно принадлежать в доме верховное командование? Ведь только один человек может привести все дела в нем в согласующуюся с целями дома взаимную связь. — На языке галлантности (и все же не вовсе удаляясь от истины) я сказал бы: женщина должна *властвовать*, а мужчина — *править*, ибо склонность властвует, а рассудок правит» (AA 07, S. 309–310; Кант, 2024a, с. 368–369)¹⁸. Как показывают подобные отрывки, Кант рассматривает жен высшего класса через призму «иллюзии», побуждающей их к «властвованию» над своими мужьями посредством сексуальной привлекательности. В рамках эмпирического психологического анализа это обстоятельство уравнивает молчаливое подавление, в условиях которого эти женщины живут изо дня в день¹⁹.

¹⁸ Этот отрывок можно сопоставить с фрагментами из кантовских «Лекций по антропологии», в которых подчеркивается зависимость способностей властвовать и править от гендера. См.: «Во властвовании остается место настроениям, которым нет места при рассудке. Мужчина устанавливает домашние законы, посредством которых он должен тем не менее устраивать все таким образом, чтобы женщина всегда сохраняла авторитет (Ansehen) властвования. Тем же образом большинство государей властвуют, но министры правят» (AA 25, S. 1193). Также см.: «Властвование дома — дело жены, но управление — дело мужа. Властвование может происходить сообразно настроениям, но управление — сообразно законам. <...> Женщина скорее может править целым государством, чем домом, ибо в стране она не правит, а лишь властвует, в то время как министры правят. Но если в доме нет никого, кто правит, то в одиночку она не может управлять домашним хозяйством. Женщина властвует над мужчиной, но мужчина управляет женщиной, так как склонность властвует, а рассудок правит. Склонность указывает цели, а рассудок сводит их к цели, сообразующейся с благополучием. Рассудок направляет и судит сообразно своим правилам» (AA 25, S. 717–718).

¹⁹ «Иллюзия» играет ключевую роль в общении между полами, согласно воззрениям Канта на пол и гендер, поскольку, с одной стороны, мужчина видит в женщине субъектность, которой та на самом деле не обладает, а лишь оттачивает свое поведение таким образом, чтобы оно приносило плоды в патриархальном обществе. С другой же стороны, хотя женщины чувствуют себя свободными и способными ставить перед собой собственные цели, в реальности они лишь принимают нормы, позволяющие им возвыситься в

pp. 309-310; Kant, 2006, p. 211).¹⁸ As passages like this confirm, Kant views affluent wives in terms of an ‘illusion’ that inclines them to ‘dominate’ their husbands through sexual attraction, a fact which, in this empirical psychological analysis, works to counterbalance the silenced oppression they live with daily.¹⁹ Yet by such an account, Kant relegates women to fulfilling, at best, an ornamental role in the

¹⁸ This passage could be compared to passages from Kant’s *Lectures on Anthropology*, which emphasise this gendered distribution of the capacity to dominate and to rule. See *V-Anth/Mensch*, AA 25, p. 1193 (Kant, 2012b, p. 325): “Domination permits moods, which however do not occur with understanding. Man prescribes the domestic laws, whereby he however must always arrange everything so that woman retains the appearance of domination. Thus, most princes dominate, but the ministers govern,” and *V-Anth/Fried*, AA 25, pp. 717-718 (Kant, 2012a, pp. 246-247): “Domination in the home is the wife’s affair, but the rule [is] the man’s [affair]. Domination can occur in accordance with mood, but rule in accordance with law. [...] A woman can sooner rule an entire kingdom than a household, for in the land she does not rule, but only dominates, and the ministers rule. But if there is no one in the household who rules, then she cannot rule the household alone. The woman dominates the man, but the man rules the woman, for inclination dominates and the understanding rules. Inclination provides the purposes, but the understanding restricts them to the purpose which agrees with the well-being [of the household]; it directs and judges it according to its rules.”

¹⁹ ‘Illusion’ fulfils a key role in the communication between the sexes in Kant’s account of sex and gender, as on the one hand men consider women to have an agential capacity that in reality they do not possess; rather, they simply adapt their conduct so as to reap the best fruits within a patriarchal society. On the other hand, although women feel they are free to set goals of their own, they in fact only adopt the norms that will make them rise in the estimation of others. See footnote 10 of this paper on the ‘adaptive preferences’ of women. I am indebted to one of the reviewers of this paper for suggesting that I stress the functionality of ‘appearance’ in gender interaction in Kant’s anthropological and practical philosophy.

Таким образом Кант оставляет за женщинами роль не более чем украшения домашнего пространства, потенциально уравнивающую доминирование (не косвенное и перформативное, но действенное и не подлежащее обсуждению), которое они испытывают на себе в пределах домохозяйства, а следовательно, и в публичном пространстве, где они не считаются активными гражданами. Неудивительно и следующее утверждение Канта: «женщину брак освобождает; мужчина теряет в браке свою свободу» (AA 07, S. 309; Кант, 2024а, с. 368), так как первая обретает кров и защиту от внешней агрессии, в то время как последний отказывается от права на свободную половую жизнь, которым общество наделяет мужчин и в котором отказывает женщинам. В следующих разделах данной статьи будут рассмотрены некоторые классовые различия, лежащие в основе кантовского анализа предполагаемого несовершеннолетия женщин, поскольку возлагаемые им надежды не могут быть перенесены на женщин рабочего класса, страдающих от притеснений на рабочих местах. Понимание под «женщинами» исключительно белых европейских женщин — еще одно слепое пятно в кантовской рефлексии по поводу характера, приписываемого женскому полу²⁰.

4. Кант о репродуктивном бремени: путь к эмансипации женщин или закрепление социальной эксплуатации?

Гендерно-детерминированный подход к домашнему пространству, обозначенный в антропологии Канта, не смягчается в его фи-

---

глазах других. См. примеч. 10 к данной статье, где говорится об «адаптивных предпочтениях» женщин. Автор выражает благодарность одному из рецензентов, предложившему подчеркнуть функциональность «кажимости» в гендерном взаимодействии в том виде, в котором она предстает в антропологической и практической философии Канта.

²⁰ Тем самым автор продолжает обсуждение «слепых пятен» в кантовском понимании Просвещения, начатое Ш. Сабурэн (Sabourin, 2021б, р. 237–238, 255) и Д. Хусейнзадеган (Huseyinzadegan, 2018, р. 1–2).

domestic space, which may serve to offset the domination — not indirect and performative, but effective and non-negotiable — that they suffer within the household and consequently in a public sphere that does not acknowledge them as active citizens. It does not therefore seem odd for Kant to affirm that “[w]oman becomes free by marriage; man loses his freedom by it” (*Anth*, AA 07, p. 309; Kant, 2006, p. 211), as the former obtains shelter and protection against external aggressions, while the latter renounces the sexual license that society allows to him, but prohibits to women. In the next sections of this paper, I will focus on some of the class traits that underpin Kant’s account of the alleged immaturity of women, as the horizon of expectations he describes could not equally be projected onto working-class women oppressed by abusive workplaces. Such a view — that the term ‘women’ refers exclusively to white European women — remains another blind spot in Kant’s reflections on the character of the female sex.²⁰

4. Kant on Reproductive Burdens: An Emancipatory Path for Women or the Perpetuation of Social Exploitation?

The gendered account of the domestic space in Kant’s anthropology is not rectified by his legal philosophy. On the contrary, the relegation of women to passive citizenship seems to hinge on the assumption of their civil immaturity, as human beings who always

---

²⁰ In this, I continue the project of bringing to awareness the ‘blind spots’ in Kant’s notion of the Enlightenment, as also pursued by Sabourin (2021, pp. 237-238, 255) and Huseyinzadegan (2018, pp. 1-2).

лософии права. Напротив, очевидно, что низведение женщин до состояния пассивных граждан зиждется на предположении об их гражданском несовершеннолетии, объясняемом их постоянной потребностью в опекуне, то есть муже²¹. Согласно сексистской логике, изложенной в третьей части данной статьи, Кант связывает несовершеннолетие в осуществлении общественных трансакций и деловых операций с той властью, которую женщина имеет в домашнем пространстве и которую он обозначает как «право слабейшего» (AA 07, S. 209 (§ 48); Кант, 2024а, с. 259), подлежащее уважению и защите со стороны мужского пола²². Но «домашняя власть» женщин в этой трактовке управления домохозяйством приводит к тому, что к ним относятся со снисхождением, а Кант называет их «более чем совершеннолетними» (*übermündig*) в отношении общения, считая их особенно разговорчивыми человеческими особями. Действительно, язык эссе «Что такое просвещение?» будто бы пародирует якобы неконтролируемую речь женщин, служа еще одним примером патриархального доминирования, сводящего на нет их желание стать видимыми в публичной сфере. Кант признает, что же-

²¹ Только в том случае, если женщина сохраняет за собой после заключения брака свое имущество, ее может представлять наставник, отличный от ее мужа, что указывает на тот факт, что Кант ориентируется в своих антропологических заметках не только на социальные обычаи, но и на правовые нормы своего времени, см.: (AA 07, S. 209 (§ 48); Кант, 2024а, с. 259).

²² См. расходящийся с этим выводом анализ домашнего заточения женщин, предложенный Гиппелем: «В то время как рассудок и способность суждения начали развиваться в мужчине благодаря обширности его сферы влияния и пока его сношения с буржуазным обществом приобретали всё более возвышенную форму посредством обобщения данных понятий, душа женщины ужималась до размеров ее домохозяйства» (Hippel, 1979, p. 92). О структурных изменениях, предлагаемых Гиппелем в его эссе для улучшения положения женщин, пишет Сабурэн: «Так как жизнь женщины ограничена пределами домохозяйства и они обладают более чем скромными возможностями участия в общественной жизни, возможностей развивать разум у них также меньше, чем у мужчин» (Sabourin, 2021a, p. 174). Сабурэн отмечает, что, по Гиппелю, женщины выиграют от наличия женщин-врачей, женщин-судей и женщин-преподавателей, которые пробудят в них большее уважение к соответствующим институтам.

require a guardian, i.e. their husbands.²¹ According to the sexist logic I touched upon in section three, Kant links this immaturity for managing public transactions and business to the power that women achieve in the domestic space, a power that he labels “the *right of the weaker*” (Anth, AA 07, p. 209 (§ 48); Kant, 2006, p. 103), which the male sex should respect and protect.²² Yet their ‘domestic power’ in this account of household administration causes women to be treated with condescension, as well as leads Kant to declare them ‘over-mature’ [*übermündig*] as speakers, i.e. as especially talkative human beings. Indeed, the language of “What is Enlightenment?” is phrased so as to mock the allegedly uncontrolled speech of women, in another example of the patriarchal domination that thwarts their desire for visibility in the public sphere. Kant acknowledges that this frustrated desire, brought about by their confinement in the home, does in fact carry unwanted consequences, as such a lifestyle does not allow a full-fledged development of humanity in women. Furthermore, the sections of *Anthro-*

²¹ Only in the case that a woman maintains her possessions after the marriage can she be represented by a guardian other than her husband, which reveals that Kant takes not only social habits into account in his anthropological remarks, but also the legal norms of his time. See Anth, AA 07, p. 209 (§ 48) (Kant, 2006, p. 103).

²² See a divergent analysis of the domestic confinement of women in Hippel (1979, p. 92): “[W]hile understanding and the powers of judgment in the man began to increase through his enlarged sphere of influence, while his dealings with bourgeois society took on a higher form through the generalisation of his concepts, the soul of the woman shrank more and more into the limits of her household.” On the structural changes that Hippel endorses in his essay in favour of women, see Sabourin (2021, p. 174): “Since women are confined to the household and have only very limited opportunities to take part in public life, they have many fewer opportunities than men to develop their reason”. Sabourin also points out that Hippel valued the benefits that women would enjoy from having female doctors, judges, and instructors, which would inspire them to have more confidence in institutions.

ление, неудовлетворенное по причине ограниченности домашним кругом, в самом деле имеет печальные последствия, так как подобный образ жизни препятствует полноценному развитию в женщине человеческих качеств. Более того, разделы «Антропологии...», посвященные последствиям подобного пренебрежения способностью познания, содержат намеки на насилие, лежащее в основе гендерно-детерминированного распределения возможностей в домашнем пространстве. Быть может, наиболее примечателен в этой связи отрывок, повествующий о находящемся в плачевном положении муже, сталкивающимся с чрезвычайными домашними ситуациями, такими как пожар.

Представляется целесообразным уделить внимание этому фрагменту, поскольку он косвенно демонстрирует то, как Кант объясняет естественным положением вещей женскую ответственность за управление домашними делами: «Ученые обыкновенно охотно позволяют, чтобы их жены держали их в несовершеннолетия в отношении домашних распоряжений. Один погребенный среди своих книг ученый на крики слуги о том, что в одной из комнат пожар, ответил: “Вы знаете, что такого рода вещи относятся к ведению моей жены”» (AA 07, S. 210 (§ 48); Кант, 2024а, с. 260). В этом случае позиция мужчины-ученого значима: он устанавливает непреодолимый гендерный барьер между интеллектуальным и прагматическим трудом, так как мужчина, погруженный в исследования в своей библиотеке, ни в кой мере не должен быть озабочен общими базовыми нуждами домохозяйства, как это свойственно женщинам, что относится и к сохранности материальной инфраструктуры²³. Представляется, что дан-

²³ Сабурэн дает следующую интерпретацию данного текста: «Ученый, неспособный справиться с пожаром в своем доме и обращающийся по подобным поводам к жене, в некотором роде несовершеннолетний, что не делает его тем не менее несовершеннолетним во всех иных отношениях. Вероятно, можно утверждать, что это не та форма несовершеннолетия, преодолевать которую, согласно Канту, следует посредством просвещения. Представим себе жену такого ученого. Мы можем предположить, что она является совершеннее, чем минимум в одном отношении: она может справиться с потенциально угрожающими жизни

pology that focus on the effects of the cognitive faculty neglected in this way contain various hints of the violence that underpins the gendered distribution of capacities in the domestic space. Perhaps the most striking passage depicts overwhelmed husbands faced with domestic accidents such as fires. I suggest that some attention be paid to this excerpt, as it shows indirectly how Kant naturalises the assignment to women of the management of domestic issues: “Scholars usually are glad to allow themselves to be kept in immaturity by their wives with regard to domestic arrangements. A scholar, buried in his books, answered the screams of a servant that there was a fire in one of the rooms: ‘You know, things of that sort are my wife’s affair’” (*Anth*, AA 07, p. 210 (§ 48); Kant, 2006, p. 104). The role of the male scholar in this text is quite meaningful, as it establishes an unyielding gendered border between intellectual and pragmatic labour: a man devoted to study in his own library would not to any extent be as concerned as women are with the basic, common needs of the household, including the safety of its material structures.²³ In my view, this remark deserves a special mention as it plainly shows the dependence that a man is recognised to have on a woman with regard to

²³ On the interpretation of this text, see Sabourin (2021, pp. 245-246): “The scholar who is unable to cope with his house being on fire and turns to his wife for such domestic affairs is thus immature in a certain way – which does not mean that he is immature in all respects. We can probably safely affirm that this is not the kind of immaturity Kant is expecting people to escape through Enlightenment. Indeed, let us imagine the wife of this scholar. We can assume that she is mature in at least one way: that of managing potentially life-threatening domestic situations – which is certainly not the worst skill to have.” On the different sorts of immaturity mentioned by Kant, see *V-Anth-Mron*, AA 25, pp. 1427-1428 (Kant, 2012c, p. 508).

ное замечание заслуживает внимания именно потому, что оно явным образом показывает, насколько мужчина, по общему мнению, зависим от женщины во всем, касающемся ведения домашнего хозяйства. И зависимость эта так велика, что мужчина ставит под угрозу свое домохозяйство исключительно из нежелания погружаться в домашние дела²⁴. Ученый, о котором пишет Кант, не только полагается на субъектность своей жены в данном аспекте, но и утверждает свое право оставаться погруженным в свой «интеллектуальный труд» невзирая ни на какие бытовые проблемы.

Этот отрывок свидетельствует в пользу представления Канта об интеллектуальном труде как о более достойном занятии, чем работа по уходу за близкими и домом, делающая последний приятным и пригодным к проживанию местом. Более того, именно от женщины ожидается выполнение подобной работы, даже если домашний труд не получает никакого гражданского признания. Действительно, совершеннолетие женщины в том, что касается потенциальных чрезвычайных ситуаций в домохозяйстве, противопоставляется несовершеннолетию мужчины, неспособного разумно отреагировать на такие ситуации и справиться с ними. Кантовское представление о публичной сфере тем не менее не включает совершеннолетие в вопросах ухода за близкими и домом в определение идеального образа активного гражданина. Эта антропологическая прелюдия может лечь в основу анализа репродуктивного бремени с точки зрения кантовской философии права.

домашними ситуациями, что далеко не худший навывк» (Sabourin, 2021b, p. 245–246). О других видах несовершеннолетия, выделяемых Кантом, см.: (AA 25, S. 1427–1428).

²⁴Как отмечает Паско, в таких фрагментах Кант игнорирует тот факт, что зависимость главы домохозяйства от выполнения женой домашней работы подтверждает наличие у активных граждан пассивных черт, что могло бы радикально изменить воззрения Канта на гражданство: «Хотя Кант намекает на “несовершеннолетие” домовладельца в том, что касается домашних дел, необходимость как в подобном труде, так и в соответствующем использовании разума не считается формой зависимости в рамках кантовской концепции гражданства. Напротив, данные обстоятельства являются доказательством и условием возможности независимости» (Pascoe, 2022, p. 17).

domestic management, to the extent of putting the household at risk though the sheer determination not to share in domestic tasks.²⁴ The scholar Kant refers to not only trusts the agency of his wife in such cases, but claims that it is his right not to be bothered in his ‘intellectual labour’ by the common issues of daily life. Such an excerpt confirms that Kant views intellectual activity as a higher task than the caregiving work which is aimed at making the home a pleasant and habitable place. Moreover, it is women who are intended to fulfil the latter role, even if such domestic labour does not receive any kind of civil recognition. Indeed, female maturity in dealing with potential domestic accidents is contrasted with the immaturity of the male in reacting to and coping with them prudently. Kant’s notion of the public sphere, however, does not take into account such maturity in caregiving matters when defining the ideal image of the active citizen. This anthropological prelude may provide the basis for an account of reproductive burdens from the standpoint of Kant’s legal philosophy.

Kant’s anthropological writings mirror the gendered, patriarchal patterns that structured eighteenth-century bourgeois society. It is a fact that such patterns often stemmed from legal frameworks that, for instance, defined the

---

²⁴ As Pascoe highlights, it is worth noting that in such passages Kant does not consider whether the dependence of the head of the household on the domestic management provided by his wife confirms some key passive traits of active citizens, a view that might have radically changed Kant’s account of citizenship. See Pascoe (2022, p. 17): “While Kant nods to the ‘immaturity’ of the householder in domestic matters, his reliance on both this labour and its attendant use of reason is not mapped as a form of dependence in Kant’s conception of citizenship; rather, it is proof of and the condition for the possibility of his independence.”

Антропологические работы Канта отражают гендерно-детерминированные, патриархальные паттерны, структурировавшие буржуазное общество XVIII в. Очевидно, что эти паттерны зачастую проистекали из правовой рамки, определявшей домохозяйство среднего класса как «сообщество неравных» (AA 06, S. 283 (§30); Кант, 2014, с. 227)²⁵, в котором только единственный кормилец может *править* и *управлять* своей женой, детьми и слугами²⁶, в то время как жене позволено *властвовать* в том, что касается домашней работы и ведения домашнего хозяйства. Тем не менее партнеры должны пройти через заключение брака, являющегося «отношением *равенства* владения» (AA 06, S. 278 (§ 26); Кант, 2014, с. 215) в том, что касается половой жизни²⁷. Следовательно, данные антропологические описания общественной жизни и теории права находятся в тесном взаимодействии, и существующая между ними связь проявляется в кантовском обосновании гендерного неравенства: он подчеркивает, что домохозяйство подразумевает единство ключевых целей его членов, что влечет за собой подчинение жены, детей и слуг его главе²⁸. Некоторые его наблюдения о легитимации такого подчинения кажутся случайными, как, например, приводимое в «Характере пола» и пред-

²⁵ Кант выражает свои опасения по поводу употребления термина *societas inaequalis* в «Заметках к “Учению о праве”», видя в нем явное противоречие. Тем не менее бремя ведения домашнего хозяйства действительно вносит свой вклад в легитимацию подчинения слуги главе домохозяйства. См.: (AA 20, S. 467).

²⁶ Стоит отметить, что во времена Канта существовали не только семьи с одним кормильцем. Например, семьи, состоявшие из зависимых работников (Sarti, 2023, p. 118–123; Sánchez Madrid, 2025a), выживали за счет двух и более кормильцев, среди которых были и жена, и дети. Учет данного исторического факта мог бы существенно изменить подход Канта к семье как социальному и экономическому субъекту.

²⁷ Автор видит в кантовской юридической теории брака ключевую черту «законного государства» Паско (Pascoe, 2018, p. 222–227).

²⁸ Хотя Кант понимает гражданский союз как подчинение граждан правителю, власть которого не подлежит оспариванию, в случае публичного права такое подчинение делает граждан — по крайней мере, активных граждан — равными с точки зрения правителя. Иначе обстоит дело с неравенством членов домохозяйства: предполагается, что лишь сыновья главы дома (но не его жена, дочери или слуги) могут достичь полного гражданского совершеннолетия.

middle-class household as “a society of unequals” (MS RL, AA 06, p. 283 (§30); Kant, 1996a, p. 66),²⁵ in which only the single-earner breadwinner may *rule* and *govern* his wife, children, and servants,²⁶ while the wife is allowed to *dominate* the domestic service and the domestic economy. Nevertheless, the partners should have, through marriage, “a relation of *equality* of possession” (MS RL, AA 06, p. 278 (§ 26); Kant, 1996a, p. 63) in terms of sexual exchange.²⁷ Thus, the interaction between these anthropological descriptions of social life and legal theory is quite intense, with these links appearing when Kant justifies gender inequality by highlighting that a ‘household’ implies that its members share essential ends, which in turn entails the subordination of all of its members — wife, children, and servants — to its head.²⁸ Some of his observations on the legitimation of this subordination seem quite

²⁵ Kant states his misgivings with regard to the expression *societas inaequalis* in the “Notes in Response to Bouterwek’s Review of the *Doctrine of Right*”, as it involves in his view a plain contradiction. Yet the burden stemming from the task of maintaining the household helps to legitimate the subordination of the servant to the head of the household. See RL/*Bemerkungen*, AA 20, p. 467 (Kant, 2016, p. 353).

²⁶ It is worth pointing out that single-earner families do not cover all of the models of family that existed in Kant’s time. For instance, families composed of dependent workers (Sarti, 2023, pp. 118-123; Sánchez Madrid, 2025a) would require the support of two earners or more, including the wife and the children — a historical phenomenon the acknowledgment of which would have substantially changed Kant’s approach to the social and economic actor that the family represents.

²⁷ I view Kant’s legal theory of marriage as a key feature of Pascoe’s ‘lawful state’ (Pascoe, 2018, pp. 222-227).

²⁸ Although Kant understands civil union as the *subordination* of citizens to the unopposable ruler of the state, in the case of public right, such a subordination transforms the citizens — at least the active ones — into equal subjects from the ruler’s point of view, which is not aligned with the inequality of the members of the household, where only the sons of the head of the house — and not his wife, daughters or servants — are expected to attain a full civil maturity.

ставляющее равенство в домашнем пространстве источником ссор²⁹. Причины подобных воззрений можно найти в третьем разделе теории частного права в «Учении о праве», где Кант предлагает новеллу, включение которой в теорию права будет способствовать защите статуса членов домохозяйства.

Таким образом, в рамках «вещно-личного права», основанного для обоих полов на принципе взаимности, возможно обладать человеком как *вещью*, используя его исключительно как *лицо* (AA 06, S. 276 (§ 22); Кант, 2014, с. 209)³⁰. Но это не относится к преступникам, лишившимся своей личности и ставшим «холопами» (AA 06, S. 358; Кант, 2014, с. 435). В этих фрагментах из «Учения о праве» проводится мысль о том, что «естественное превосходство» мужчины над женщиной, утверждаемое в кантовском анализе юридического союза, воплощенного в домохозяйстве, зависит от его «способности... в содействии общим интересам домашнего быта» (AA 06, S. 279 (§ 26); Кант, 2014, с. 217). Подобный подход к равенству партнеров говорит о телеологическом взгляде на домашнее единство в соответствии с классическим аристотелевским определением, данным в «Политике»: общие интересы домохозяйства не складываются под влиянием усилий отдельных его членов, но задаются посредством превосходящей интеллектуальной добродетели его главы. Важно держать в уме это телеологическое (а не формальное) определение брака и домохозяйства, так как оно в значительной мере формирует восприятие труда по поддержанию и производству домохозяйства.

В то время как Кант видит в домохозяйстве объясняемое естественным положением вещей социальное явление, легитимирующее гендерное доминирование, очевидно, что

²⁹ «Ибо при равенстве притязаний двоих людей, не могущих обойтись друг без друга, себялюбие породит одни только ссоры» (AA 07, S. 303; Кант, 2024а, с. 361).

³⁰ Кант выражает сомнения в том, что такое новое правовое явление может стать *stella mirabilis* («удивительной звездой»), указывая, что данное предложение подлежит дальнейшей оценке другими учеными (AA 06, S. 358; Кант, 2014, с. 435).

arbitrary, like one from “The Character of the Sexes” that depicts equality in the domestic space as a source of quarrelling.²⁹ The reasons for such a point of view can be found in section III of the “Theory of Private Right” in the *Doctrine of Right*, where Kant suggests an innovation, to be inserted in his legal theory, to better protect the status of the human beings that make up the household.

Thus, the “right to persons akin to rights to things” is intended to make it possible to possess a human being as a *thing*, while using her or him – as such a right is seen as reciprocal for both sexes – only as a *person* (*MS RL*, AA 06, p. 276 (§ 22); Kant, 1996a, p. 61).³⁰ This excludes criminals who have forfeited their personalities and could rightfully become bondsmen (*MS RL*, AA 06, p. 358; Kant, 1996a, pp. 126-127). These paragraphs from the *Doctrine of Right* underscore the idea that the “natural superiority of the husband” in Kant’s account of the legal unity embodied by the household depends on “his capacity to promote the common interest of the household” (*MS RL*, AA 06, p. 279 (§ 26); Kant, 1996a, p. 63). Such an approach to the equality of its partners discloses a teleological account of domestic unity, following the classical Aristotelian definition of this in the *Politics*, as the common interest of the household is not understood to be constructed by the efforts of its respective members, but by the superior intellectual virtue of the head. It is important to keep in mind this teleological – and not formal – definition of marriage and the household, as it would have a deep impact on the

²⁹ “[I]n the equality of claims of two people who cannot do without each other, self-love produces nothing but squabbling” (*Anth*, AA 07, p. 303; Kant, 2006, p. 204).

³⁰ Kant expresses his doubts about whether such a new legal phenomenon may be a *stella mirabilis* (a “shooting star”), suggesting that this proposal be open to the assessment of other scholars (*MS RL*, AA 06, p. 358; Kant, 1996a, p. 127).

он уделяет преимущественное внимание доступной женщинам высшего класса привилегии делегировать бремя репродуктивного труда. Кант подчеркивает значение цивилизационного прогресса в повышении комфорта для женщин, подразумевая, что кочевые и нецивилизованные народы относятся к женщине как к «домашнему животному» (AA 07, S. 304; Кант, 2024а, с. 362), выполняющему тяжелую работу по поддержанию в должном состоянии «домашней утвари» (Ibid.; Там же). На фоне подобного обращения с женщинами в «нецивилизованных» обществах, образ жизни которых мог быть не столь отличен от обыденности рабочих классов, Кант открыто одобряет прогрессивное освобождение женщин высшего класса от оков ухода за близкими и домом. Но подобная эмансипация требует того, чтобы домашние слуги обоих полов (среди которых могли быть не только белые, но и дискриминируемые по признаку расы субъекты) трудились в интересах состоятельной женщины, заменяя собой традиционную женскую рабочую силу³¹.

Стоит отметить, что домашний труд способствует укреплению «косвенного властвования», которому был посвящен третий раздел, поскольку женщины высшего класса делегируют свой якобы естественный репродуктивный труд, чтобы посвятить себя поддержанию в должном состоянии имущества домохозяйства, для чего, согласно Канту, они являются в должной мере совершеннолетними. Но такое иллюзорное «властвование» предполагает, что кто-то другой в домохозяйстве берет на себя ответственность за домашнюю работу, требующую от слуги круглосуточно быть наготове, так как подобный труд не может быть ограничен конкретными часами, как это делается в случае *locatio conductio operae*, требующего оказания определенной услуги нанимателю

³¹ В «Заметках к “Учению о праве”» Кант называет женщин естественными исполнителями домашнего труда, необходимого для поддержания хозяйства, если только женщина не имеет состоятельного мужа и, следовательно, «может использовать для этого других» (AA 20, S. 465) и не «утруждать себя вопросами благополучия домохозяйства» (Ibid.).

sort of labour associated with guaranteeing its maintenance and reproduction.

While Kant views the household as a naturalised social phenomenon that legitimates gender domination, it is clear that he often focuses on the privileges within the reach of advantaged women for relieving the burden of reproductive tasks. He emphasises the role of civilisational progress in improving the comfort of women, assuming that nomadic, barbaric peoples treated “the woman as a domestic animal” (*Anth*, AA 07, p. 304; Kant, 2006, p. 205), encumbered with exacting chores in order to maintain the “household belongings” (*ibid.*). In contrast to the treatment of women in such ‘uncivilised’ societies, which could well include the usual lifestyles of the working classes, Kant openly commends the progressive liberation of well-off women from the shackles of caregiving and other domestic tasks. Yet, for this emancipation to occur, he assumes that domestic servants of both sexes – and probably not only white, but racialised subjects – should toil on behalf of affluent women to replace the traditional female workforce.³¹

It is worth noting that domestic labour undergirds the “indirect domination” I discussed in section three, as affluent women rely on the outsourcing of their allegedly natural reproductive tasks so as to dedicate themselves to the management of the household patrimony, which Kant considers them mature enough to administrate. Yet, such a fictional ‘domination’ presupposes that someone else is charged

³¹ Kant’s “Notes in Response to Bouterwek’s Review of the *Doctrine of Right*” claim that women are the natural providers of the domestic labour required to maintain the household, unless the woman has a wealthy husband and thus “can make use of others for this purpose” (*RI/Bemerkungen*, AA 20, p. 465; Kant, 2016, p. 352) and not be “troubled to assist with matters of domestic well-being” (*ibid.*).

(AA 06, S. 360–361; Кант, 2014, с. 441). Согласно Канту, по сравнению с зависимыми работниками домашние слуги в большей степени уязвимы перед типичными злоупотреблениями. Тем не менее от него ускользает, что тяжесть домашней работы преимущественно является результатом того обстоятельства, что выполняющие ее работники берут на себя бесконечный изнуряющий труд, обычно ложащийся на женщине³². То есть Кант не указывает на структурную несправедливость делегирования основного репродуктивного труда более уязвимым группам, в результате чего его теория справедливости изобилует слепыми пятнами. Здесь важно отметить, что абсолютная ценность, приписываемая «благополучию домашнего быта», порождает в кантовской практической философии паттерны структурной несправедливости. Прежде всего такое благополучие требует широкого применения человеческого труда и материальных средств. Кроме того, домашний труд воплощает собой неравенство между работодателем и наемным работником, распространяющееся и на другие формы труда. Представляется важным обратить внимание на данное соображение, так как неравенство полов, царящее, согласно Канту, в домохозяйствах, успешно проникает на многие рабочие места, заставляя сотрудников жертвовать своими частными жизнями и здоровьем ради повышения производительности наняв-

³² О чрезмерных нагрузках, связанных с репродуктивным домашним трудом, см. недавно опубликованную работу Морини: «Ключевой момент заключается в изменениях, вызванных появлением используемой в повседневной жизни бытовой техники, а также в превращении продуктов, связанных с языком и отношениями, в товары наряду с превращением в товары самих отношений. В этом и состоит историческая трансформация производственной парадигмы: репродуктивный труд стал производством» (Morini, 2020/21, p. 79). О цепочках добавления ценности, возникающих в рамках современных индустрий ухода, см.: (Fraser, 2022, p. 70). Фрейзер отмечает, что с точки зрения эмансипации здесь существует противоречие: репродуктивный труд перемещается от женщин Глобального Севера к женщинам Глобального Юга, которые, в свою очередь, вынуждены передавать заботу о собственных детях и стариках женщинам, находящимся в еще более уязвимом положении.

with the domestic work of the household, the very foundation of which is a 24/7 availability on the part of the servant, as such work cannot be restricted to a fixed timeline like that of a *locatio conductio operae* arrangement, whose objective is the delivery of a specific service required by the employer (MS RL, AA 06, pp. 360-361; Kant, 1996a, p. 128). In contrast to such dependent workers, Kant views the domestic servant as especially vulnerable to common abuses. Yet he does not grasp that the burdens of domestic service stem mostly from the fact that such workers are intended to assume the arduous, never-ending work that women have traditionally performed;³² that is to say, he does not point out the structural injustice that stems from allocating reproductive basic labour to more vulnerable social groups, which saddles his theory of justice with some significant blind spots. It is worth noting, in this sense, how the absolute value attributed to the ‘welfare of the household’ entails patterns of structural injustice in Kant’s practical philosophy. To begin with, such a welfare requires an extensive use of both human labour and material means. Moreover, domestic labour embodies forms of inequality between employer and employee that eventually spreads to other forms of work as well. This is a point that I would like to highlight, as

³² On the excesses involved with reproductive domestic labour, see the contemporary account by Morini (2020/21, p. 79): “The crucial point lies in the shift produced by the different devices that we use in our everyday life, and in the transformation of linguistic-relational products into commodities, alongside the modification of relationships themselves into commodities. Therein lies the historic change of the productive paradigm that has so far unfolded in the sense that reproduction has become production.” On the chains of value stemming from the contemporary industries of care, see Fraser (2022, p. 70). Fraser notes the inconsistency from an emancipatory standpoint of the displacement of reproductive work from the women of the Global North to those of the Global South, who in turn must place the caregiving of their own descendants and ascendants in the hands of women in even more precarious situations.

ших их компаний³³. Уподобление фирмы «семье», например, помогает легитимировать использование труда наемных работников за пределами рабочих часов с целью повышения производительности. Таким образом, будучи не столь отличным от занятости на обычном рабочем месте, домашний труд вдохновил множество неолиберальных концепций, поскольку он является идеальной формой пригвождения человека к работе. Действительно, отличительной чертой фордистской культуры труда, возникшей в посткантовский период, является, как отмечает Андерсон, то, что «работодатели-промышленники оставляют за собой юридическое право руководить частными жизнями своих сотрудников» (Anderson, 2017, p. 49), вынося в публичную сферу мнимую договоренность «независимых» переговаривающихся сторон. Таким образом продолжается преклонение перед интересами домохозяйств и рынков, ставящее их выше благополучия сообщества как высшей общей цели всех граждан.

В своих рассуждениях по данному поводу Кант признает ценный вклад женщин в социально-репродуктивный труд домохозяйств, то есть их домашнее «совершеннолетие» (Brosch, 2024, p. 85). Тем не менее власти не вмешиваются в эту ситуацию и не ставят перед собой цель преобразовать структурную зависимость, делающую женщину «естественным» ухаживающим лицом в ее семье и круге, сформированном эмоциональными привязанностями. Неудивительно, что женщины высшего класса предпринимают попытку снять с себя обязанности, которые кажутся им обременительными, эксплуатируя работников из низших классов, от которых ожидается выполнение «всего дозволенного, что относится к благополучию домашнего быта» (AA 06, S. 360–361; Кант, 2014, с. 441)³⁴. Следуя за другими интерпрета-

³³ Уильямс предложил любопытную интерпретацию этого изменения, основанную на кантовской теории труда (Williams, 2024, p. 12–13).

³⁴ Уильямс предлагает интересный анализ неравенства, присущего договору о труде, который в кантовской философии права регулирует домашнюю работу (Williams, 2024, p. 12–13). См. также Паско:

I consider the sexist inequality pervading domestic units in Kant's view to have successfully spread into a large number of workplaces, which compel their employees to sacrifice their private lives and their health to boost the productivity patterns of the firm.³³ To compare the firm with a 'family' serves, for example, to legitimate the use of the worker's labour beyond the established working timetable in order to increase productivity. Thus, far from being separate from the conventional workplace, domestic service has inspired many neoliberal conceptions of labour as being an ideal form of attachment to one's work. Indeed, the Fordist work culture that emerged in the post-Kantian period would claim that "industrial employers retained their legal entitlement to govern their employees' domestic lives", according to Anderson (2017, p. 49), making a public issue of the alleged agreement of 'free' negotiating parties. My argument here, however, concerns the continued worshipping of the interests of households and markets – their placement above the welfare of the commonwealth as the highest shared goal of all citizens.

Kant's reasoning on this issue recognises the valuable contribution of women to the social reproduction of the household, i.e. their domestic 'maturity' (Brosch, 2024, p. 85). Nevertheless, public authority does not intervene in this account to transform the structural dependence that makes most women the 'natural' caregivers of their relatives and affective circles. Consequently, it is not at all surprising that upper-class women should attempt to discharge tasks they perceive as oppressive by exploiting lower-class workers, who are expected "to do whatever is permissible for the welfare of the household" (MS RL, AA 06, pp. 360-361; Kant,

³³ Williams (2024, pp. 12-13) has developed a stimulating interpretation of this shift based on Kant's theory of labour.

торами (Morini, 2020/21; Fraser, 2022; Sarvasy, Longo, 2004; Pateman, Mills, 2007), автор видит в домашнем труде нечто, что неизбежно будет переносить бремя его выполнения с высших социальных групп на более уязвимые. Во времена Канта последние не имели возможности отказаться от работы, которую предлагали состоятельные домохозяйства. Впрочем, такие отношения не редкость и в наше время.

В свете приведенных выше соображений о домашнем труде представляется, что его ограничение областью частного права в кантовской философии усугубляет обесценивание репродуктивного труда и задач, связанных с уходом за домом и близкими, то есть того естественного бремени, которое обеспеченные семьи оказываются в состоянии делегировать. Таким образом, отнесение задач по уходу к области частного права создает общественный порядок, при котором подобная работа делегируется занимающим более низкое социальное положение субъектам, эксплуатация которых усугубляется с отстранением института публичного права от регулирования подобных вопросов. При этом такое делегирование воспринимается как разделение бремени, а не социальная привилегия немногих. Не осознавая подобных рисков, Кант с одобрением относится к решению состоятельных женщин передать якобы лежащую на них ответственность за выполнение репродуктивного труда кормилицам и домашним слугам³⁵.

«Структурируя зависимость именно таким образом и формализуя ее через публичное право, мы вытесняем инфраструктуру свободы, равенства и взаимозависимости из сферы публичного права и публичной власти в частные отношения зависимости. В этой концепции цель публичного права состоит в формализации асимметричных отношений зависимости, а также в ограничении их потенциала к эксплуатации и доминированию» (Pascoe, 2024, p. 24).

³⁵ Более подробный анализ цепочек добавленной стоимости ухода и соответствующих утечек трудовых ресурсов, связанных с делегированием репродуктивного ухода, см.: (Pascoe, 2022; Sánchez Madrid, 2025b). Вопрос о том, несут ли женщины высшего класса «вину» за социальное доминирование, несколько проблематичен, поскольку они также являются жертвами патриархальной системы, возлагающей на них уходные и репродуктивные обязанности. Автор вы-

1996a, p. 128).³⁴ In the wake of other interpreters, I grasp something inevitable in the nature of domestic labour (Morini, 2020/21; Fraser, 2022; Sarvasy and Longo, 2004, Pateman and Mills, 2007) that shifts the burden from higher social sets to more vulnerable ones: just as the latter were powerless to reject the job offers that wealthy households made in Kant's time, we might easily project this same relationship onto our own.

Considering the above reasoning as regards domestic labour, its restriction to a private right in Kant's legal philosophy contributes to an undervaluing of reproductive and care tasks, which are considered a natural burden that wealthy families should be able to outsource. Thus, the privatisation of caregiving bolsters a social order that hands such caregiving work over to subaltern subjects, whose exploitation increases as public law over the management of these issues wanes, and the arrangement is seen as a shared burden, rather than the social privilege of a few. Far from grasping such risks, Kant applauds the decision of wealthy women to relinquish their alleged reproductive duties to wet nurses and domestic servants.³⁵ Moreover, in the *Lectures on An-*

³⁴ Williams provides a helpful account of the inequality involved in the labour contract ruling domestic service in Kant's legal philosophy (Williams, 2024, pp. 12-13). See also Pascoe (2024, p. 24): "It is also that by structuring dependence in this way, and formalising it through public law, we displace the infrastructure of freedom, equality, and interdependence from public law and public authority to private relations of dependence. The purpose of public law, in this framework, is to formalise asymmetrical relations of dependence, to check their capacity for exploitation and domination."

³⁵ For a more full-fledged account of the care chains and drains ensuing from the outsourcing of reproductive caregiving, see Pascoe (2022) and Sánchez Madrid (2025b). Addressing the question of whether wealthy women are somehow 'guilty' of a form of social domination is problematic, as they are also victims of a patriarchal system that burdens them with the obligation to fulfil care and reproductive tasks. I am grateful to one of the reviewers of this paper for making me aware that

Более того, в «Лекциях по антропологии» Кант восхищается обыкновением французских высших кругов делегировать женские заботы, такие как воспитание детей. Он видел в этом проявление подчинения слепых стремлений рациональным целям³⁶, что резко контрастирует с осуждением найма кормилиц, которое стало общим местом во времена Гегеля и Маркса³⁷. Следует отметить, что в «Эмиле» Руссо, послужившем отправной точкой для кантовских воззрений на брак и гендер, также порицается делегирование с целью освободить обеспеченных женщин от гнета репродуктивных задач. Кант действительно показывает себя оригиналом, выступая в защиту аристократок, перекладывающих подобные задачи на социально уязвимых женщин. Более того, он называет суррогатное материнство разумной гипотезой, так как оно может освободить привилегированный социальный слой женщин от неудобств рождения и воспитания детей. Данная точка зрения явно противоречит основам человеческого достоинства, заложенным Кантом в его собственном моральном учении. Диалек-

ражает благодарность рецензенту, обратившему внимание на необходимость включения этого вопроса в анализ неоднозначности понятия «социальное доминирование» в кантовском понимании, по крайней мере в контексте социального положения (и тревог) женщин. Что касается мужчин, страх быть обвиненными в трусости мог бы вызвать аналогичные вопросы, если сосредоточиться на тревогах, свойственных мужчинам — современникам Канта.

³⁶ В этом ключе см.: «...варварство — отнимать молоко у животных, испытывающих к нему большую привязанность. Но в случае людей природные стремления могут быть подавлены и замещены другими посредством разума. Например, если бы это было возможно, парижанка бы с удовольствием избавилась от бремени деторождения, позволив другой женщине выносить ее дитя за деньги, подобно тому как более 8000 детей передаются в Париже на воспитание вне города» (AA 25, S. 585).

³⁷ См.: «Британок обвиняли в “офранцузивании”, подразумевая, что они слишком озабочены светской жизнью, спектаклями, суетой и увлекательными карточными играми. <...> Грудное вскармливание требовало от женщины выбора природной идентичности, следования предписанному им пути и отождествления с домашним бытом» (Brace, 2002, p. 339–340).

thropology, he celebrates the trend prevalent in French high society of outsourcing female concerns such as childrearing as a case of superseding blind drives by rational purposes,³⁶ in contrast to the negative view of wet nurses that was widespread in Hegel’s and Marx’s time.³⁷ It should also be noted that Rousseau’s *Emil*, which was a touchstone for Kant’s view of marriage and gender, also disavows the outsourcing measures aimed at freeing wealthy women from the pressures of reproductive tasks. In effect, Kant shows himself to be quite original in his defence of women who transfer such tasks to more socially vulnerable women. He goes so far as to suggest surrogate motherhood as a sensible hypothesis, designed to relieve a privileged social set of women from the inconveniences of childbirth and child rearing, a point of view in clear contradiction to the tenets of human dignity outlined in his own moral theory. The dialectical seesaw of domestic and reproductive labour viewed as something to be outsourced, or as a set of tasks common to women of all classes, remains unresolved.³⁸ An

this issue should be included in a detailed account of the ambiguity of ‘social domination’ in Kant’s view, at least when one considers the social position (and anxieties) of women. With regard to men, the fear of being charged with cowardice could stir up similar questions if one focuses on male anxieties in Kant’s time.

³⁶ See, in this direction, *V-Anth/Fried*, AA 25, p. 585 (Kant, 2012a, 138): “[It i]s barbaric to rob animals of their young, [when animals] have a great attachment to them. But with human beings the natural drives can be suppressed, and in their place others can be invented by reason; for example a Parisian woman would gladly be relieved of bearing a child, and let another woman bear the child for her for money, if it would work, just as also in Paris upwards of 8,000 children are handed over for their upbringing abroad.”

³⁷ See Brace (2002, pp. 339-340): “British women were accused of being ‘Frenchified’, implying that they were too concerned with society, spectacle, frippery and the delights of the card table. [...] Maternal nursing required women to choose an identity grounded in nature, observing a path already mapped out for them and accepting identification with domesticity.”

³⁸ See a similar claim in Pascoe (2017, pp. 611-612): “The

тическое противоречие между домашним и репродуктивным трудом, рассматриваемым как нечто подлежащее делегированию, с одной стороны, и как набор задач, решение которых является обязанностью женщин всех классов, — с другой, остается неразрешенным³⁸. Анализ влияния публичного права на рамку подобной дискуссии может оказаться плодотворным направлением для дальнейших исследований, опирающихся на воззрения Канта на данный общественно необходимый вид труда.

5. Заключение

В данной статье была предпринята попытка пролить свет на кантовский подход к социальному доминированию как явлению, овецистляющему других в той мере, в которой оно сводит их лишь к средствам, что сам Кант был склонен рассматривать как результат вредных привычек и неверных решений отдельных субъектов. В третьем разделе рассмотрено «косвенное властвование», приписываемое Кантом женщинам высшего класса; оно представлено как следствие выдвигания на передний план предвзятого представления о женской субъектности, раскрывающего гендерное угнетение, что служит основой многих кантовских трудов по антропологии и праву. Также утверждалось, что привилегированная социальная группа не может ни считаться репрезентирующей женщин как универсальный класс, ни рассматриваться как по-настоящему эмансипированная, так как в XVIII в. женщинам высшего класса

³⁸ См. похожее утверждение у Паско: «Кантианское феминистское видение очевидно буржуазно: отдельные женщины могут обрести независимость через выход на рынок труда и делегирование домашнего труда как внутри семьи, так и в рамках сервисной экономики. Однако без аппарата для радикального переосмысления структуры домашнего труда и идеала независимости это видение не предлагает пути освобождения женщин как класса, поскольку независимость одних женщин может быть достигнута только за счет труда других женщин» (Pascoe, 2017, p. 611–612). См. также: (Sabourin, 2021b, p. 255).

examination of how public law could transform the framework of such a discussion might thus be a promising line of inquiry stemming from Kant's account of this socially necessary work.

5. Conclusion

In this paper I have attempted to cast some light on Kant's approach to social domination as a phenomenon that reifies others insofar as it reduces them to a mere means, which Kant himself basically viewed as the result of the bad habits and decisions of individual agents. In section three, I examined the 'indirect domination' that Kant attributes to financially secure women, which I presented as a consequence of a biased notion of female agency, revealing the gender oppression that underpins many of Kant's anthropological and legal writings. I also claimed that this privileged social set could neither represent women as a universal class, nor be regarded as a genuinely emancipated group. Socially and economically privileged women in the eighteenth century embodied a limited sort of independence, one that involved the oppression of more vulnerable individuals, both men and women, who in many European countries were often racialised subjects. In effect, Kant would encourage social emancipation in the domestic sphere by legitimating, through legal innovations, the social oppression of more precarious

Kantian feminist vision is a squarely bourgeois one, in which individual women may achieve independence through entry into the workforce and the outsourcing of domestic labour both within the household and within a service economy. But, without a framework for radically rethinking the structure of domestic labour and the ideal of independence, the Kantian vision offers no pathway for the liberation of women *as a class*, since the independence of some women can only be achieved on the backs of other women." On this issue, see also Sabourin (2021, p. 255).

была свойственна ограниченная степень независимости, влекущая за собой угнетение более уязвимых индивидов, как мужчин, так и женщин, подвергавшихся к тому же во многих европейских странах дискриминации по расовому признаку. В действительности Кант был готов поощрять социальную эмансипацию в домашней сфере, легитимируя посредством юридических новелл социальное угнетение более незащищенных групп. Подобная легитимация угнетения домашних слуг, чей тяжелый труд тем не менее не позволял признать их активными гражданами, привлекает внимание к любопытному феномену «косвенного властвования», осуществляемого состоятельными женщинами в своих домохозяйствах. Более того, данный антропологический подход игнорирует женщин, живущих в иных социальных условиях, так как их жизням и потребностям нет места в картине общества, призванной поддерживать и направлять эмпирический прогресс в рамках кантовской республиканской повестки. Напротив, включение женщин низших классов в анализ домашнего пространства ослабило бы кантовское стремление к глубокой трансформации социального пространства, которому свойственна интерсекциональная несправедливость наряду с другими формами доминирования, искореняемыми публичным правом.

Сексистские замечания Канта по поводу гендерных особенностей и ведения домашнего домохозяйства вряд ли можно проигнорировать с точки зрения актуальных представлений о социальной справедливости. Тем не менее стоит упомянуть два соображения, которые можно называть продуктивными результатами кантовского анализа домохозяйств высшего класса как гендерно-дифференцированных рабочих мест. Во-первых, Кант *косвенно указывает* на интерсекциональную несправедливость, проистекающую из того обстоятельства, что «служанки» (AA 06, S. 283 (§30); Кант,

and disadvantaged groups. Such a legitimization of the oppression of domestic servants, whose demanding labour still does not qualify them to be recognised as active citizens, serves also to highlight the curious phenomenon of ‘indirect domination’, which privileged women were supposed to exert in the household. Yet women in different social circumstances are neglected by such an anthropological approach, as their lives and needs are not taken into account in the social picture meant to support and guide the empirical progress of Kant’s republican agenda. On the contrary, allowing lower-class women to feature in his account of the domestic space would run the risk of weakening his ambition to deeply transform the social realm, with its intersectional injustices and other forms of domination, which public law is meant to counteract.

In my view, however, Kant’s sexist observations on gender and the making of the household should not fall on deaf ears from the contemporary perspective of social justice. I feel that at least two issues should be mentioned as a productive outcome of Kant’s account of the wealthy household as a gendered workplace. It is, first, worth noting that Kant *helps us indirectly* to grasp the intersectional injustice that arises from the fact that the “female servants of the house” (MS RL, AA 06, p. 283 (§30); Kant, 1996a, p. 66) suffer a *double discrimination*, as they either have to renounce having a household of their own, a common occurrence in Kant’s times, or to place — as is more usual nowadays — the caregiving of their own children and households into the hands of other dependent individuals. Thus, in Kant we can trace how the outsourcing of caregiving that was available to wealthy wives in the eighteenth century fostered the transfer of childrearing and care tasks from wealthy women to peasants and poor, racialised subjects. Al-

2014, с. 227) страдают от *двойной дискриминации*, так как либо отказываются от того, чтобы жить собственным домом, что было обычным делом во времена Канта, либо, как это чаще случается в наши дни, вынуждены передавать работу по уходу за своими детьми и домом другим зависимым индивидам. Следовательно, анализируя работы Канта, можно проследить, как делегирование обязанностей по уходу, доступное в XVIII в. состоятельным женщинам, поощряло передачу воспитания детей и иных подобных задач от обеспеченных женщин крестьянам и нуждающимся субъектам, страдавшим от расовой дискриминации. Несмотря на то что Кант не ставил под вопрос данное явление, представлявшее собой ключевой элемент присущей патриархальным обществам эксплуатации, современные интерпретаторы могут извлечь пользу из кантовского анализа сексистских черт домохозяйств для углубления понимания исторических корней современной репродуктивной эксплуатации Глобального Юга Глобальным Севером.

Необходимо отметить, что кантовский анализ современных ему эмансипированных женщин уделяет основное внимание социально-репродуктивному труду в буржуазных домохозяйствах, при этом подчеркивается особая ценность «общих целей», к достижению которых должны стремиться все члены домохозяйства. Но «общей целью» сообщества как такового, включая его «подручных людей» (AA 06, S. 315 (§ 46); Кант, 2014, с. 313), должно быть превращение ухода за домом и близкими в общую обязанность, защищаемую публичным правом, а не зависящую от социального статуса индивида. Кроме того, кантовский текст демонстрирует, что в обстоятельствах, когда республиканское государство не желает вмешиваться в вопросы, относящиеся к домашней работе, как традиционные, так и новые формы доминирования и угнетения сплетаются

though he did not raise any issues with this phenomenon in terms of its being a key dimension of the exploitation embedded in all patriarchal societies, in my view, contemporary interpreters may benefit from his analysis of the sexist features of the household to better grasp the historical background of the current reproductive exploitation of the Global South by the Global North.

It is important to note that Kant's account of the emancipated women of his time focuses on the social reproduction of bourgeois households, highlighting the key value of the 'shared ends' for which its members ought to strive. Yet the 'shared ends' of the commonwealth as a whole, including its mere "underlings" (MS RL, AA 06, p. 315 (§ 46); Kant, 1996a, p. 92), should aim to make of caregiving a common duty to be protected by public law, and not subject to an individual's social status. Moreover, Kant's texts illustrate that, when the republican state is reluctant to intervene in matters related to domestic work, both traditional and newer forms of domination and oppression swiftly intertwine in a menacing whirl, hindering the further enlargement of the right to active citizenship. Kant did not grapple with the understanding of such concepts as that of a 'public burden'; powerful ideological patterns no doubt made him reluctant to take such a step. In any case, reframing his account of domestic labour, and the domination of women it entails, remains a pending task that should guide the path of future Kantian interpreters with an interest in intersectional and global justice theory.³⁹

³⁹ See Davis (1983, p. 139): "What is needed [...] are new social institutions to assume a good portion of the housewife's old duties." Her claims maintain their soundness despite the decades that have gone by since the publication of this essay.

ются в мощном вихре, сдерживающем дальнейшее распространение права активного гражданства. Кант не пытался осмыслить такие понятия, как «общественное бремя», что объясняется воздействием мощных идеологических паттернов. В любом случае переосмысление его анализа домашнего труда и связанного с ним доминирования над женщинами остается нерешенной задачей, стоящей перед будущими интерпретаторами Канта, занимающимися вопросами теории интерсекциональной и глобальной справедливости³⁹.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке следующих исследовательских проектов: MSCA JUSTLA 101183054 «Справедливость в XXI веке: перспектива из Латинской Америки», испанский исследовательский проект «Культуры угнетения, эксплуатация труда и государственные трансформации: междисциплинарные подходы к некоторым современным формам властвования. Социально-философское исследование» (PID2024-156672NB-I00), Programa Interuniversitario en Cultura de la Legalidad 4TRUST-CM (PHS-2024/PH-HUM-65), финансируемый Сообществом Мадрида, а также проект COST Action CA20134 «Элементы исследовательской программы по изменению климата, технологическим исследованиям и социальной справедливости» (TRSCCTS). Автор выражает благодарность всем присутствовавшим при обсуждении ранних версий статьи в Университете Катании, Университете Бохума, Университете Бонна и Университете Лавала, в особенности Хельге Варден, Сюзан Мелд Шелл, Озлем Дуве, Майклу К. В. Крылюку, Коринне Мит, Ховарду Уильямсу, Сильви Лорью, Резе Мосайеби, Эве Вы-

³⁹ См.: «Необходимо... чтобы новые социальные институты взяли на себя значительную долю старых обязанностей домохозяйки» (Davis, 1983, p. 139). Идеи Дэвис сохраняют свою здравость, несмотря на то что с момента публикации эссе прошло несколько десятилетий.

Acknowledgements. This article has been supported by the following ongoing research projects: the MSCA JUSTLA 101183054 "Justice in the XXI Century: A Perspective from Latin America", the Spanish research project "Cultures of Oppression, Labour Exploitation, and State Transformations: Intersectional Approaches to Some Contemporary Forms of Domination. A Social Philosophy Research" (PID2024-156672NB-I00), the Programa Interuniversitario en Cultura de la Legalidad 4TRUST-CM (PHS-2024/PH-HUM-65), awarded by the Community of Madrid, and the COST Action CA20134 "Traces of Research Agenda for Climate Change, Technology Studies, and Social Justice" (TRSCCTS). I am grateful to the audiences of previous drafts of this article at the University of Catania, the University of Bochum, the University of Bonn, and the University of Laval, in particular for the stimulating and helpful remarks of Helga Varden, Susan Meld Shell, Özlem Duva, Michael C.V. Kryluk, Corinna Mieth, Howard Williams, Sylvie Loriaux, Reza Mosayebi, Ewa Wyberska-Dermanović, Martin Sticker, Luke Davies, Alice Pinheiro Walla, Sophie Møller, Garrath Williams and David Baumeister. I also thank the remarks received from two blind peer-reviewers of "Kantian Journal" and Donald Murphy for the accurate copy-editing of this article.

References

- Anderson, E., 2017. *Private Government. How Employers Rule Our Lives (and Why We Don't Talk about It)*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brace, L., 2002. The Tragedy of the Freelance Hustler: Hegel, Gender and Civil Society. *Contemporary Political Theory*, 1, pp. 329-347.
- Brosch, A., 2024. *Haus, Markt, Staat. Ökonomie in Kants praktischer Philosophie und Anthropologie*. Berlin & Boston: Walter de Gruyter.

бэрске-Дерманович, Мартину Штиккеру, Люку Дэвису, Элис Пинеиро Валле, Софи Мёллер, Геррату Уильямсу и Дэвиду Баумейстеру за содержательные и полезные замечания. Отдельная благодарность – за замечания двух анонимных рецензентов журнала «Кантовский сборник», а также Дональду Мерфи за добросовестную корректуру английской версии статьи.

Список литературы

- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–276.
- Кант И. Лекции по этике // Кант И. Лекции по этике: пер. с нем. / общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. М. : Республика, 2000. С. 38–223.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5.
- Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 1. С. 162–396.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2. С. 48–55.
- Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 2. С. 114–158.
- Кант И. Религия в границах одного только разума // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 3.
- Anderson E. Private Government. How Employers Rule Our Lives (and Why We Don't Talk about It). Princeton, NJ : Princeton University Press, 2017.
- Brace L. The Tragedy of the Freelance Hustler: Hegel, Gender and Civil Society // Contemporary Political Theory. 2002. Vol. 1. P. 329–347.
- Brosch A. Haus, Markt, Staat. Ökonomie in Kants praktischer Philosophie und Anthropologie. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2024.
- Davis, A., 1983. *Women, Race & Class*. New York: Vintage Books.
- Deyo, D., 2016. Jane Austen and the economic way of thinking. *International Journal of Pluralism and Economics Education*, 7(2), pp. 170-182.
- Foucault, M., 2008. *Introduction to Kant's Anthropology*. Edited by R. Nigro, translated by R. Nigro and K. Briggs. Los Angeles: Semiotext(e).
- Fraser, N., 2022. *Cannibal Capitalism. How Our System Is Devouring Democracy, Care, and the Planet – and What We Can Do about It*, New York & London: Verso.
- Fricker, M., 2007. *Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.
- Frierson, P., 2017. *Kant's Empirical Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hay, Carol, 2013. *Kantianism, Liberalism, and Feminism: Resisting Oppression*. Cham: Palgrave-Macmillan.
- Heller, A., 1985. Can “True” and “False” Needs be Posited? In: A. Heller, 1985. *The Power of Shame*. London: Routledge, pp. 285-298.
- Hippel, T. G. von, 1792. *Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber*. Berlin: Voß, 1792.
- Hippel, T. G. von, 1799. *On Improving the Status of Women*. Translated and edited by T. F. Sellner. Detroit: Wayne State University Press.
- Honneth, A., 1995. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Translated by J. Anderson. Cambridge: Polity Press.
- Hume, R. D., 2013. Money in Jane Austen. *The Review of English Studies*, 64(264), pp. 289-310.
- Huseyinzadegan, D., 2018. For What Can the Kantian Feminist Hope? Constructive Complicity in Appropriations of the Canon. *Feminist Philosophy Quarterly*, 4(1), pp. 1-25.
- Kant, I., 1996a. *Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.
- Kant, I., 1996b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by Mary Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.
- Kant, I., 1996c. *On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by Mary Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 273-309.

Davis A. *Women, Race & Class*. N.Y. : Vintage Books, 1983.

Deyo D. Jane Austen and the Economic Way of Thinking // *International Journal of Pluralism and Economics Education*. 2016. Vol. 7, №2. P. 170–182.

Foucault M. Introduction à *L'Anthropologie de Kant* // Kant E. *Anthropologie d'un point de vue pragmatique / précédé de M. Foucault, présentation par D. Defert, Fr. Ewald, F. Gros*. Paris : Librairie Philosophique J. VRIN, 2008. P. 11–80.

Fraser N. *Cannibal Capitalism. How Our System Is Devouring Democracy, Care, and the Planet – and What We Can Do about It*. N. Y. ; L. : Verso, 2022.

Fricker M. *Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing*. Oxford : Oxford University Press, 2007.

Frierson P. *Kant's Empirical Psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

Hay C. *Kantianism, Liberalism, and Feminism: Resisting Oppression*. Cham : Palgrave-Macmillan, 2013.

Heller A. Can “True” and “False” Needs be Posited? // Heller A. *The Power of Shame*. L. : Routledge, 1985. P. 285–298.

Hippel T.G. von. 1979. On Improving the Status of Women / transl. and ed. by T.F. Sellner. Detroit : Wayne State University Press, 1979.

Hippel T.G. von. *Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber*. Berlin : Voß, 1792.

Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* / transl. by J. Anderson. Cambridge : Polity Press, 1995.

Hume R. D. Money in Jane Austen // *The Review of English Studies*. 2013. Vol. 64, №264. P. 289–310.

Huseyinzedegan D. For What Can the Kantian Feminist Hope? Constructive Complicity in Appropriations of the Canon // *Feminist Philosophy Quarterly*. 2018. Vol. 4, №1. P. 1–25.

Khader S.J. *Adaptive Preferences and Women's Empowerment*. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 2011.

Knowledge, Morals, and Practice in Kant's Anthropology / ed. by G. Lorini, R. Loudén. Cham : Palgrave McMillan, 2018.

Laitinen A. Social Pathologies, Reflexive Pathologies, and the Idea of Higher-Order Disorders // *Studies in Social and Political Thought*. 2015. Vol. 1. P. 44–65.

Laitinen A., Särkelä A. Four Conceptions of Social Pathology // *European Journal of Social Theory*. 2019. Vol. 22, №1. P. 80–102.

Kant, I., 1996d. *An Answer to the Question: What is Enlightenment?* In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–22.

Kant, I., 1996e. *Religion within the Boundaries of Mere Reason*. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated and edited by A.W. Wood and G. di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 54–215.

Kant, I., 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2006. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Edited and translated by R. Loudén. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2012a. *Lecture of the Winter Semester 1775–1776 based on the transcriptions Friedländer 3.3 (Ms 400), Friedländer 2 (Ms 399) and Prieger*. Translated by G. Felicitas Munzel. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Loudén, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43–255.

Kant, I., 2012b. *Lecture of the Winter Semester 1781/82 [?] based on the transcriptions Menschenkunde, Petersburg*. Translated by R.B. Loudén. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Loudén, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 289–333.

Kant, I., 2012c. *Lecture of the Winter semester 1784–1785 Based on the Transcription Mrongovius, Marienburg*. Translated by R. Clewis. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Loudén, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 339–509.

Kant, I., 2016. *Drafts for the 'Metaphysics of Morals'*. Translated by K.R. Westphal. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Translated and edited by F. Rauscher and K.R. Westphal. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233–358.

Khader, S.J., 2011. *Adaptive Preferences and Women's Empowerment*. Oxford and New York: Oxford University Press.

Laitinen, A., 2015. Social Pathologies, Reflexive Pathologies, and the Idea of Higher-Order Disorders. *Studies in Social and Political Thought*, 1, pp. 44–65.

Laitinen, A. and Särkelä, A., 2019. Four conceptions of social pathology. *European Journal of Social Theory*, 22(1), pp. 80–102.

Lenczewska O. Karolina on Confining Women to Domestic Labor and Private Reason // *Kant's Early Followers in Political Philosophy* / ed. by R. Maliks, E. Widmer. L. : Routledge, 2025. P. 90–113.

Louden R. *Kant's Impure Ethics: from Rational Beings to Human Beings*. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Morini Ch. Life is Mine. Feminism, Self-Determination, and Basic Income // *Radical Philosophy*. 2020/21. Vol. 2, №9. P. 75–80.

Pascoe J. Working Women and Monstrous Mothers: Kant, Marx, and the Valuation of Domestic Labour // *Kantian Review*. 2017. Vol. 22, №4. P. 599–618.

Pascoe J. A Universal Estate: Kant and Marriage Equality // *Kant's Doctrine of Right in the 21st Century* / ed. by L. Krasnoff, N. Sánchez Madrid, P. Satne. Cardiff : University of Wales Press, 2018. P. 220–240.

Pascoe J. *Kant's Theory of Labour*. Cambridge : Cambridge University Press, 2022.

Pascoe J. A Kantian Theory of Employment, or How Domestic Right Structures Contemporary Work: A Reply to Williams // *Con-textos Kantianos. International Journal of Philosophy*. 2024. № 20. S. 17–25.

Pateman C., Mills C.W. *Contract and Domination*. Cambridge : Polity Press, 2007.

Sabourin Ch. Theodor Gottlieb von Hippel on the Status of Women in the State // *Women and Philosophy in Eighteenth-Century Germany* / ed. by C. W. Dyck. Oxford : Oxford University Press, 2021a. P. 157–175.

Sabourin Ch. Kant's Enlightenment and Women's Peculiar Immaturity // *Kantian Review*. 2021b. Vol. 26, № 2. P. 235–260.

Sánchez Madrid N. Kant on Labor Relations: An Account of Economic Dependence from the Perspective of Social Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. 2025a. Vol. 55, № 4. P. 330–347.

Sánchez Madrid N. Who Is the Caregiver in Kant's Theory of Labour? Examining Social Domination in Classical German Philosophy // *Kantian Review*. First View. 2025b. P. 1–18.

Sarti R. Slaves, Servants and other Dependent People: Early Modern Classifications and Western Europe's Self-Representation // *Labour Laws in Preindustrial Europe. The Coercion and Regulation of Wage Labour. C. 1350–1850* / ed. by J. Whittle, T. Lambrecht. N. Y. : Boydell & Brewer, 2023. P. 103–123.

Sarvasy W., Longo P. The Globalization of Care // *International Feminist Journal of Politics*. 2004. Vol. 6, № 3. P. 392–415.

Lenczewska, O., 2025. Karolina on Confining Women to Domestic Labor and Private Reason. In: R. Maliks & E. Widmer, eds. 2025. *Kant's Early Followers in Political Philosophy*. London: Routledge, pp. 90-113.

Lorini, G. and Loudon, R., eds. 2018. *Knowledge, Morals, and Practice in Kant's Anthropology*. Cham: Palgrave MacMillan.

Louden, R., 2000. *Kant's Impure Ethics: from Rational Beings to Human Beings*. Oxford: Oxford U.P.

Morini, C., 2020/21. Life is Mine. Feminism, Self-Determination, and Basic Income. *Radical Philosophy*, 2(9), pp. 75-80.

Pascoe, J., 2015. Domestic Labour, Citizenship, and Exceptionalism: Rethinking Kant's "Woman Problem". *Journal of Social Philosophy*, 46(3), pp. 340-356.

Pascoe, J., 2017. Working Women and Monstrous Mothers: Kant, Marx, and the Valuation of Domestic Labour. *Kantian Review*, 22(4), pp. 599-618.

Pascoe, J., 2018. A Universal Estate: Kant and Marriage Equality. In: L. Krasnoff, N. Sánchez Madrid and P. Satne, eds. 2018. *Kant's Doctrine of Right in the 21st Century*. Cardiff: University of Wales Press, pp. 220-240.

Pascoe, J., 2022. *Kant's Theory of Labour*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pascoe, J., 2024. A Kantian Theory of Employment, or How Domestic Right Structures Contemporary Work: A Reply to Williams. *Con-textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 20, pp. 17-25.

Pateman, C. and Mills, C.W., 2007. *Contract and Domination*. Cambridge: Polity Press.

Sabourin, C., 2021a. Theodor Gottlieb von Hippel on the Status of Women in the State. In: C. W. Dyck, ed. 2021. *Women and Philosophy in Eighteenth-Century Germany*, Oxford, Oxford University Press, pp. 157-175.

Sabourin, C., 2021b. Kant's Enlightenment and Women's Peculiar Immaturity. *Kantian Review*, 26(2), pp. 235-260.

Sánchez Madrid, N., 2025a. Kant on Labor Relations: An Account of Economic Dependence from the Perspective of Social Philosophy. *Philosophy of the Social Sciences*, 55(4), pp. 330-347.

Sánchez Madrid, N., 2025b. Who Is the Caregiver in Kant's Theory of Labour? Examining Social Domination in Classical German Philosophy. *Kantian Review*, First View, pp. 1-18.

Sarti, R., 2023. Slaves, Servants and other Dependent People: Early Modern Classifications and Western Europe's Self-Representation. In: J. Whittle and T. Lambrecht, eds. 2023. *Labour Laws in Preindustrial Europe. The Coercion and Regulation of Wage Labour. C. 1350-1850*. New York: Boydell & Brewer, pp. 103-123.

Šumah L. On Man's Right to Be Jealous, and Woman's Duty to Induce Her Own Demise // *Problemi International*. 2022. Vol. 60, № 11–12. P. 65–80.

Varden H. *Sex, Love, and Gender: A Kantian Theory*. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Williams G. Employment, Status, Hierarchy: on Jordan Pascoe, "Kant's Theory of Labour" // *Con-textos Kantianos*. *International Journal of Philosophy*. 2024. № 20. P. 7–15.

Zurn C. Social Pathologies as Second-Order Disorders // *Axel Honneth: Critical Essays: with a Reply by Axel Honneth* / ed. by D. Petherbridge. L. : Brill Academic, 2011. P. 345–370.

Об авторе

Нурия Санчес-Мадрид, доктор философии, исследовательская группа GINEDIS/INSTIFEM, факультет философии и общества, Мадридский университет Complutense, Испания.

E-mail: nuriasma@ucm.es

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4273-5948>

Для цитирования:

Санчес-Мадрид Н. Кант и гендерное угнетение: положение состоятельных женщин в XVIII веке, «косвенное властвование» и гендерная эмансипация // *Кантовский сборник*. 2025. Т. 44, № 3. С. 7–42.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-1>

© Санчес-Мадрид Н., 2025.

Sarvasy, W. and Longo, P., 2004. The Globalization of Care. *International Feminist Journal of Politics*, 6(3), pp. 392-415.

Šuma, L., 2022. On Man's Right to Be Jealous, and Woman's Duty to Induce Her Own Demise. *Problemi International*, 60(11-12), pp. 65-80.

Varden, H., 2020. *Sex, Love, and Gender. A Kantian Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Williams, G., 2024. Employment, status, hierarchy: on Jordan Pascoe, "Kant's Theory of Labour". *Con-textos Kantianos*. *International Journal of Philosophy*, 20, pp. 7-15.

Zurn, C., 2011. Social Pathologies as Second-order Disorders. In: D. Petherbridge, ed. 2011. *Axel Honneth: Critical Essays: with a Reply by Axel Honneth*. London: Brill Academic, pp. 345-370.

The author

Dr Nuria Sánchez *Madrid*, Research Group GINEDIS/INSTIFEM, Department of Philosophy and Society, Complutense University of Madrid, Spain.

E-mail: nuriasma@ucm.es

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4273-5948>

To cite this article:

Sánchez Madrid, N., 2025. Kant and Gender Oppression: Privileged Eighteenth-Century Women, 'Indirect Domination' and Gender Emancipation. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 7-42.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-1>

© Sánchez Madrid N., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**ФИЛОСОФИЯ ХИМИИ КАНТА
И КОСМОЛОГИЯ НИЦШЕ:
О МАТЕРИАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ
АЛХИМИИ И КИНОВАРИ.
ЧАСТЬ I**

Б. Бабич¹

Обращаясь к размышлениям Канта о химии как науке, а также к его определению науки как таковой, данная статья переосмысливает кантовское наследие в контексте истории химии. Кантовская «Всеобщая естественная история и теория неба» рассматривается через призму современных аксиоматических систем с опорой на работу астрофизика Рудольфа Курта (1956) и ницшеанское понимание логики и причинности (Ницше ссылается на теорию Канта в своем подробном разборе досократовской космологии Анаксагора). Наряду с размышлениями об алхимии внимание уделяется истории и историографии химии, а также современным исследованиям в области философии химии. Поскольку основы химии по своей сути не являются математическими, она, согласно Канту, не может в полной мере удовлетворять критериям «науки». Аналогичное рассуждение применимо и к алхимии (или спагирии), которая также не признается наукой. Герменевтический подход к истории и философии науки представляется плодотворным как для понимания кантовского представления о химии как науке, так и для анализа его обращения к спагирическому «искусству» Штала, а также к приводимому им примеру изменчивых свойств сульфида ртути – киновари (HgS). Одно из ключевых свойств киновари, значимое в данном контексте, – изменение цвета вещества (переход от красного к черному) в зависимости от освещения. Такая изменчивость служит метафорой метаморфоза, ставящей под вопрос универсальность химических принципов. Фи-

¹Фордемский университет,
США, 10023, штат Нью-Йорк, Нью-Йорк, Уэст, 60-я
улица, д. 113, 925Н/916.
Поступила в редакцию: 29.10.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-2

**KANT'S PHILOSOPHY OF CHEMISTRY
AND NIETZSCHE'S COSMOLOGY:
ON THE MATERIAL HERMENEUTICS
OF ALCHEMY AND CINNABAR.
PART I**

B. Babich¹

By reading Kant on chemistry as a science, including his definition of science as such, this essay reviews Kant and the history of chemistry. Kant's *Universal Natural History and Theory of the Heavens* is read in terms of contemporary axiomatic systems, via the astrophysicist Rudolf Kurth's 1956 account, along with Nietzsche's account of logic and causality. Nietzsche cites Kant's theory in the context of a sustained discussion of Anaxagoras' pre-Platonic cosmology. The paper includes reflections on alchemy, the history and historiography of chemistry, and recent contributions to the philosophy of chemistry. Since the foundations of chemistry are essentially non-mathematical, it cannot, following Kant, fully meet the criteria of a 'science'. The same argument holds for alchemy ('chymistry' or spagyric), which is likewise not regarded as a science. Hermeneutic history and philosophy of science are useful, not only for developing an understanding of Kant's conception of chemistry as a science, but also of his invocation of Stahl's spagyric 'art', and his example of the mutable properties of a specific ore of mercury, Zinnober or cinnabar (HgS). A significant property of cinnabar (HgS) in this regard is that it changes colour, turning from red to black, depending on exposure to light. This can be interpreted as a metaphor illustrating problems of metamorphosis, and calling into question the widespread application of chemical principles. Together

¹Fordham University.
113 West 60th Street, 925H/916, NYC, NY 10023, USA.
Received: 29.10.2023.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-2

лософия Канта вкупе с его критикой химии создает предпосылки для дальнейшего изучения понятий, входящих к алхимической традиции.

Ключевые слова: Кант, Ницше, космология, алхимия, химия, *chymistry*, спагирия, герменевтическая философия науки, историография науки

Введение

В данной работе рассматриваются взгляды Канта на химию как науку в разрезе герменевтической и феноменологической философии науки и историографии. Ницше радикализовал кантовскую критическую философию, положив ее в основу своей собственной критики научного антропоморфизма и истоков логики, бросив вызов привычному восприятию вселенной как организма (характерному для платоновской космологии) или же как механизма (Ницше 2014, с. 431–432)². Однако любое изложение ницшеанской философии науки предполагает еще не свершившийся сдвиг парадигмы внутри самой традиционной философии науки (Babich, 1994, p. 14; см. также: Zwart, 2019). В свою очередь, Ницше, прибегая к явной кантовской аллюзии, утверждал, что именно Кант поставил вопрос о науке как таковой, представив ее как «нечто спорное» (Ницше, 2012а, с. 10)³. Ницше утверждает, что до Канта никто не проблематизировал науку, подобно тому как сам он впервые поставил под сомнение правду и ложь (Nietzsche, 1980a, S. 13; 1980b, S. 873–874), вопрошая: «Положим, мы хотим истины, — отчего же мы не хотим скорее неправды?» (Ницше 2012г, с. 13)⁴.

Сравнительные исследования философии Ницше и Канта, а также работы, посвященные

² См.: (Babich, 2021a; Dahlstrom, 2019/2020), а также (Babich, 2010a).

³ Здесь и далее сочинения Ницше цитируются по Полному собранию сочинений, выходящему под эгидой Института философии с 2005 по 2014 г.

⁴ Более подробно о «негативной онтологии» Ницше см.: (Babich, 2020b).

with his criticism of chemistry, Kant's philosophical reflections open up possibilities for further research into concepts that first arose with alchemy.

Keywords: Kant, Nietzsche, cosmology, alchemy, *chymistry*, spagyric, hermeneutic philosophy of science, historiography of science

Introduction

This essay addresses Kant on the status of chemistry as a science, drawing on the tools of hermeneutic and phenomenological philosophy of science and historiography. Nietzsche (1980a, pp. 467-468) radicalised Kant's critical thought for the sake of his own critique of scientific anthropomorphism and the origin of logic, as well as his challenge to the tendency to conceive the universe as either organism, as in Plato's cosmology, or as mechanism.² But any articulation of Nietzsche's philosophy of science presupposes a still-to-be-achieved paradigm shift interior to traditional philosophy of science as such (Babich, 1994, p. 14; see also, overall: Zwart, 2019). For his part, using an expressly Kantian allusion, Nietzsche argued that he had raised the question of science as such — specifically as “questionworthy” (*fragwürdig*)³ — claiming that no one before him had ever posed the question of science “as a problem,” as he had earlier raised the question of truth and lie (Nietzsche, 1980b, p. 13; 1980c, pp. 873-874). He asks “Assuming we want truth, *why not much rather untruth?*”⁴ (Nietzsche, 1980d, p. 15).⁵

Scholars who take up the question of Nietzsche and Kant, or Nietzsche and science,

² See Babich (2021a) and Dahlstrom (2019, 2020) in addition to Babich (2010a).

³ All quotes from Nietzsche's works not otherwise attributed are given in the author's English translation.

⁴ Cf. “*Gesetzt, wir wollen Wahrheit: warum nicht lieber Unwahrheit?*”

⁵ See here on Nietzsche's expressly ‘negative ontology’ Babich (2020b).

воззрениям Ницше на науку, как правило, не ставят под вопрос ни саму науку, ни философию науки и с настороженностью относятся к ницшеанской *критике* вопрошания⁵. При этом в центре внимания настоящей статьи — статус химии как науки. Интерес к философии химии, включая вопрос о ее научном статусе, отражается в росте числа исследований по данной теме, хотя, в отличие от философии физики, философия химии представляет собой относительно новое направление⁶, оперирующее термином «подлинность» (*propriety*) и заявляющее претензии на статус «подлинного» (*proper*) (Berg, 2011) в противовес «неподлинному». Таким образом, здесь воспроизводится оппозиция *eigentlich / uneigentlich*, по крайней мере отчасти соотносимая с соответствующим хайдеггеровским понятием (*Eigentlichkeit*). В целом статус химии как науки следует анализировать в более широком контексте философии науки, где химии нечасто уделяется внимание (см. обсуждение, включающее П. Дюгема как физико-химика и Ф. Панета: (Babich, 2010b, p. 361–362), а также отсылку к Р. Харре в контексте общего пренебрежения химией в рамках философии науки (*Ibid.*, p. 364)).

Химик Панет упоминает «часто цитируемое высказывание Канта, что “в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики”. Если принять это определение, Кант совершенно верно не включает химию в число наук, так как химия по существу нематематична; видел он это яснее, чем более поздние философы, ожидавшие, что химия перейдет в физику» (Paneth, 1962, p. 7). Ни в коей мере не утверждая того, что химия не является наукой, Панет подчеркивает, что хи-

tend to put nothing about science or the philosophy of science into question, and are leery of Nietzsche’s *critique* of questioning.⁶ At issue in this essay is the status of chemistry as a science. Interest in philosophy of chemistry, including the scientific status of chemistry, corresponds to a growing literature. Unlike philosophy of physics, however, philosophy of chemistry is a recent development,⁷ often articulated in terms of ‘propriety’ and claims to ‘proper’ title (Berg, 2011), by contrast with the improper, i.e., *eigentlich/uneigentlich* — a distinction at least partly related to Heidegger’s use of *Eigentlichkeit*. Overall, one must set reflection on the status of chemistry as a science within the broader framework of philosophy of science where chemistry is not typically represented (for discussion, including Pierre Duhem as physical chemist and Fritz Paneth, see Babich (2010c, pp. 361-362) with reference to Rom Harré on the more general neglect of chemistry internal to philosophy of science overall (*ibid.*, p. 364)).

Writing as a chemist Paneth (1962, p. 7) reminds us of “the oft quoted statement of Kant that ‘in any particular discipline of the study of nature one can find only as much actual science as there is mathematics’. If one accepts this definition, Kant is perfectly right not to include chemistry amongst the sciences, since chemistry is essentially non-mathematical; he saw this more clearly than later philosophers, who expected chemistry to pass into physics.” Far from conceding that chemistry is not science, Paneth argues instead that, owing to its complexity, chemistry is not to be reduced to physics (see on Paneth: Scerri, 2005).⁸

⁶ But see, e.g., the contributions to Brobjer and Moore (2004) as well as to Heit (2010), Abel (1984) and to Babich and Cohen (1999a; 1999b).

⁷ On this, see e.g., Nye (1994) and Van Brakel (2006); see also Brock (2000), Harré (2005), McIntyre (2007), Scerri and McIntyre (2014).

⁸ For Paneth — using the language of warfare also found in Kant — on the “vast borderland between physics and chemistry”, see Soddy (1923, p. 305). However, for the softening of this debate over the course of a century more broadly, see Cat and Best (2023).

⁵ При этом важно упомянуть статьи, вошедшие в (Brobjer, Moore, 2004), а также работы (Heit, 2010; Abel, 1984; Babich, Cohen, 1999a; 1999b).

⁶ См., например: (Nye, 1994; Van Brakel, 2006; Brock, 2000; Harré, 2005), а также статьи, вошедшие в (*Philosophy of Chemistry*, 2015; McIntyre, 2007).

мия ввиду своей сложности несводима к физике (о Панете см.: Scerri, 2005)⁷.

Пишущие об истории химии исследователи нередко испытывают затруднения, рассматривая воззрения Канта, так как он «подстраивает свою философскую систему» под «новые для своей эпохи науки о материи» (Mahootian, 2013, p. 171). В этой связи помимо статьи Фрийдмана (Friedman, 2012) можно упомянуть работы Макналти (McNulty, 2016 и особенно McNulty, 2014), а также Лемански (Lemanski, 2016) и Печере (Pecere, 2021) в качестве наиболее свежих исследований, посвященных Георгу Эрнсту Шталю (1660–1734). Рутенберг (Ruthenberg, 2009) предпринимает попытку возвести философию химии Панета (и его взгляды на сложный вопрос изотопов) к воззрениям Канта. Гокрогер (Gaukroger, 2016, p. 112–113) упоминает Шталя, ссылаясь на Рейлла (Reill, 2005) и Ван Бракеля (Van Brakel, 2006), в русле традиционного прочтения кантовского разграничения: «Наукой в *собственном* смысле можно назвать лишь ту, достоверность которой аподиктична; познание, способное иметь лишь эмпирическую достоверность, есть *знание* лишь в несобственном смысле. Систематическое целое познания может уже по одному тому, что оно систематическое, называться *наукой*, а если объединение познаний в этой системе есть связь оснований и следствий — даже *рациональной* наукой. Но если эти ее основания или принципы (как, например, в химии) все же в конечном итоге лишь эмпиричны, а законы, из которых данные факты объясняются разумом, суть лишь эмпирические законы, то они не сопровождаются сознанием их *необходимости* (они достоверны не аподиктически), и тогда целое не заслуживает в строгом смысле названия науки, почему химию и надлежало бы называть скорее систе-

⁷ Также о Панете и использовании языка военной метафоры у Канта применительно к «обширной пограничной области между физикой и химией» см.: (Soddy, 1923, p. 305). Тем не менее более подробно смягчение накала дискуссии в течение столетия разобрано в (Cat, Best, 2023).

Writing on the history of chemistry, some scholars have trouble with Kant, arguing that he “bends his philosophical system” to adapt to the “newly emerging sciences of matter of his time” (Mahootian, 2013, p. 171). Thus, in addition to Friedman (2012), one can compare McNulty (2016 and especially 2014), as well as Lemanski (2016) and Pecere (2021) among the more recent scholars to discuss Georg Ernst Stahl (1660–1734). Importantly, Ruthenberg (2009) reads Kant in order to explain Paneth’s philosophy of chemistry and the complex question of isotopes. Gaukroger (2016, pp. 112–113) broaches a brief discussion of Stahl, citing Reill (2005) along with Van Brakel (2006). Gaukroger follows the conventional reading, as Kant makes his own distinction:

What can be called *proper* science is only that whose certainty is apodictic; cognition that can contain mere empirical certainty is only *knowledge* improperly so-called. Any whole of cognition that is systematic can, for this reason, already be called *science*; and, if the connection of cognition in this system is an interconnection of grounds and consequences, even *rational* science. If, however, the grounds or principles themselves are still in the end merely empirical, as in chemistry for example, and the laws from which the given facts are explained through reason are mere laws of experience, then they carry with them no consciousness of their *necessity* (they are not apodictically certain), and thus the whole of cognition does not deserve the name of a science in the strict sense; chemistry should therefore be called a systematic art rather than a science (MAN, AA 04, p. 468; Kant, 2004, p. 4).

Science itself is at issue.⁹ In German, the Duden dictionary features a definition of *Wissenschaft*, in qualifying parentheses, as “(an established, ordered, regarded as certain)

⁹ For a preliminary discussion of science in the context of the philosophy of science per se, see, again, Babich (2021a).

матическим искусством, чем наукой» (AA 04, S. 468; Кант, 1994б, с. 249).

Речь здесь идет о науке как таковой⁸. Статья, посвященная слову *Wissenschaft* в словаре немецкого языка Duden, сопровождается рядом приведенных в скобках уточняющих определений: «(обоснованное, упорядоченное, считающееся достоверным) знание», а словарь Wahrig определяет *Wissenschaft* как «упорядоченную, последовательно выстроенную, согласованную область познаний». Shorter Oxford English Dictionary упоминает среди ключевых характеристик науки «систематичность». Сам Кант подчеркивает в «*Метафизических началах естествознания*» (1786), что «всякое учение, если оно *система*, т.е. некая совокупность познания, упорядоченная сообразно принципам, называется наукой» (AA 04, S. 467; Кант, 1994б, с. 248–249).

В контексте систематичности и кантовских определений в строгом смысле, химия, будучи «систематическим искусством», будет рассматриваться как часть науки постольку, поскольку последняя включает в себя все упорядоченное — от логики и математики до физики. Однако, как всегда, на первый план выходит вопрос необходимости, поскольку «основания или принципы (как, например, в химии) все же в конечном итоге лишь эмпиричны», и, следовательно, необходимость здесь отсутствует: «они не сопровождаются сознанием их необходимости» (AA 04, S. 468; Кант, 1994б, с. 249), — пишет Кант, добавляя в скобках, что такие основания «достоверны не аподиктически». Кант задается вопросом, можно ли называть химию «наукой», определяя при этом «науку *в собственном смысле*» как «лишь ту, достоверность которой аподиктична». Подобная достоверность, отличающаяся от простой эмпирической достоверности, связывается с применимостью науки к феноменальному миру. Для Канта «необходимость законов неразрывно связана с самим понятием природы, а поэ-

⁸ Фундамент для обсуждения науки в контексте философии науки как таковой также см.: (Babich, 2021a).

knowledge”.¹⁰ The Wahrig dictionary defines *Wissenschaft* as “an ordered, logically constructed, coherent range of knowledge”;¹¹ while the Shorter Oxford English Dictionary includes the term “systematic” as key to its definition of science. Kant himself, in his 1786 *Metaphysical Foundations of Natural Science*, emphasizes that “Every doctrine that is supposed to be a system, that is, a whole of cognition ordered according to principles, is called a science” (MAN, AA 04, p. 467; Kant, 2004, p. 3).

To this extent, what Kant distinguishes in a rigorous sense as “systematic art” makes it seem that chemistry would be part of science, to the extent that science includes the well-ordered as such, from logic and mathematics to physics. But at issue as ever is necessity. Where “the grounds or principles themselves are still in the end merely empirical, as in chemistry, for example” — in other words, whereby necessity fails or there is, Kant says, “no consciousness of their necessity” (MAN, AA 04, p. 468; Kant, 2004, p. 4) — the foundations in question are “not apodictically certain”. Thus, Kant asks whether chemistry ought to be named a ‘science,’ defining “proper science” as “only that whose certainty is apodictic”, and hence to be distinguished from mere empirical certainty. This is relevant for the applicability of science to the phenomenal world. For Kant, the “necessity of laws is inseparably attached to the concept of nature, and therefore makes claim to be thoroughly comprehended” (MAN, AA 04, p. 469; Kant, 2004, p. 5). At stake, then, is not simply whether chemistry may qualify as science, but the essence of Kant’s critical philosophy concerning what in general may rightfully be regarded as science as such. In the case of chemistry, explicating manifest phenomena on the basis of “chemical principles” (*chymischen*

¹⁰ Cf. “(ein begründetes, geordnetes, für gesichert erachtetes Wissen”.

¹¹ Cf. “ein geordnetes, folgerichtig aufgebautes, zusammenhängendes Gebiet von Erkenntnissen”.

тому непременно должна быть усмотрена» (AA 04, S. 469; Кант, 1994б, с. 250). Проблема, таким образом, заключается не просто в том, может ли химия считаться наукой, но и в самой сути кантовской критической философии — в том, что вообще может быть правомерно признано наукой как таковой. В случае химии объяснение явлений посредством «химических принципов» (chymischen Prinzipien) «оставляет некоторую неудовлетворенность, поскольку нельзя указать никаких априорных оснований этих принципов как случайных законов, почерпнутых из одного лишь опыта» (Там же). Здесь Кант имеет в виду эмпирический факт⁹.

Рассмотрение химии как науки в историческом аспекте требует смещения фокуса философа науки в пространство между химией и алхимией, включая анализ так называемых «философов огня» или «философов соединения» (последних также называли спагириками). Вышесказанное относится к различным видам дистилляции, включая перегонку вина. Жан-Жак Руссо (Rousseau, 1999, p. 37), например, упоминает *спагирическое искусство*, подчеркивая, что одного лишь вкуса недостаточно для распознавания спиртов, то есть для различения смесей и их составных частей, дополняющего практическое и медицинское применение минеральных химических соединений (такие соединения используются и поныне). Можно утверждать, что рассмотрение химии как «систематического искусства» предполагает обращение к кантовским воззрениям на химию как на искусство и практику, что включает и критическое упоминание Штала, и его собственный интерес к материальным свойствам отдельных химических соединений, таких как киноварь, то есть сульфид ртути (HgS).

Хотя данный вопрос не может быть здесь рассмотрен подробно, важно учитывать, как подчеркивал в том числе П. Фейерабенд (1924–1994), что роль риторики в современной науке — наряду с философией и историей науки — заключается в том, как сказал бы Ницше,

⁹ О различии между «реализмом» и «реализацией» см.: (Buchdahl, 1992, p. 105–106) и позднее (Hoffmann, 2007; Bensaude-Vincent, 2009).

Prinzipien) tends to leave a residue of “dissatisfaction, because one can adduce no *a priori* grounds for such principles, which, as contingent laws, have been learned merely from experience” (*ibid.*). Here, Kant is concerned with empirical fact.¹²

A historical discussion of chemistry as a science requires that the philosopher of science read between chemistry *and* alchemy, including the so-called ‘philosophers of fire’ or ‘combination’: these last are the spagyrist. Spagyrists create various distillations, including wine. Jean-Jacques Rousseau (1999, p. 37) speaks of “*the spagyric art*”, arguing that taste alone is insufficient for the sake of discerning spirits; that is, in order to differentiate between mixtures and their component parts, in addition to the material, medical applications of mineral chemical compounds (and it should be noted that such are in use to this day). I argue that reflection on chemistry as a ‘systematic art’ presupposes attention to chemistry as an art or practice for Kant. This includes his critical reference to Stahl, along with his own focus on the material properties of specific chemical compounds such as cinnabar, or mercury sulfide (HgS).

Although this cannot here be explored in full, it is crucial to consider, as Paul Feyerabend (1924–1994) does, the role of rhetoric in contemporary science itself, in addition to the philosophy and history of science — that is, as Nietzsche says, ‘what things are called’. At stake are conventions: the terms in which themes are brought forward, invoked, referenced, or cited for disciplinary analysis and expression. Hence, McNulty echoes Friedman’s “traditional” locution from the “Chemical Revolution” in Friedman’s book on *Kant*

¹²On the distinction between “realism” and “realisation”, see Buchdahl (1992, pp. 105-106); see also, more recently, Hoffmann (2007) and Bensaude-Vincent (2009).

«как называются вещи». Речь идет о конвенциях, о тех терминах, в которых темы формулируются, обозначаются, упоминаются и цитируются с целью изложения или анализа в рамках конкретной дисциплины. Так, следуя традиции, заложенной Фридманом в книге «Кант и точные науки» в рамках анализа «химической революции» (Friedman, 1992, p. 265), Макналти пишет о «флогистической химии, например Георга Штала» (McNulty, 2016, p. 64). Выражение «флогистическая химия» представляется несколько условным, в отличие от термина «спагирическая химия», также связываемого с Шталем¹⁰. Риторическими средствами осуществляется отсылка к «неподлинной» (то есть флогистической, спагирической) науке, и тем самым утверждается научный или квазинаучный статус химии (часто и небезосновательно рассматриваемый как ранговый порядок), понимаемой в терминах научного и ненаучного. Представляется, что Кант также придерживается подобного иерархического порядка (хотя здесь можно усмотреть нарушение исторической последовательности), поскольку он выделяет науку в собственном смысле, соотнося ее с особым статусом химии в контексте материи и элементов. Выходя за пределы основного предмета данного анализа, можно утверждать, что к этой категории принадлежит и то, что Ницше (Ницше, 2014, с. 495) называет «*прелюдиями науки*», среди адептов которых он согласно традиции видит «кудесников, алхимиков, астрологов и ведьм» (Там же), тогда как Шталь характеризовал свою концепцию как «всеобщую химию», включающую элементы *зимологии* и *галургии* и (что во многом перекликается с кантовскими рассуждениями о природе огня) *пиротехники*, наряду с медицинскими направлениями, ставшими частью алхимической традиции (Stahl, 1747, p. 2).

Автор данной статьи исходит из положений «континентальной» истории и философии науки¹¹, утверждая, что как философию науки,

¹⁰ См. по этому поводу (Chang, 2015; Smets, 2008), а также (Metzger, 1930).

¹¹ См., например, статьи, опубликованные в сборнике

and the Exact Sciences (Friedman, 1992, p. 265) concerning “the phlogistic chemistry of, for instance, Georg Stahl” (McNulty, 2016, p. 64). ‘Phlogistic chemistry’ is a conventional choice as opposed to the rubric of spagyric chemistry otherwise associated with Stahl.¹³ The rhetorical force invokes the ‘improper’ (i.e., phlogiston science, spagyric) and thereby the scientific or quasi-scientific status (often taken, not unreasonably, as a ranked order) of chemistry, understood in terms of what does and does not count as a science. Kant would seem to fit – though it may be argued, historically, that this is solecism – in this order or rank, since he distinguishes science proper and this can be matched with the distinctively scientific status of chemistry in material or elemental terms. Though not my main focus here, I argue that this also comprehends what Nietzsche (1980a, p. 538) names the several distinct “*Preludes to science*”,¹⁴ which he conventionally differentiates as including “magicians, alchemists, astrologers, and witches” (*ibid.*, p. 539). By contrast, Stahl (1747, p. 2) characterised his project as a “universal chemistry”, invoking *zymotechnics* and *halotechnics*, along with – and this would bear on Kant’s own work on fire – *pyrotechnics*, in addition to the medical applications that were part of alchemy.

I am informed by “continental” history and philosophy of science,¹⁵ in that I argue that both the philosophy and history of science should be read hermeneutically and *phenomenologically* for the sake of rigour in the case of chemistry. Hence, if Jan Faye, speaking not of chemistry but art history as analogue, undertakes to argue contra Gadamer – and con-

¹³ See here Chang (2015) and Smets (2008); see also Metzger (1930).

¹⁴ Cf. “*Vorspiel der Wissenschaften*”.

¹⁵ See, for example, the contributions of Babich and Ginev (2014).

так и историю науки следует рассматривать в герменевтическом и феноменологическом ключе ради соблюдения строгости подхода, что справедливо и в случае химии. Я. Файе, рассматривая не химию, но искусствоведение, стремится доказать (оспаривая позицию Гадамера и, как отметил бы Фейерабенд (Feuerabend 1984), позицию Алоиза Рилья), что искусствоведение представляет собой эмпирическую науку (Faye, 2014, p. 280)¹² и, следовательно, подлежит эмпирическому, а не герменевтическому анализу (Ibid.). При этом, вопреки заключительному тезису Файе, в этом контексте стоит обратить внимание на работы Дрессен (Dressen, 2017) и Бабич (Babich, 2022a), отмечающих, что внимание исследователя должно быть направлено не только на Боттичелли (что было бы «ошибкой художника», согласно Платону), но и на Лукиана, имя которого ранее традиционно упоминалось в данном контексте, но в дальнейшем исчезло из научных изысканий (об этом см.: Babich, 2022b).

Возможности герменевтического и феноменологического подходов к философии науки часто остаются в тени политических элементов (иногда классифицируемых, как отмечалось выше, как «риторические»), присущих в том числе философии науки и истории науки. Это касается и различий между аналитическими философиями и историями науки (к которым принадлежит большинство традиционных интерпретаций), с одной стороны, и исключительно «континентальными» подходами — с другой.

Создание философии науки, «достойной этого названия», как сказал бы Кант, и способной судить о науке и не-науке, различать и «демаркировать» их, — особенно желанное достижение в эпоху, озабоченную проблемой псевдонауки. Некоторые философы считают задачей философии науки выявление потенциально продуктивных научных парадигм и

(The Multidimensionality..., 2014).

¹² О воззрениях Гадамера и Ницше на науку см.: (Babich, 2025a).

tra Alois Riehl, as Feyerabend (1984) would have maintained — that art history is an “empirical science” (Faye, 2014, p. 280)¹⁶ and thus subject to “empirical scrutiny” (*ibid.*) rather than hermeneutic, this must meet the objection from Dressen (2017) and Babich (2022a) that Faye refers to Botticelli as the sole source for this claim (this is the ‘artist’s fallacy’, according to Plato), and should consider Lucian, a once-commonplace reference that has fallen out of scholarly awareness (on this last, see Babich, 2022b).

The resources for hermeneutic and phenomenological approaches to philosophy of science are often obscured by political elements (sometimes, as noted above, included under the umbrella of ‘rhetoric’) internal to the philosophy and history of science, including differences between analytic philosophies and histories of science (comprising the great majority of readings such that these may be called ‘mainstream’), and expressly “continental” approaches.

Typically, one has supposed that a philosophy of science ‘worthy of the name’, to use Kant’s language, might be able to adjudicate, differentiate, or ‘demarcate’ science and non-science, an especially coveted achievement in an era concerned with supposed pseudo-science. Other philosophers suppose the task of philosophy of science to be identifying potentially productive scientific paradigms or research programmes (the more truly scientific, as opposed to the merely seeming- or pseudo sort) and so to serve as a kind of Hume-esque ‘standard’ — not of taste, but knowledge/theory.¹⁷ Science, to the extent that it is in its modern articulation concerned with explanation,

¹⁶ On Gadamer and Nietzsche on science, see Babich (2025a).

¹⁷ See on Hume’s ‘standard of taste’ the various theoretical contributions to Babich (2019).

научно-исследовательских программ (отличающихся подлинной научностью от научно-образных и псевдонаучных вариантов). Таким образом, философия науки становится «нормой» в юмовском смысле — но мерилom не вкуса, а теоретического знания¹³. В той мере, в какой современная наука сосредоточена на объяснении, предсказании и верификации, она является предметом философии науки, которая, соответственно, объясняет, предсказывает и, опять же, *верифицирует* науку — или, как говорят в англоязычном пространстве в (пост)пандемийную эпоху, *the science*.

Ницше о логическом уроборосе и кантовской «стране истины»

В своей книге о трагедии 1872 г. Ницше поднял вопрос о науке как таковой (Ницше, 2012а, с. 107–108), обратившись к приведенной Кантом метафоре «страны истины» (цитата ниже), где он сравнивает науку с круговым движением по ее «периферии» у ее «границ» и «пределов», тем самым подчеркивая ее ограниченность и проблематичность. В более позднем «самокритичном» предисловии 1886 г. Ницше логически выводит так называемую «проблему рогатую» (Ницше, 2012а, с. 10)¹⁴. Тем самым на передний план выводится то, к чему Хайдеггер обращается в своих размышлениях о науке (и вопрошании). Сам Ницше явным образом ссылается на кантовские «метафизические начала естествознания», подчеркивая, что «проблема науки не может быть познана на почве науки» (Ницше, 2012а, с. 11)¹⁵.

Без совокупности фантазмов¹⁶ или того, что Гадамер называет предубеждениями, а Ницше — уверенностью (Ницше, 2012а, с. 58), нель-

prediction, and control, would then be the theme of philosophy of science, which would accordingly explain, predict, and, again, *control* the specific science in question; or, as we say in these post- or still-pandemic times, ‘the science’.

Nietzsche on the Logical Ouroboros and Kant’s ‘Land of Truth’

In his 1872 book on tragedy, Nietzsche (1980b, pp. 118-119, see 97-98; 1967, pp. 112-113, see 94-95) had raised the question of science as such by invoking Kant’s circumnavigational metaphor of ‘the land of truth’, as a circling of its ‘periphery’ at its ‘boundaries’ or ‘limits’ (Nietzsche, 1980b, pp. 101-102; 1967, pp. 97-98); and, so limited, as critically problematic. In his subsequent 1886 auto-critical preface, Nietzsche (1967, p. 18) logically highlights what he characterises as “a problem with horns”,¹⁸ thereby underlining what Heidegger would take up in his own reflections on science and questioning. Nietzsche includes explicit reference to what Kant calls the *Metaphysical Foundations of Natural Science*, emphasising that “the problem of science cannot be recognised within the territory of science”¹⁹ (*ibid.*; transl. corrected — B.B.).

Lacking a constellation of phantasms,²⁰ or what for Gadamer are ‘prejudices’ and for Nietzsche (1967, p. 95) are ‘convictions’, one cannot explain the possibility of the progress of science: “There would be no science,” Nietzsche writes, “if it were concerned only with that *one* nude goddess and with nothing

¹³ См. по поводу «нормы вкуса» у Юма теоретические работы, вошедшие в (Babich, 2019).

¹⁴ См. подробнее: (Babich, 2008; Heit, 2010).

¹⁵ Без ссылки на Ницше см. также: (Ferrini, 2013).

¹⁶ Именно это подразумевается под последним термином в названии труда Пенроуза (Penrose, 2017).

¹⁸ See, for discussion, Babich (2008) and Heit (2010).

¹⁹ Cf. “[...] *das Problem der Wissenschaft kann nicht auf dem Boden der Wissenschaft erkannt werden*” (Nietzsche, 1980b, p. 13). See also — but without reference to Nietzsche — Ferrini (2013).

²⁰ This is the point of the final title term of Penrose (2017).

зя объяснить саму возможность прогресса науки: «Не было бы никакой науки, если бы ей было дело только до *одной* этой нагой богини и ни до чего другого» (Ницше, 2012а, с. 90). Если бы единственно значимым оставалось сугубо эмпирическое исследование, то, по словам Ницше, человек оказался бы обречен рыть «дыру прямо сквозь землю» (Там же), что в практической сфере усугублялось бы тем, что, едва начав копать (игра слов, отсылающая к новой материальной филологии или археологии), исследователь задыхался бы в клубах пыли, поднятой усилиями бесчисленных коллег.

Модифицируя приведенную метафору, Ницше объясняет свое видение античной филологии: он описывает ее как «кентавра», включающего герменевтику помимо археологического анализа материалов (в том числе биологию и химию: Митташ утверждает, что химия в этом контексте — больше, чем просто метафора (Mittasch, 1952, S. 35–36), а Мюллер-Лаутер (Müller-Lauter, 1999) и другие исследователи показали, что этот вывод распространяется и на клеточную биологию), историографию и искусствоведение, греческую и латинскую грамматику, лингвистику, а также метрическое стихосложение (и я полагаю, что имеется параллель в мысли Ницше касательно наук в целом). Согласно Ницше, исследователь, «как и художник, находит бесконечное удовольствие в наличной действительности», и это чувство онтического довольства ограждает его от «практической этики пессимизма и от его зорких линкеевых глаз, светящихся лишь во тьме» (Ницше, 2012а, с. 90).

Поскольку отсылка к светящимся «линкеевым глазам» (*leuchtenden Lynkeusaugen*) во многом проникнута эзотерикой, многие исследователи подчеркивают сосредоточенность на мистическом, обращенном в себя взгляде, «ослепленном» (как пишет сам Ницше в еще более эзотерическом ключе) и замутненном темными пятнами, появляющимися, если слишком долго смотреть на яркий свет (Там же, с. 59–60).

else.” Were the only thing that mattered sheerly empirical research, one would be abandoned, Nietzsche argues, to digging “a hole straight through the earth” (*ibid.*), worsened in the practical realm since no sooner would one undertake to dig (the joke plays on material philology or archaeology) than one would be choked in a cloud of dust thrown up by one’s myriad co-worker’s efforts.

Varying the metaphor, Nietzsche undertook to illuminate his *science* of ancient philology, defined as a ‘centaur’ which included hermeneutics, in addition to archaeological analysis of materials (involving biology and chemistry; Mittasch (1952, pp. 35-36) argues that chemistry was more than a metaphor and Müller-Lauter (1999) and others have shown that the same argument may be made for cell biology), historiography and art history, Greek/Latin grammar and linguistics, along with poetic meter (and I have argued for the parallel in Nietzsche’s thought with respect to the sciences in general). Nietzsche (1967, p. 94) compares, “like the artist”, the researcher’s “infinite delight in whatever exists” as an ontic self-contentedness that shields him from “the practical ethics of pessimism with its Lynkeus-eyes that shine only in the dark” (*ibid.*).

The last reference to “shining Lynkeus-eyes” (*leuchtenden Lynkeusaugen*) is rather esoteric, and thus some scholars emphasise the focus on an uncanny, self-turned glance; “blinded”, as Nietzsche (1967, p. 67) says, still more esoterically, with spots of darkness after staring too long at a bright light. Yet the Jesuit physicist and philosopher of science and space perception, Patrick Aidan Heelan, S.J. (1926–2015) has helpfully explained the metaphor with reference to Galileo as “lynx-eyed” specifically, an argument which is also rel-

Священник-иезуит, физик, философ науки и исследователь восприятия пространства П. Э. Хилан (1926–2015) предложил интересное объяснение данной метафоры, в частности связав ее с применявшимся к Галилею эпитетом «рысьеглазый». Это соображение имеет отношение и к фeyerабендовской критике Галилея как фактически способствовавшего развитию космологии, которое также подтверждает проведенную выше параллель между филологической наукой Ницше (по меньшей мере, но не исключительно) и физической наукой раннего Нового времени: «Римская Академия деи Линчеи (предшественница нынешней Папской академии наук), к которой принадлежал Галилей, была одной из первых академий наук в Европе. Ученые раннего Нового времени считали, что воспринимают форму, число и количество вещей взглядом более острым, чем человеческий» (Heelan, 2002, p. 446).

Этос науки в действии — не тривиальный вопрос, как отмечал Фейерабенд в более поздней работе (Фейерабенд, 1986, с. 253), указывая на честолюбие Галилея и его упорство в продвижении своей теории¹⁷. Но, как утверждает Ницше, еще более губителен фетишизм, сосредоточенный на богине истины — самой *Aletheia*. Речь идет о пленительном объекте исследования, неразрывно связанном с интересом к артефакту исследования как таковому: «художник при всяком разоблачении истины остается все же прикованным восторженными взорами к тому, что и теперь, после разоблачения, осталось от ее покрова» (Ницше, 2012а, с. 90). Невозможно переоценить силу художественной одержимости: сколько бы ни было извлечено из-под земли, очарование исследователя предметом не исчезает. В свою очередь, «теоретический человек радуется сброшенному покрову и видит для себя высшую цель наслаждения в процессе всегда удачного, достигаемого собственной силой разоблачения» (Там же).

¹⁷ Подробнее см. работу автора: (Babich, 2020a).

evant to Feyerabend's critique of Galileo as the materially-enabling condition of cosmology. This also confirms the above parallel between Nietzsche's philological and (at least but not only) early modern physical science: "The Roman *Accademia dei Lincei* (predecessor of the present Papal Academy of the Sciences) to which Galileo belonged, was the name of one of the earliest academies of science in Europe. Early modern scientists saw themselves as seeing more keenly than merely human eyes the shape, number, and quantity of things" (Heelan, 2002, p. 446).

The ethos of science at work is not merely a matter, as Feyerabend (1975, p. 113) has more recently argued, of highlighting propaganda and self-advancement in the case of Galileo,²¹ but is more pernicious: the fetishism attendant on the goddess of truth, that is *Aletheia* herself, as Nietzsche argues. At stake is the seductive object of research, coupled with the artifact of research as itself of interest. Thus, "Whenever the truth is uncovered, the artist will always cling with rapt gaze to what still remains covering even after such uncovering" (Nietzsche, 1967, p. 94). By contrast, the scientist or "the theoretical man enjoys and finds satisfaction in the discarded covering and finds the highest object of his pleasure in the process of an ever happy uncovering that succeeds through his own efforts" (*ibid.*).

It should be striking that in focusing, as Kant does, on the limits of science, Nietzsche invokes the covert (Socratic) optimism of logic as necessitating what he describes as inevitable shipwreck, drawing for this approximative imagery from the *Critique* itself (mentioned above in terms of a geographer's or cartographer's metaphor), tracing "the territory" of pure understanding:

²¹ For discussion, see Babich (2020a).

Примечательно, что Ницше, подобно Канту, сосредоточивается на границах науки, при этом указывая на скрытый (сократический) оптимизм логики, ведущий, по его словам, к неизбежному кораблекрушению. Здесь он прибегает к условному образу, восходящему к самой «Критике» — упомянутому выше сравнению с географом или картографом, очерчивающим «территорию» чистого рассудка:

Но эта страна оказалась островом, самой природой заключенным в неизменные границы. Она есть страна истины (интригующее название), окруженная обширным и бушующим океаном, этим местоположением иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, втягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он тем не менее никак не может довести до конца (A 236 / B 295; Кант, 2006, с. 391 — 393; пер. уточнен. — Ред.).

В «Рождении трагедии...» Ницше описывает Канта и Шопенгауэра как картографов «немецкого духа», развеявших удовлетворенное наслаждение существованием ученого Сократа, очертив и тем самым указав границы, или пределы, смысла явления, «трагическое познание» (Ницше, 2012а, с. 93) которого Ницше называет «дионисовской мудростью» (Ницше, 2012а, с. 99). Те же мыслители (Ницше с горькой иронией заявит, что «философия со времен Канта мертва» (Ницше, 2007, с. 467)) затем обращают критический взгляд на самих себя. Таким образом, развивая их эпистемологическую критику еще дальше, Ницше размышляет:

...великие, широко одаренные натуры, наделенные невероятной прозорливостью, сумели воспользоваться оружием самой науки, чтобы вообще объяснить границы и обусловленность познания и тем самым решительно отвергнуть притязание науки на универсальное значение и универсальные цели; выясне-

But this land is an island, and enclosed in unalterable boundaries by nature itself. It is the land of truth (a charming name), surrounded by a broad and stormy ocean, the true seat of illusion, where many a fog bank and rapidly melting iceberg pretend to be new lands and, ceaselessly deceiving with empty hopes the voyager looking around for new discoveries, entwine him in adventures from which he can never escape and yet also never bring to an end (*KrV*, A 236 / B 295; Kant, 1998, p. 354).

Nietzsche describes Kant and Schopenhauer in *The Birth of Tragedy* as cartographers of the 'German spirit' who shattered the satisfied delight in existence of the scientific Socrates by mapping, and thus demonstrating, the "bounds" (Nietzsche, 1980b, p. 101; cf. Nietzsche, 1967, pp. 97-98) or limitations of sense appearance, the "tragic insight" of which Nietzsche (1967, p. 98) articulated as "Dionysian wisdom" (*ibid.*, p. 103). Those same thinkers (Nietzsche (1980e, p. 517) will *ruefully* claim that "philosophy since Kant is dead") then proceed to turn the critique on themselves. Thus, taking their epistemological critique even further, Nietzsche reflects:

great, universal intellects have, with unbelievable sagacity, known how to employ the instruments of science itself in order to demonstrate the limitations and conditionality of knowledge in general and thus decisively to deny science's claim to universal validity and universal goals: with this demonstration for the first time, was recognized that delusion as such which took itself, by means of causality, to be able to penetrate the innermost essence of things²² (Nietzsche, 1980b, p. 118; cf. Nietzsche, 1967, p. 112).

²² Cf. "[...] haben grosse allgemein angelegte Naturen, mit einer unglaublichen Besonnenheit, das Rüstzeug der Wissenschaft selbst zu benützen gewusst, um die Grenzen und die Bedingtheit des Erkennens überhaupt darzulegen und damit den Anspruch der Wissenschaft auf universale Geltung und universale Zwecke entscheidend zu leugnen: bei welchem Nachweise zum ersten Male jene Wahnvorstellung als solche erkannt wurde, welche, an der Hand der Causalität, sich anmaasst, das innerste Wesen der Dinge ergründen zu können."

ние всего этого впервые позволило познать иллюзорность того представления, которое самонадеянно допускало возможность на основании закона причинности проникновения в самую суть вещей (Ницше, 2012а, с. 107–108).

Именно в этом заключается дух того, что Ницше называет «трагическим познанием», стараясь узреть его отдаленные последствия:

Огромному мужеству и мудрости *Канта* и *Шопенгауэра* удалось одержать труднейшую победу — победу над скрытым в природе логики оптимизмом, который, в свою очередь, представляет собою основание нашей культуры. В то время как этот оптимизм, опираясь на не подлежавшие в его глазах сомнению *aeternae veritates*, верил в познаваемость и разрешимость всех мировых загадок, а пространство, время и причинность понимал как совершенно безусловные и общезначимые законы, Кант открыл, что эти последние, собственно, служат лишь для того, чтобы возвести чистое явление, создание Майи, в степень единственной и высшей реальности и поставить его на место сокровеннейшей и истинной сущности вещей, а действительное познание этой последней сделать тем самым невозможным, то есть, по выражению Шопенгауэра, еще крепче усыпить спящего и грезящего (Там же, с. 108).

Здесь отсылка к сциентистскому оптимизму вновь выводит на передний план идеал использования науки как эликсира, обладающего силой «улучшать» существование. Более того, снова проводится параллель между Кантом и Сократом в терминах изобличенной иллюзии, кроющейся «в недрах этой сократической культуры» (Там же, с. 107) и пышущей декартовским оптимизмом¹⁸. Антидот, подобно тем-

¹⁸ См. подробнее: (Babich, 2016, p. 170–171; Ferrini, 2013), где метафора у Канта рассматривается через призму воззрений Гегеля и опровергается широко распространенное мнение, будто Кант мог использовать метафору Бэкона (хотя такой вывод лежит на поверхности, поскольку Кант посвятил ему свою первую

This is the spirit of what Nietzsche names ‘tragic knowledge’, taking an insight to its furthest consequences. Thus:

The gigantic bravery and wisdom of *Kant* and *Schopenhauer* accomplished the most difficult victory, victory over the optimism hidden in the essence of logic, which is in turn the foundation of our culture. If Kant had believed in the knowability and penetrability of all the world’s riddles, based on the to him innocuous *aeternae veritates*, treating space, time, and causality as completely unconditional laws of the most universal validity, Kant revealed how these actually only served to elevate mere appearance, the work of *Maya*, to the sole and highest reality and to set it in place of the innermost and true essence of things, thereby making actual knowledge of this impossible, i.e., according to a Schopenhauerian saying, lulling the dreamer ever more soundly to sleep²³ [...] (Nietzsche, 1980b, p. 118; cf. Nietzsche, 1967, p. 112).

Here, as the reference to scientific optimism also underlines the ideal of using science as nostrum, with the power to “improve” upon existence, Nietzsche as noted parallels Kant and Socrates, speaking in terms of the convicted illusion “concealed in the womb of this Socratic culture” (Nietzsche, 1967, p. 111) and its raving

²³ “Der ungeheuren Tapferkeit und Weisheit Kant’s und Schopenhauer’s ist der schwerste Sieg gelungen, der Sieg über den im Wesen der Logik verborgen liegenden Optimismus, der wiederum der Untergrund unserer Cultur ist. Wenn dieser an die Erkennbarkeit und Ergründlichkeit aller Welträthsel, gestützt auf die ihm unbedenklichen *aeternae veritates*, geglaubt und Raum, Zeit und Causalität als gänzlich unbedingte Gesetze von allgemeinsten Gültigkeit behandelt hatte, offenbarte Kant, wie diese eigentlich nur dazu dienten, die bloße Erscheinung, das Werk der Maja, zur einzigen und höchsten Realität zu erheben und sie an die Stelle des innersten und wahren Wesens der Dinge zu setzen und die wirkliche Erkenntniss von diesem dadurch unmöglich zu machen, d. h., nach einem Schopenhauer’schen Ausspruche, den Träumer noch fester einzuschläfern.”

ным пятнам, исцеляющим ослепленные светом «глаза Линкея», появляется тогда, когда, как пишет Ницше в своей неопубликованной лекции «Сократ и греческая трагедия», «на периферии окружности» взор человека «упрется во что-то непроницаемое» (Ницше, 2012б, с. 260–261). Описывая этот (ноуменальный) «ужас», Ницше уподобляет критическую кантовскую логику змее, которая «свивается кольцами вдоль этих границ и наконец кусает себя за хвост», чтобы сделать возможным «прорыв к новой форме познания, к трагическому познанию, которое просто невозможно будет выносить, не прибегая к защите и лекарству в виде искусства» (Там же, с. 261).

Проблема кантовского «острова» истины заключается в невозможности увидеть его полностью, и трагический ужас вызывают следствия (а значит, и смелость) прозрения, что, в свою очередь, перекликается с лакановской проблемой Реального (см. также: Ferrini, 2013). Со своей стороны Ницше выводит на передний план «вечное ядро вещей» как таковое, то есть «вещь в себе», подчеркивая противоречие между опасностью присущего ей оптимизма и необходимостью иллюзии.

Ницшеанский «взгляд на Млечный Путь»

В «Веселой науке» Ницше называет космос «всем [музыкальным] произведением» (Ницше, 2014, с. 428). Цель и случай – антропоморфные понятия, так же как и «эстетические и моральные суждения» (здесь вновь очевидна отсылка к Канту). На этом основании, противореча Канту, Ницше выступает с призывом: «Остережемся утверждать, что в природе существуют законы» (Там же). Позднее, в параграфе 22 труда «По ту сторону добра и зла», Ницше высту-

критику). Здесь следует упомянуть, что данное исследование опирается на не удостоившееся должного внимания представление о Канте как метафористе (“als Metaphoriker”), предложенное Хансом Файхингером. См. также: (Feloj, 2011; Thielke, 2003).

‘optimism’ together with Descartes.²⁴ The antidote, like the dark spots healing the damage done by the researcher’s light-burned ‘Lynkeus eyes’, whereby, as Nietzsche (1980g, p. 639) writes in his unpublished lecture “Socrates and Greek Tragedy”, encountering the same “boundary points at the periphery, he stares into the unilluminable”²⁵. To describe this (noumenal) ‘horror’, Nietzsche describes critical Kantian logic as a snake coiling “around itself at these borders and ultimately biting its own tail” which then inaugurates a “new form of knowledge, tragic knowledge, which just in order to be endured, needs art as protection and therapeutic”²⁶ (*ibid.*, pp. 639-640).

The problem with Kant’s ‘island’ of truth is the impossibility of surveying it utterly. The tragic horror results from the consequentiality (and thus the bravery) of the insight – and this, in turn, is Lacan’s problem of the Real (see also, again: Ferrini, 2013). For his part, Nietzsche foregrounds both the “eternal core of things” – that is the “thing-in-itself” – along with the contest between the dangers of optimism and the necessity of illusion.

Nietzsche’s ‘Blick in die Milchstrasse’

In *The Gay Science*, Nietzsche (1980a, p. 468) describes the cosmos as “the whole musical mechanism”²⁷. Purpose and accident are an-

²⁴ For discussion, see Babich (2016, pp. 170-171) as well as Ferrini (2013), on the metaphor in Kant, via Hegel, which puts paid a popular conviction that Kant might be rendering a Baconian metaphor (easy enough, as Kant dedicates his first critique to him), reminding us that our investigations take their point of departure from the otherwise insufficiently adverted to Hans Vaihinger’s reading of Kant “als Metaphoriker”. See also Feloj (2011) and Thielke (2003).

²⁵ Cf. “Grenzpunkte der Peripherie, wo er in das Unaufhellbare starrt”.

²⁶ Cf. “neue Form der Erkenntniss durch, die tragische Erkenntniss, die, um nur ertragen zu werden, als Schutz und Heilmittel die Kunst braucht”.

²⁷ Cf. “das ganze Spielwerk”.

пит с критикой концепции «закономерности природы» (снова прибегая к кантовской терминологии), о которой «вы, физики, говорите с такой гордостью» (Ницше, 2012г, с. 34).

В «Веселой науке» Ницше излагает собственное понимание кантовского схематизма, касающееся не только происхождения знания и генезиса логики, но и причинности, приводя в качестве примера химический процесс.

Мы называем это «объяснением», но это — «описание»: вот что отличает нас от более древних ступеней познания и науки. Мы описываем лучше, а объяснения наши столь же ничемны, как и у всех прежних людей. Мы открыли многоступенчатую последовательность там, где наивный человек и исследователь, принадлежащий к более древним культурам, видел лишь двоякое, «причину» и «следствие», как было принято говорить; мы довели до совершенства образ становления, но не вышли за рамки самого этого образа. В каждом случае ряд «причин» предстает перед нами в гораздо более законченном виде; мы заключаем: сначала должно произойти вот это, дабы впоследствии вон то, — но при этом мы не *понимаем* ровным счетом ничего. Качество, например, при каждом химическом соединении по-прежнему выглядит «чудом», как и всякое поступательное движение; никто еще толком не «объяснил» толчка. Да и как могли бы мы объяснить его! Мы оперируем сплошь и рядом несуществующими вещами: линиями, поверхностями, телами, атомами, делимыми временами, делимыми пространствами — какое тут может быть еще объяснение, когда мы заведомо все превращаем в образ, наш образ! (Ницше, 2014, с. 432).

Ницше ссылается на Канта и *радикализирует* его идеи, утверждая, что «астральный распорядок, в котором мы живем, есть исключение» (Там же, с. 427). Эта особенность, лежащая в основе перспективистской герменевтики науки Ницше (Babich, 1994; 2010a; 2010б), может интерпретироваться иначе, причем следует отметить, что именно она «спасает феномены»,

thropomorphic notions, together with — and note here, again, the clear reference to Kant — our “aesthetic and moral judgements,”²⁸ such that, so Nietzsche contends, contra Kant’s argument, “We should beware of saying there are laws in nature”²⁹ (*ibid.*). Later, in *Beyond Good and Evil*, §22, Nietzsche (1980d, p. 37) assails the concept of that same “conformity to law”³⁰, again in Kantian terms, of which “you physicists speak so proudly”³¹.

In *The Gay Science*, Nietzsche articulates his own take on Kant’s schematism, not only on the origin of knowledge and the genesis of logic but causality, using the example of a chemical process along the way:

“Explanation” is what we call it: but it is “describing” [...] “cause” and “effect”, as the saying goes; we have perfected the image of becoming but have not gotten beyond the image behind the image. The series of “causes” stands in each case much more completely before us; we conclude: this and that must precede in order for that to follow — but thereby we have *comprehended* nothing. Quality, for example, in the case of every chemical process, appears as a ‘miracle’ as ever before, so too every forward motion; no one has “explained” the push. And how could we ever explain! We operate with things that do not exist: lines, surfaces, bodies, atoms, divisible times, divisible spaces — how should explanation even be possible when we begin by making everything into an *image*, to our image!³² (Nietzsche, 1980a, p. 472)

²⁸ Cf. “ästhetischen und moralischen Urtheile”.

²⁹ Cf. “Gesetze. Hüten wir uns, zu sagen, dass es Gesetze in der Natur gebe”.

³⁰ Cf. “Gesetzmäßigkeit der Natur”.

³¹ Cf. “ihr Physiker [der] so stolz redet”.

³² Cf. “‘Erklärung’ nennen wir’s: aber ‘Beschreibung’ ist es, was uns vor älteren Stufen der Erkenntniss und Wissenschaft auszeichnet. Wir beschreiben besser, — wir erklären ebenso wenig wie alle Früheren. Wir haben da ein vielfaches Nacheinander aufgedeckt, wo der naive Mensch und Forscher älterer Culturen nur Zweierlei sah, ‘Ursache’ und ‘Wirkung’, wie die Rede lautete; wir haben das Bild des Werdens vervollkommen, aber sind über das Bild, hinter das Bild nicht hinaus gekommen. Die Reihe der ‘Ursachen’ steht viel vollständiger in jedem Falle vor uns, wir schliessen: diess und das muss erst vorangehen, damit jenes folge, — aber begriffen haben wir da-

предполагая, в отличие от порядка или законного устройства, что «общий характер мира, напротив, извечно хаотичен», ergo не в смысле отсутствия необходимости — обратите внимание на кантовскую точность — а в смысле недостатка «порядка, членения, формы, красоты, мудрости» и т.д. (Ницше, 2014, с. 428). В этом смысле, учитывая, что упомянутый «астральный порядок» — отсылка к теории вселенной Канта (Ницше цитирует «Всеобщую естественную историю и теорию неба» в своих лекциях в Байройте о трагическом веке Греции и в курсе лекций, прочитанном в Базеле), во «взгляде на Млечный Путь» также считается кантовский язык, так как Ницше утверждает, что подобный взгляд вызывает «сомнение, нет ли там более грубых и противоречивых движений, равным образом звезд с вечно-прямолинейными траекториями падения и еще чего-либо аналогичного» (Там же, с. 427). Обращаясь к прямолинейным траекториям звезд, Ницше ставит под вопрос кантовскую небулярную гипотезу.

Чуть более чем через полвека после смерти Ницше, по случаю двухсотлетия кантовской «Всеобщей естественной истории и теории неба», астрофизик и аксиоматик Рудольф Курт (Kurth, 1956, S. 59) рассматривает источники кантовского вдохновения начиная с теории Т. Райта о Млечном Пути и подробно анализирует параллели в последующие периоды: сорок лет спустя с П.-С. Лапласом (1796) и «пятидесять лет спустя» с Ф. Араго. И Курт прибавляет дополнительную ссылку на И. Х. Ламберта. Несмотря на то что соответствующие открытия, включая эмпирические исследования Гершеля, были сделаны независимо от кантовской концепции, Курт считает целесообразным рассматривать основную гипотезу Канта как часть «нашей науки» (Ibid.), то есть астрофизики.

Курт связывает концепцию Канта со «Всеобщей естественной историей и теорией неба» — трудом, написанным философом в

Nietzsche invokes and radicalises Kant's thought when he speculates that the "astral order in which we live" could be regarded as "an exception"³³ (ibid., p. 468). This singularity, the basis of Nietzsche's perspectivist hermeneutics of science (Babich, 1994; 2010a; 2010b), can be read alternatively such that — and it should be noted that this 'saves the phenomena' — by assuming, in contrast to order or lawful arrangement, that the "total character of the world is, to the contrary, chaos to all eternity". This is not in the sense of there being a lack of necessity (note the Kantian precision), but a lack of "order, organization, form, beauty, wisdom"³⁴ etc. (Nietzsche, 1980a, p. 468). To this extent, given that his reference to 'the astral order' is a reference to Kant's theory of the universe (Nietzsche cites Kant's *General History and Theory of the Heavens* in his lectures on the tragic age of Greece in Bayreuth, as well as in his university lecture courses in Basel), he also references Kant's language of "a glance at the Milky Way",³⁵ contending that such a glance permits 'doubts' as to whether one might not find there "much more rough and contradictory movements, in addition to stars with eternally linear trajectories and the like"³⁶ (ibid.). By invoking linear courses for the stars, Nietzsche challenges Kant's solar nebular hypothesis.

Slightly more than half a century after Nietzsche's death, writing on the occasion of the 200th anniversary of Kant's *Universal Natural History and Theory of the Heavens*, Rudolf

---

mit Nichts. Die Qualität, zum Beispiel bei jedem chemischen Werden, erscheint nach wie vor als ein 'Wunder', ebenso jede Fortbewegung; Niemand hat den Stoss 'erklärt'. Wie könnten wir auch erklären! Wir operieren mit lauter Dingen, die es nicht giebt, mit Linien, Flächen, Körpern, Atomen, theilbaren Zeiten, theilbaren Räumen —, wie soll Erklärung auch nur möglich sein, wenn wir Alles erst zum Bilde machen, zu unserem Bilde!"

³³ Cf. "Die astrale Ordnung, in der wir leben, ist eine Ausnahme; diese Ordnung".

³⁴ Cf. "Ordnung, Gliederung, Form, Schönheit, Weisheit".

³⁵ Cf. "ein Blick in die Milchstrasse".

³⁶ Cf. "viel rohere und widersprechendere Bewegungen [...], ebenfalls Sterne mit ewigen geradlinigen Fallbahnen".

возрасте 31 года незадолго до габилитации, и тремя его более ранними работами, посвященными естественным наукам и, в частности, «астрономическим и геофизическим проблемам» (“astronomische und geophysikalische Einzelprobleme”) (Ibid., S. 57). Таким образом, Курт прослеживает влияние кантовской концепции на дальнейшее развитие науки вплоть до публикации Э. Хаббла 1926 г. Интерес Курта концептуально имеет герменевтический характер, так как, публикуя свою первую работу на данную тему, Кант, вероятно, осознавал наличие в ней атеистически окрашенного компонента религиозного «вольнодумства» (“Freidenkerei”) (Ibid., S. 61). Сочинение могло вызывать подозрения, поскольку со времен Птолемея по причинам как политическим, так и, что не менее значимо, теоретическим считалось, что порядок на небесах находится в руках Господних. Учитывая контекст, в котором Кант создавал свою работу, Курт (Ibid., S. 63) совершенно обоснованно обращается к «физико-теологическому доказательству божественного начала» (“physiko-theologischer Gottesbewies”), говоря о божественном как о «всеведущем, всемогущем» (“allweise, allmächtig”), тогда как современные ученые плавно и «некритически» переходят с языка божественного на язык «природы», утверждая, что «природа разумна» и «природа проста и прекрасна», что созвучно утверждениям Ницше.

Для Курта придание природе «рациональности» — основная предпосылка любого естественно-научного изыскания и, следовательно, необходимая черта «подлинного выражения веры» (Ibid.). Эта предпосылка, как замечает Курт, догматична до той степени, что «не может быть ни подтверждена, ни опровергнута» (Ibid.). Таким образом, для Курта даже базовое допущение рациональности является «лишь аппроксимативным», при этом «всегда остается рационально неустранимый остаток, который мы хотя постоянно в ходе исследований

Kurth (1956, p. 59), astrophysicist and axiomatist, reviews Kant’s sources of inspiration. Kurth begins with Thomas Wright’s theory of the Milky Way, detailing parallels at subsequent intervals, forty years later with Laplace (1796), and “fifty years later” with Arago, adding a reference to Lambert. Despite the clear independence of related discoveries, including the empirical research of Herschel, Kurth underlines that Kant’s basic hypothesis should be included in “our science” (*ibid.*) — that is, astrophysics.

For Kurth, Kant’s project concerns the natural history and theory of the heavens (the universe as a whole), written at the age of 31 just before Kant writes his *Habilitation*, with three publications concerning natural science — specifically, “astronomical and geophysical problems”. Kurth (1956, p. 57) thus reads Kant’s nebular hypothesis of the solar system through to Hubble in 1926. Kurth’s concern is conceptually hermeneutic given that, at the time Kant published his first essay, he would have been mindful of a certain atheistically tinged component of religious “freethinking [*Freidenkerei*]” (*ibid.*, p. 61) where this would have been suspect (for political and not less theoretic reasons, God being the arbiter of order in the heavens since Ptolemy). Thus, given Kant’s own context, Kurth (1956, p. 63) can invoke a ‘physico-theological proof of deity’ and speak of the divine as ‘omniscient, omnipotent’; where, by contrast, scientists today ‘uncritically’ switch out the language of deity for that of ‘nature’, smoothly converting “nature is reasonable” and “nature is simple and beautiful”³⁷ (I note that there are parallels with Nietzsche’s arguments here).

For Kurth, the attribution of ‘rationality’ to nature is the basic presupposition of all natural scientific research and, axiomatically, a presupposition characteristic of “a genuine

³⁷ Cf. “Die Natur ist ‘vernünftig’, die Natur ist ‘einfach’ und ist ‘schön’.”

стремимся уменьшить, но полностью от него избавиться мы не можем». В этом отношении (и здесь акцент делается на экспериментальном и эмпирическом) формальная рациональность не может предложить «никакого критерия для практических исследований» (Ibid.). Хотя зачастую предполагается, что «простота» и «красота» создают полезное дополнительное измерение, они не могут подтолкнуть к научному поиску, поскольку «красота не является критерием истины» (Ibid., S. 64). То же относится и к «простоте», царящей в лаборатории по прагматическим и техническим причинам. При этом Курт подчеркивает, вторя Ницше («истина очень, очень сложна» (Ницше, 2013, с. 64)): «напротив, в природе явления хотя не всегда, но часто сложны» (Kurth, 1956, S. 63). Курт обращает внимание на ранние размышления Ницше о *полезности* ошибки неточного наблюдения и поспешных обобщений (Ibid., S. 65), подобно Ницше, рассматривавшему маховский принцип экономии мышления. Курт выделяет ключевую роль простоты при концептуализации происхождения Вселенной: «Хаос — это самое простое состояние после небытия» (Ibid., S. 72). Это в особенности верно, если «простота есть и остается общесубъективной методической максимой, лишенной достоверного объективного значения» (Ibid.).

Курт заканчивает свой обзор отсылкой к критическим и научным разделам из работ Канта, посвященным «обитателям других планет» (Ibid., S. 73; см. также: Clark, 2001; Schmid, 2019; Wille, 2005). Примечательно, что предположение Канта о подобии инопланетной рациональности нашей до такой степени укоренено в области поиска внеземной жизни, что вера Курта в то, что современный человек должен быть более восприимчив к концепции разнообразия разумной жизни, кажется чрезмерно оптимистичной и по прошествии почти семидесяти лет. Согласно Курту, не может существовать обилия разумной жизни, подобной нашей,

statement of belief”³⁸ (ibid.). This is dogmatic, as Kurth observes, to the extent that “it can neither be proved nor refuted”³⁹ (ibid.). Thus, for Kurth, even the ground assumption of rationality is “only approximative”: “a rationally unresolved residue always remains which we try to minimise through ongoing research but cannot be made to vanish”⁴⁰. To this extent (and here the focus is on the experimental and the empirical), a formal rationality can offer “no criterion for the praxis of research”⁴¹ (ibid.). Although it is often assumed that the perspectives of ‘simplicity’ and ‘beauty’ provide useful support, these assumptions are deficient as inspirations for scientific research, since “beauty is not a criterion of truth”⁴² (ibid., p. 64). The same holds for ‘simplicity’, which rules in the laboratory for reasons of pragmatic or technical convenience whilst, as Kurth emphasises (and as Nietzsche does: “the truth however is very, very complicated”⁴³ 1980f, p. 67), “in nature, by contrast, the phenomena are, if not always, often complicated”⁴⁴ (Kurth, 1956, p. 63). Kurth notes Nietzsche’s early reflections on the *helpful* error of imprecise observation and overhasty generalisations (ibid., p. 65). Just as Nietzsche includes Mach’s thought-economy, Kurth emphasises the crucial role of simplicity with respect to conceptualising the origins of the universe: “Chaos is the simplest state after nothingness”⁴⁵ (ibid., p. 72) if simplicity, Kurth maintains, “persists as a general subjective methodological maxim without reliable objective validity”⁴⁶ (ibid.).

³⁸ Cf. “ein echter echter Glaubenssatz”.

³⁹ Cf. “denn sie kann weder bewiesen noch widerlegt werden”.

⁴⁰ Cf. “nur approximative, stets bleibt ein rational unauflösender Rest, den wir in stetiger Forschungsarbeit zwar zu verkleinern suchen, aber nicht zum Verschwinden bringen können.”

⁴¹ Cf. “kein Kriterium für die Praxis des Forschens”.

⁴² Cf. “Schönheit ist nicht Kriterium der Wahrheit”.

⁴³ Cf. “aber die Wahrheit ist sehr, sehr compliciert”.

⁴⁴ Cf. “In der Natur dagegen sind zwar nicht immer, aber oft die Erscheinungen komplex”.

⁴⁵ Cf. “Das Chaos sei der einfachste Zustand nach dem Nichts”.

⁴⁶ Cf. “Einfachheit ist und bleibt eine allgemeinsubjektive methodische Maxime ohne verlässliche objektive Geltung”.

поскольку она требует наличия воды и определенного диапазона температур, что не только является исключительным стечением обстоятельств, но и предполагает соблюдение ряда дополнительных условий (Kurth, 1956, S. 74).

Курт воспринимает работу Канта как «историю вселенной», соответствующую «современным представлениям об астрономии» (Ibid., S. 75). Несмотря на то что в естественных науках нередко совершаются одинаковые открытия, а идеи реплицируются, продолжает он, «Критика разума» только одна, и задумана она была «лишь единожды» (Ibid., S. 77). Важно помнить, на что обращает внимание и Фейерабенд (Фейерабенд, 1986), что развитие науки, как правило, не требует детального разбора ранее вышедших публикаций. И при всем том, что кантовские идеи безусловно восходят к Райту, Курт демонстрирует, что сам немецкий философ не имел возможности знакомиться с работами Райта в оригинале. Поэтому Кант цитируется редко, а его концепция обычно связывается с более поздней теорией Лапласа. Однако Курт утверждает, что Кант, не будучи профессиональным ученым, имел влияние, сопоставимое (подобно его собственным отсылкам к Копернику) с тем, на которое притязали ученые, например Кеплер (он видел себя в самоуверенности просвещения «жрецом божественного в храме природы» (Kurth, 1956, S. 78)). Знание кантовских работ позволило Курту взять верх над исследователями Бетховена: ему удалось продемонстрировать, что композитор читал «Всеобщую историю природы» Канта (Ibid., S. 79).

Для Курта совершенно необходимо, чтобы мы избавились от суеверий, касающихся того, что мы называем «настоящей наукой» (“the science”), в той мере, в какой это дает привилегии математике. Он отмечает, что даже Пуанкаре, сам будучи математиком, не обратил внимания на кантовские грубые математические ошибки. Курт, как и Хайдеггер, полагает,

Kurth closes his overview by invoking the least critical/scientific of Kant’s sections concerning the ‘inhabitants of different planets’ (Kurth, 1956, p. 73; cf. Clark, 2001; Schmid, 2019; Wille, 2005). Significantly, Kant’s assumption that these inhabitants would have a rationality like our own continues to dominate the search for extra-terrestrial life in the universe, so much so that Kurth’s conviction that we are more receptive to the conception of different varieties of alien intelligence, i.e., intelligence not like our own, appears overly optimistic some seventy years later. As Kurth continues to argue, there could not be an abundance of intelligent life similar to our own just to the extent that material conditions like water and temperature are measurable, and just these appear to be not merely exceptions, but also in need of a broad range of ancillary conditions (Kurth, 1956, p. 74).

Kurth recounts the reception of Kant’s work as the “history of the universe”, corresponding to the “current idea of astronomy” (ibid., p. 75). Kurth is quick to point out that in the case of the natural sciences, convergent discoveries and hence replicated ideas are the rule – but there was just “one Critique of Reason” and it was “conceived once only”⁴⁷ (ibid., p. 77). Crucially, and this relates to some of the same points Feyerabend (1975) underlines, science typically proceeds without a review of the literature; and even Kant, for all his undisputed dependence on Wright (as Kurth’s argument demonstrates), never had the occasion to consult Wright’s work in the original. Thus, Kant does not tend to be cited. His theory is typically liaised with Laplace’s later theory, but Kurth (1956, p. 78) argues that even if Kant was not a professional scientist, his influence was comparable (like his own references to Copernicus) to the more cosmic ambitions

⁴⁷ Cf. “eine Kritik der Vernunft aber wurde nur einmal gedacht”.

что критически важным для науки является «мышление» (Ibid., S. 80). Акцент на космологической феноменологии Канта представляет Млечный Путь как динамическую систему с перспективами и углами, расстояниями и напряжениями, ключ к пониманию которых — «наблюдение» (Ibid., S. 65 — здесь обобщается аргументация Канта).

Выше, до обзора работы Курта, было отмечено, что Ницше вторит Канту не только в «Веселой науке», но и в своих лекциях о доократической космологии, а также в лекциях, прочитанных в Байройте и Базеле. Ницше цитирует и комментирует кантовский оригинальный мысленный эксперимент: «Я испытываю удовольствие, — говорил Кант, — видеть без помощи произвольных построений, как по вечным законам движения возникает чудное целое, настолько подобное нашей мировой системе, что я не могу удержаться от того, чтобы не считать его ею. Мне кажется, что можно было бы в некотором смысле сказать без дерзости: “Дайте мне материю, я создам из нее мир!”» (Ницше, 2012в, с. 361; см. также: AA 01, S. 230, 266; Кант, 1994а, с. 123).

Цитируя «Всеобщую естественную историю и теорию неба» Канта, Ницше обращается к вопросу о генезисе Вселенной как таковой: «Что же должно было произойти с этим хаотическим беспорядком первоначального смешения вещей до начала движения, чтобы из него получился, без всякого прибавления новых субстанций и сил», чтобы в этом «хаотическом месиве» появился «первый толчок», благодаря которому возник «имеющийся перед нами мир с выверенными путями звезд, с вечными законами смен времен года и дня, с его разнообразной красотой и порядком, — короче, чтоб из хаоса получился космос?» (Ницше, 2012в, с. 359).

Ссылаясь на космическую теорию Анаксагора, исключаящую присущее Античности «чудесное вмешательство мифологических и

of other scientists (Kepler, for example, saw himself “as a priest of divinity in the temple of nature”⁴⁸) in the self-assertion of the Enlightenment. Knowing Kant’s work, Kurth counters the editors of Beethoven’s *Diaries*, arguing that Beethoven had read Kant’s *Universal Natural History* (ibid., p. 79).

It is imperative for Kurth that we free ourselves from the superstition concerning what we call “the science” to the extent that this privileges mathematics, noting that even Poincaré, himself a mathematician, failed to address Kant’s irrecoverable mathematical errors. For Kurth, like Heidegger, critical for science is “thinking” (ibid., p. 80). The focus on Kant’s cosmological phenomenology thereby attends to the phenomenon of the Milky Way as a dynamic system, including perspectives and angles, distances and tensions, for which further “observation holds the key” (ibid., p. 65 — here summarising Kant’s argument).

Prior to the above review of Kurth, I noted that Nietzsche echoes Kant not only in *The Gay Science*, but in lectures on pre-Platonic cosmology given in Bayreuth and in Basel, where Nietzsche cites and glosses Kant’s original thought experiment:

“I am enjoying the pleasure,” said Kant, “of seeing a well-ordered totality creating itself, without the aid of arbitrary fictions, only by the impulse of ordered laws of motion, which is so similar to that world system which is our own, that I cannot keep from taking it to be the same. It seems to me that one might say at this point, without presumption, ‘Give me materiality and I shall build a world from it!’” (Nietzsche, 1962, p. 110; cf. Nietzsche, 1980c, p. 867; see also NTH, AA 01, p. 230, 266; Kant, 2012, p. 200, 230).

By citing Kant’s *Universal Natural History*, Nietzsche refers to the genesis of the universe as such: “What had to be accomplished in that chaotic pell-mell of primeval conditions, before all motion, in order that out of this, without

⁴⁸ Cf. “als Priester Gottes im Tempel der Natur”.

теистических элементов и антропоморфных целей и потребностей» (Там же, с. 361), Ницше объясняет, как именно наука могла бы возникнуть в античности. В частности, он утверждает, что Анаксагор «мог бы говорить теми же гордыми словами, как Кант в своей “Естественной истории неба”». Используя язык третьей «Критики», Ницше выстраивает следующее рассуждение:

Разве не высока и не прекрасна мысль, сводящая всю красоту неба и удивительное устройство небесных путей звезд к простому, чисто механическому движению и как бы подвижной математической фигуре, стало быть, не к воле и руке какого-то «бога из машины», а к вибрации, которая, раз начавшись, в своем дальнейшем ходе становится необходимой и определенной и производит действия, которые подобны мудрейшим расчетам самой острой мысли и обдуманнейшей целесообразности, на самом деле не будучи ими (Там же; см. также: Babich, 2021a, p. 36–38).

Здесь можно вспомнить муз Платона, исправляющих прецессию сфер в конце «Государства» (математико-музыкальное вычисление), или демона Максвелла, но, как уже упоминалось в «Веселой науке», «циклические движения соседних нам звезд» (Ницше, 2014, с. 427) могут рассматриваться как сингулярность. В своей более ранней лекции, прочитанной в Байройте, Ницше возводит кантовскую гипотезу к Анаксагору, отмечая, что Кант не ссылается при этом на древнегреческого философа. Описывает Ницше и Анаксагоров «вихрь» — «как будто все элементы были истолчены в ступе, превращены в пыль и рассеяны теперь в хаосе, как в кратере» (Ницше, 2012в, с. 356), — подобный резонирующей вибрации, которая становится «необходимой и определенной и производит действия» (Там же, с. 361), или же движению по спирали или кругу

the increase of new substances or forces,”⁴⁹ — hence “*that first impulse*” needed to generate out of this ‘chaotic confusion’ — “the extant world with the regular orbits of the stars, with the lawful forms of the seasons and times of day, with its manifold beauty and order, in sum, in order thereby that out of chaos a cosmos becomes?”⁵⁰ (Nietzsche, 1980c, p. 864; cf. Nietzsche, 1962, pp. 106-107).

Invoking Anaxagoras’ cosmic theory, and the exclusion in antiquity of “mythological and theistic miraculous interventions and anthropomorphic goals and purposes”, Nietzsche explicates what would have had to be at stake in order for there to be science in antiquity at all. He argues that “Anaxagoras could have used similarly proud words to those employed by Kant in his *Natural History of the Heavens*.” As Nietzsche reasons, using the Kantian language of the third critique,

It is, to be sure, a sublime thought to trace the splendour of the cosmos and the astonishing arrangement of the stars’ orbits back in its entirety to a simple, purely mechanical movement and, as it were, to a moving mathematical figure, ergo not to the intentions and intervening hands of a machine-god [*Maschinengottes*], but only a kind of oscillation which, if once begun, is necessary and determined in its course and efficacy resembling the wisest calculation of ingeniousness and the most thoughtful purposiveness, without being them⁵¹ (Nietzsche, 1980c, pp. 866-867; see also Babich, 2021a, pp. 36-38).

⁴⁹ Cf. “*Was mußte mit jenem chaotischen Durcheinander des Urzustandes vor aller Bewegung gemacht werden, damit aus ihm, ohne jeden Zuwachs neuer Substanzen und Kräfte*”.

⁵⁰ Cf. “*die vorhandene Welt mit den regelmäßigen Bahnen der Gestirne, mit den gesetzmäßigen Formen der Jahres- und Tageszeiten, mit der mannichfachen Schönheit und Ordnung, kurz damit aus dem Chaos ein Kosmos werde?*”

⁵¹ Cf. “*Ist es doch ein erhabener Gedanke, jene Herrlichkeit des Kosmos und die staunenswürdige Einrichtung der Sternbahnen durchaus auf eine einfache rein mechanische Bewegung und gleichsam auf eine bewegte mathematische Figur zurückzuführen, also nicht auf Absichten und eingreifende Hände eines Maschinengottes, sondern nur auf eine Art der Schwingung, die, wenn sie nur einmal angefangen hat, in ihrem Verlaufe nothwendig und bestimmt ist und Wirkungen erzielt, die der weisesten Berechnung des Scharfsinns und der durchdachtsten Zweckmäßigkeit gleichen, ohne sie zu sein.*”

(περιχώρησις), утверждая, что Анаксагор «был первым, кто открыл сохранение энергии и нерушимость материи» (Nietzsche, 1995, S. 308).

Необходимость для Ницше — ключ ко всему, и здесь он оппонирует тем, кто неправильно толкует Анаксагора, обвиняя его в «антропоморфной телеологии». Таким образом, Ницше обращается к «сильному» и «гордому» достижению Анаксагора, сравнивая его с «Всеобщей естественной историей» Канта, повторяя, что «Сила и гордость этой концепции в том, что она выводит весь космос становления из движущегося круга, между тем как Парменид считал истинно сущее мертвым, покоящимся шаром. Если этот круг впервые двинут и приведен во вращение силою *Nūs'a*, то весь порядок, законосообразность и красота мира являются следствием этого первого толчка» (Ницше, 2012в, с. 361).

Вышесказанное проливает свет на ответ, данный Ницше физикам в его труде «По ту сторону добра и зла»: во вселенной существует то же логическое ядро, та же траектория и тот же порядок не благодаря устройству законов природы (равенству) или последовательным проявлением бога или демиурга, упоминавшегося выше «бога из машины», то есть «не потому, что в нем царят законы, а потому, что абсолютно *нет* законов и каждая власть в каждое мгновение выводит свое последнее заключение» (Ницше, 2012г, с. 35).

Во всех своих работах Ницше утверждает, что феномены согласуются с любой из этих интерпретаций. Данная критика носит точечный и механический характер, как было показано выше, и аналогичный аргумент о возможности космического повторяется в конце его более позднего полемического размышления «К генеалогии морали».

В фокусе интереса Ницше, так же как и Канта, и Юма, — логическая необходимость (Nothwendigkeit, ἀνάγκη), имеющая ключевое значение для науки. Так, в «Веселой науке» Ницше (2014, с. 431) анализирует «происхождение

One may think of Plato's muses correcting the precession of the spheres at the end of the *Republic* (a mathematically musical calculation) or one can think of Maxwell's demon; but, as we have already cited *The Gay Science*, the "cyclical movements of the neighboring stars"⁵² (Nietzsche, 1980a, p. 467) might well be the singularity. In his earlier Bayreuth lecture, Nietzsche traces Kant's hypothesis to Anaxagoras, emphasising that Kant omits this antecedent reference, describing Anaxagoras' 'vortex', "stirred about in the chaos as though in a mixing jar"⁵³ (Nietzsche, 1980c, p. 861) as a kind of resonant oscillation "necessary and determined in its consequences"⁵⁴ (*ibid.*, p. 867) or spiraling, circular motion (περιχώρησις), claiming that "he was the first to discover the conservation of energy and the indestructibility of matter" (Nietzsche, 1995, p. 308).

Necessity is for Nietzsche key to it all, in opposition to those who misunderstand Anaxagoras by accusing him of 'anthropomorphic teleology'. Thus, Nietzsche adverts to Anaxagoras' 'grand' and 'proud' achievement by comparing it to Kant's *Universal Natural History*, repeating that "That conception derives its greatness and pride precisely from the fact that it derives the entire cosmos of becoming from the moving circle, whereas Parmenides viewed truly existing being as a static, dead sphere. Once that circle is moved and set in motion by the *Nous*, all order lawfulness and beauty of the world are the natural consequence of that first impetus"⁵⁵ (Nietzsche, 1980c, p. 866).

⁵² Cf. "so Formvolles, wie die kyklischen Bewegungen unserer Nachbar-Sterne".

⁵³ Cf. "so daß sie nun in jenem Chaos wie in einem Mischkrug durch einander gerührt werden konnten".

⁵⁴ Cf. "nothwendig und bestimmt ist und Wirkungen".

⁵⁵ Cf. "Jene Conception hat gerade ihre Größe und ihren Stolz darin, daß sie aus dem bewegten Kreis den ganzen Kosmos des Werdens ableitet, während Parmenides das wahrhaft Seiende wie eine ruhende todte Kugel anschaute. Ist jener Kreis erst bewegt und durch den *Nous* in's Rollen gebracht, so ist alle Ordnung Gesetzmäßigkeit und Schönheit der Welt die natürliche Folge jenes ersten Anstoßes."

ние логического» как такового, генеалогически обосновывая условия развития и возникновение логики в исторической плоскости. Согласно Ницше, логика возникла «из не-логического, царство которого первоначально, должно быть, было огромным». Различия всегда будут существовать, и для того, чтобы формально и логически убедиться в несущественности этих различий, в реальной жизни потребовалось бы время, достаточное для того, чтобы естественный отбор благоприятствовал тем, кто действует без подобной разумной оглядки в «отношении пищи или враждебных ему зверей» (Там же). И такой исход будет прагматичным, поскольку он решает существующую проблему, как сказал бы философ науки Ларри Лаудан. При этом тенденция «во всем схожем тотчас же угадывать тождество» представляется Ницше, прибегающему в этом контексте к кантовскому языку, «нелогичной», «ибо на деле не существует ничего тождественного» (Там же). Здесь же он подчеркивает, что именно это несовпадение тождественного «заложило впервые всю основу логики» (Там же).

В этом же ключе Ницше продолжает рассуждения о науке в работе «По ту сторону добра и зла» с подзаголовком «Прелюдия к философии будущего». Здесь он рассматривает то, что он, кроме прочего, называет «глупой доброй волей к “вере”», происходящей из перспективистского соображения, что «наши чувства поздно научаются, и никогда не научаются вполне, быть тонкими, верными, осторожными органами познания. Нашему глазу при случае легче воспроизводить уже много раз воспроизведенную картину, нежели удерживать в себе отличительные, новые черты какого-нибудь впечатления» (Ницше, 2012г, с. 106). Этот пример отсылает к более ранней гётевской метафоре из работы «Об истине и лжи во вненравственном смысле», где речь идет о листе и дереве. В свете феномена просмотрового чтения, свойственно экранной эпохе, а также взглядов когнитив-

Here one can begin to understand Nietzsche's reply to his physicists in *Beyond Good and Evil*: one has the same logical core and course and order in the universe, not owing to a scheme of natural law (equality), or as a consequent expression of deity or the demiurge (the “machine-god” cited above); that is, “not because laws rule in it but because they are absolutely lacking, and every power in every moment draws its final consequences”⁵⁶ (Nietzsche, 1980d, p. 37).

It is Nietzsche's contention, sustained throughout his work, that the phenomena will support either interpretation. The criticism is point-mechanical, as we have seen; and a parallel argument concerning cosmic possibility recurs at the close of his subsequent polemical reflections, *On the Genealogy of Morals*.

Like Kant and like Hume, Nietzsche is concerned with nothing less crucial to science than logical ‘necessity’ (*Nothwendigkeit*, ἀνάγκη). Thus, in *The Gay Science*, Nietzsche (1980a, p. 471) is concerned with the ‘origin of logic’ as such. He outlines the conditions for the development and genesis of logic, as a matter of history, arguing that logic came into being in human cognition “certainly from illogic, the realm of which must originally have been immense”.⁵⁷ Strictly speaking, there will always be differences; and to make the formal, logical determination that these differences make no difference would take time enough (in real life), to select against such acuity in favour of those who had recourse to no such prudential reserve “with regard to nourishment or with regard to animals dangerous to him”⁵⁸ (*ibid.*). The achievement is a pragmatic one: solving a problem, as

⁵⁶ Cf. “einen ‘nothwendigen’ und ‘berechnbaren’ Verlauf aber nicht, weil Gesetze in ihr herrschen, sondern weil absolut die Gesetze fehlen, und jede Macht in jedem Augenblicke ihre letzte Consequenz zieht”.

⁵⁷ Cf. “Gewiss aus der Unlogik, deren Reich ursprünglich ungeheuer gewesen sein muss.”

⁵⁸ Cf. “in Betreff der Nahrung oder in Betreff der ihm feindlichen Thiere”.

ной физиологии и психологии на сегодняшний опыт просмотра и чтения выводы Ницше представляются в значительной степени актуальными, поскольку он фокусируется на иллюзии, обмане, *лжи*. В целом, подытоживает он, «мы в гораздо большей мере художники, нежели это нам известно» (Там же, с. 107)¹⁹.

Таким образом, Ницше выделяет в интерпретации элемент проекции:

Нередко посреди оживленного разговора, в зависимости от мысли, которую высказывает мой собеседник или которая кажется мне вызванной в нем мною, я вижу его лицо настолько отчетливо, вижу в нем такое тонко определенное выражение, что степень этой отчетливости далеко превосходит *силу* моей зрительной способности, — тонкость игры мускулов и выражение глаз *должны* быть, очевидно, присочинены мною. По всей вероятности, лицо моего собеседника выражало что-то иное или даже совсем ничего не выражало (Там же).

Неважно, идет ли речь о картине, музыкальном произведении или другом человеке, согласно Ницше, большинство предпочтет оригиналу *копию* (или кантовскую схему). Иными словами, человек предпочитает вещи таковыми, каковыми он их себе представляет.

В то же время, и в этом заключается суть критики Ницше, именно таков механизм предрассудка. И, как известно сегодня, именно на этом основаны психологические манипуляции в социальных сетях.

Из того же соображения, которое приводит к кантовской теории «млечных путей и туманностей» и передовой космологии, следует: «С точки зрения нашего разума промахи суть правила, исключения отнюдь не составляют тайной цели, и все произведение извечно повторяет свой мотив, который никогда не может

¹⁹ См. об этом: (Babich, 2025b); а также далее в связи с проблемой искусственного интеллекта: (Babich, 2023).

the philosopher of science Larry Laudan would say. But this tendency “to treat the similar as identical”⁵⁹ is, Nietzsche argues (using Kantian language to do so), an “unlogical inclination — because in-itself there is nothing identical”⁶⁰ (*ibid.*), emphasising that it is just this non-coincidence of the identical that “created the very foundation of logic”⁶¹ (*ibid.*, pp. 471-472).

The focus on science continues in *Jenseits von Gut und Böse*, Nietzsche’s *Prelude to a Philosophy of the Future*.⁶² Here, Nietzsche (1980d, p. 113) goes on to reflect on what he also names “the good stupid will to believe”, which derives from the perspectival fact that “our senses learn late and never completely to be refined, true, careful organs of knowledge. Our eyes in response to any given occasion find it easier to reproduce an image they have often generated before than to register what is various and new in an impression”⁶³. The example echoes Nietzsche’s earlier, Goethean, reference to a leaf in *Über Wahrheit und Lüge*, refracted with respect to a tree which, given our consciousness of readerly scanning in an age of screen time and the cognitive physiology/ psychology of reading/ scanning as we say today, seems virtually current (indeed, as a focus on social priming), as Nietzsche focuses on the illusion, the deception, *the lie*: in sum, “one is much more of an artist than one thinks”⁶⁴ (*ibid.*, p. 114).⁶⁵

Nietzsche thus highlights the element of projection in interpretation:

⁵⁹ Cf. “das Aehnliche als gleich zu behandeln”.

⁶⁰ Cf. “denn es giebt an sich nichts Gleiches”.

⁶¹ Cf. “alle Grundlage der Logik geschaffen”.

⁶² Cf. “Vorspiel einer Philosophie der Zukunft — der Untertitel des gesamten Werkes”.

⁶³ Cf. “unsre Sinne lernen es spät, und lernen es nie ganz, feine treue vorsichtige Organe der Erkenntniss zu sein. Unserm Auge fällt es bequemer, auf einen gegebenen Anlass hin schon öfter erzuegtes Bild wieder zu erzeugen, als das Abweichende und Neue eines Eindrucks bei sich festzuhalten”.

⁶⁴ Cf. “man ist viel mehr Künstler al man weiss”.

⁶⁵ See also Babich (2025b); see further, and in connection with AI, Babich (2023).

быть назван мелодией, — да и само слово “промахи” есть уже антропоморфизм, заключающий в себе упрек» (Ницше, 2014, с. 428)²⁰.

Логика: кусающая себя за хвост

Хронологически не столь далекий, как Кант, от современного понимания науки, Ницше считает алхимию одной из главных предшественниц науки, позволившей последней стать тем, что она есть. Как было сказано выше, он упоминал алхимию среди «*прелюдий науки*» (Ницше, 2012, с. 495). Вопрос предпосылок в значительной степени занимал Ницше, утверждавшего, что уже греки обладали всем необходимым — математическими, логическими и философскими инструментами — для становления науки, однако так и не осуществили переход к тому, что называется наукой в современном понимании²¹.

Выше приводилась цитата из Ницше, где он описывал логику, делая объемную отсылку к Канту (и Шопенгауэру). Он указывал на то, что логика сталкивается с ограничивающими ее точками (о подобных ограничениях писал и Стросон), и, таким образом, она «свивается кольцами вдоль этих границ и наконец кусает себя за хвост» (Ницше, 2012б, с. 261)²². Как ни удивительно, содержательная основа языка Ницше так и не привлекла должного внимания исследователей²³.

За редкими исключениями сопоставления Канта и Ницше обходят стороной эпистемоло-

²⁰ См.: (Abel, 1984, S. 357–358, 346–347), где Абель ссылается на Делёза и Малларме, чтобы различать множество силовых процессов, или, как сказал бы Уайтхед, конкреций. См. также: (Babich, 1994; Small, 2001).

²¹ См. обсуждение причин, по которым они этого не сделали: (Babich, 2014; 2015).

²² Дополнительные ссылки можно найти в (Babich, 2020б).

²³ При этом см., например, (Zittel, 1995, S. 32–33), о ницшеанских образах змеи и пастуха см.: (Babich, 2021б, S. 404–405).

In a lively conversation I often see before me the face of the person with whom I am speaking so clearly and subtly determined by the thought he is expressing or which I believe has been called up in him that this degree of clarity far surpasses the *power* of my capacity of vision: — so that the fine play of the facial muscles and the expression of the eyes *must* have been my confabulation. In all likelihood the person had an entirely different expression, or none at all⁶⁶ (Nietzsche, 1980d, p. 114).

For Nietzsche, whether in painting, in musical pieces, or in another human being, most of us prefer the *copy*, or Kantian schema, to the original itself. In other words, we prefer things as we imagine them to be.

At the same time — and this is the heart of Nietzsche’s critique — this is also how prejudice works and, as we know today, this is also how social media manipulation works via psychology.

The same reasoning that leads to the formulation of Kant’s own theory of “milky ways and nebulae”, along with cutting-edge cosmology, entails that: “Judged from the perspective of our reason, unsuccessful attempts are by far the rule; the exceptions are not the secret goal, and the whole musical mechanism eternally repeats its tune, which must never be named a melody — and ultimately even the phrase ‘unsuccessful attempt’ is already an anthropomorphism which already includes a rebuke”⁶⁷ (Nietzsche, 1980a, p. 468).⁶⁸

⁶⁶ Cf. “In einem lebhaften Gespräch sehe ich oftmals das Gesicht der Person, mit der ich rede, je nach dem Gedanken, den sie äussert, oder den ich bei ihr hervorgerufen glaube, so deutlich und feinbestimmt vor mir, dass dieser Grad von Deutlichkeit weit über die Kraft meines Sehvermögens hinausgeht: — die Feinheit des Muskelspiels und des Augen-Ausdrucks muss also von mir hinzugedichtet sein. Wahrscheinlich machte die Person ein ganz anderes Gesicht oder gar keins”.

⁶⁷ Cf. “Von unsere Vernunft aus geurtheilt, sind die verunglückten Würfe weitaus die Regel, die Ausnahmen sind nicht das geheime Ziel, und das ganze Spielwerk wiederholt ewig seine Weise, die nie eine Melodie heissen darf, — und zuletzt ist selber das Wort ‘verunglückter Wurf’ schon eine Vermenschlichung, die einen Tadel in sich schliesst”.

⁶⁸ See Abel (1984, pp. 357-358, as well as pp. 346-347),

гические вопросы первой «Критики»²⁴ и сосредоточиваются почти исключительно на третьей «Критике», тем самым ограничивая, как сказал бы Ницше, его «радикализацию» Канта. Там, где Ницше придерживается критической позиции, следуя за Шопенгауэром, большинство интерпретаций по сей день связывают данную позицию и сопутствующую аргументацию с Гегелем²⁵.

Отсылки к эволюционной теории происхождения Солнечной системы кажутся более перспективными для анализа, чем отсылки к алхимии, если таковая (как и сама химия) может рассматриваться как имеющая единую традицию (достаточно вспомнить национальные различия между Лавуазье и Пристли, а также наряду с Кантом и Шталем работавшего в XIX в. Юстуса фон Либиха или же упомянутого в начале данного исследования ученого первой половины XX в. Панета). Малоперспективным представляется разбор менявшихся с годами символов и обычаев, не говоря уже о разнообразии традиций и попытках проследить истоки этой разновидности шарлатанства, ставшей известной как торговля змеиным маслом («змеиная» метафора неоригинальна и восходит к Плинию).

Как показал Принципе, история алхимии весьма запутана, в особенности если рассматривать немецкую традицию наряду с французской и английской (Principe, 1998; см. также Franz, 1979). Важно отметить, что помимо Принципе к теме эзотерического обращался А. Бёльдерль (Boelderl, 1995), исследуя «Гиперион» Гёльдерлина и фигуру Иоганна Валентина Андреэ. Историческая традиция счита-

²⁴ Что касается исключений, см. работы, представленные в (Babich, Cohen, 1999a; 1999b), а также опубликованные в (Heit, 2005; Baumgartner, 2005; Windgätter, 2005; Gentili, 2013), наряду с (Babich, 1994, p. 85–86; 2010b), а также (Babich, 2016, p. 170–172).

²⁵ См., например: (Gottschlich, 2015), тогда как традиционные исследователи-аналитики остаются в русле более строгого подхода (Doyle, 2012; Rauman, 2014); см., кроме того, работы автора настоящей статьи о Ницше и Юме, а также (Kail, 2009).

Logic: Biting Its Own Tail

Closer than Kant as he was to contemporary perspectives on the sciences, Nietzsche regarded alchemy as among the enabling antecedents that permitted science to come forth as science, once again, among many “*Preludes to science*” (Nietzsche, 1980a, p. 358). The question of antecedent conditions was important for Nietzsche, who argued that the Greeks had already disposed of everything necessary, mathematically, logically, philosophically, for the development of science without, however, proceeding to develop what we today would call science.⁶⁹

Above, we cited Nietzsche’s logical description of logic with extended reference to Kant (and Schopenhauer) as colliding with its own “boundary points” (Strawson emphasises these same ‘bounds’), whereupon “logic coils around itself at these limits and ultimately bites its own tail”⁷⁰ (Nietzsche, 1980b, p. 101; cf. Nietzsche, 1967, p. 98).⁷¹ Striking as it is, the substance of Nietzsche’s language here has attracted only cursory attention.⁷²

With rare exceptions, the literature reading between Kant and Nietzsche sidesteps the explicitly epistemic concerns of the first *Critique*,⁷³ tending to focus instead almost exclusively on the third, and thus limiting, to use Nietzsche’s own terms, his ‘radicalisation’ of Kant. Whereas Nietzsche remains on critical grounds,

---

where Abel refers to Deleuze and Mallarmé to distinguish among an array of power-processes, or as Whitehead would say: concrescences. See also Babich (1994) and Small (2001).

⁶⁹ For discussion as to why they did not, see Babich (2014; 2015).

⁷⁰ “*die Logik sich an diesen Grenzen um sich selbst ringelt und endlich sich in den Schwanz beisst*”.

⁷¹ For further references, see Babich (2020b).

⁷² But see, for example, Zittel (1995, pp. 32-33); and for a discussion of Nietzsche’s imagery of the snake and the shepherd, see Babich (2021b, pp. 404-405).

⁷³ For exceptions, see the contributions to Babich and Cohen (1999a; 1999b) in addition to the contributions of Heit (2005), Baumgartner (2005), Windgätter (2005) and Gentili (2013) as well as Babich (1994, pp. 85-86; 2010c) in addition to Babich (2016, pp. 170-172).

ет алхимию «псевдонаукой», а «змеиное масло» (с древности ассоциируемое с киноварью) стало синонимом бесполезных эликсиров, потакания тщетно жаждущим получить золото и тому подобного²⁶. Следовательно, любое упоминание алхимии связывается со стремлением получить золото в буквальном или переносном смысле²⁷.

В современной философской и исторической англоязычной литературе при обсуждении химии как таковой предтеча данной науки обозначается термином *chymistry* (см.: Newman, Principe, 2002; Principe, 2008; 2014). Данное риторическое и лингвистическое нововведение может рассматриваться как свершившийся факт. Таким образом, чтобы избежать отсылки к признанной псевдонаукой алхимии, исследователи используют термин *chymistry*, что сочетается, быть может, с еще более пагубной склонностью цитировать лишь избранных ученых, представляющих данную традицию.

«Змеиное масло», по крайней мере в метонимическом смысле, можно связать (как и «кровь дракона» — еще одно обозначение киновари) с областью занятий спагириков. Спагирия — это синтетическое понятие в кантовском смысле, этимологически восходящее к древнегреческим корням *οπῶ* (разделять) и *ἀγειρω* (вновь соединять). Это термин использовался Парацельсом, который, разумеется, употреблял его в контексте терапии и медицины. Слово «спагирия» также соотносится, как подчеркивает Райнер Шюрман (Schürmann, 2003), со средневековой и теологической формулой *solve et coagula*. Данная этимология окажется и в поле зрения Канта.

Выше было отмечено широкое использование термина *chymistry* в современной историо-

²⁶ См. снова (Eliade, 1978), а также (Smith, 1994); об истории термина в контексте литературной герменевтики см.: (Martels, 2000).

²⁷ См.: (Linden, 2003), так как сама традиция употребления носит отчетливо образный характер.

following Schopenhauer, to this day most readings shift the grounds and thus the argument to Hegel.⁷⁴

Reference to the evolutionary theory of the genesis of the solar system can seem more promising than reference to alchemy — as though alchemy might, any more than chemistry itself, be regarded as a single tradition (think only of the national differences between Lavoisier and Priestly; but also, in addition to Kant and Stahl, the nineteenth century Justus von Liebig or, in the tenth century, think of Paneth with whom we began), parsing symbols and conventions that varied over the years, not to mention the different traditions — along with the claim to trace this famous charlatan tradition, here with a prosaic reference to snakes (the tradition goes back to Pliny), as ‘snake-oil’.

Historically, as Principe (1998) has shown (see also Franz, 1979), the history of alchemy is complicated, especially if we bring in the German tradition as well as French, English, and other traditions. This is an important point as, having mentioned Principe who discusses the esoteric, one can also read Artur R. Boelderl (1995) with respect to both Hölderlin’s *Hyperion* and Johann Valentin Andreae. Historical convention holds that alchemy is a ‘pseudo-science’; and we recall that ‘snake oil’ (there is, from antiquity, an association with cinnabar) signifies a non-functional nostrum, pandering impotently to the desire for gold and the like,⁷⁵ such that anyone who makes such references regards the production of actual gold in literal or actual fact as its sole ambition.⁷⁶

⁷⁴ See for example, Gottschlich (2015) while more mainstream analytic scholars have their own restraints Doyle (2012) and Rayman (2014) but see, in addition to the present author on Nietzsche and Hume, Kail (2009).

⁷⁵ See here, again, Eliade (1978) along with Smith (1994) and for a history of the term in the context of literary hermeneutics, Martels (2000).

⁷⁶ See Linden (2003) as the tradition itself is expressly figurative.

графии науки, наряду с тенденцией не рассматривать исследования и терминологию более ранних авторов как некий монолит. При этом герменевтическая философия науки отбрасывается вместе с «герметической традицией» и «окультиной философией», которые тем не менее рассматривались Ф. Йейтс (Йейтс, 2020; 2025) и Б. Дж. Т. Доббс (работы последней зачастую не получают должного внимания). Таким образом, в исследованиях упоминается лишь ограниченный круг ученых, большинство из которых имеют англосаксонское происхождение²⁸. Подобный подход способствует аналитическому переосмыслению истории науки и ограничивает возможность рассмотрения альтернативных точек зрения, что, по меньшей мере с позиции Фейерабенда, подрывает значимость эпистемического плюрализма.

Принципе начинает свой труд «Амбициозный адепт» (Principe, 1998) с погружения читателя в контекст религиозных преследований, поскольку алхимия связана и со «здоровьем души», а обсуждение Принципе алхимических трудов, ассоциированных с Василием Валентином (Valentine, 1678), помогает нам задуматься о Штале и его отношении к химии. Кант обращался к Ньютону, которого Дж. М. Кейнс, как известно, назвал «последним из магов» (Кейнс, 2010). Этот сюжет о Ньюtone и алхимии принадлежит к традиции изучения эзотерической проблематики в английском контексте, тогда как в немецком контексте исследователи обращаются к Гёте, а в итальянском — к Джордано Бруно²⁹ (Gigliani, 2014a; 2014b), несмотря на скептическое отношение со стороны современных аналитических историографов науки.

Данные выводы не могут считаться исчерпывающими. Дальнейшего рассмотрения тре-

²⁸ Например, исследование (Dobbs, 1975), применяющее «подход Карла Юнга», получает пренебрежительную оценку в (Eddy et al., 2014, p. 5).

²⁹ При этом о пренебрежительном отношении к Гёте в Америке см.: (Dahms, 2019).

Today's philosophers and historians of science tend to speak of 'Chymistry' for the sake of their discussions of chemistry as such (for example, Newman and Principe (2002) and Principe (2008; 2014)). This rhetorical or linguistic shift can have the consequence of indicating, as "received" terms do, that the matter is decided — a finished affair. Thus, to avoid reference to alchemy qua pseudo-science, today's scholars have opted to speak of 'chymistry', along with the perhaps more pernicious habit of citing only certain scholars on this same tradition.

'Snake-oil', at least metonymically regarded, may be connected (as dragon's blood, and as another referent for cinnabar) to the spagyrist's undertaking: a 'synthetic' conception, both in Kant's sense, and as etymologically derived from the ancient Greek *σπῶ*, 'to separate', and *ὑγείρω*, 'to bring together again', drawn from Paracelsus (who was, to be sure, concerned with therapeutic or medical applications) and, to this extent, also connected, as Reiner Schürmann (2003) has emphasised, with the medieval and theological *solve et coagulo*. The etymology will matter for Kant.

I noted the scholarly preference in today's history of science for "Chymistry", and the tendency to bracket the research and terminology of earlier scholars, often excluding hermeneutic philosophy of science together with the "hermetic tradition" and "occult philosophy" invoked by Frances Yates (1964; 1983), as well as the important but often neglected Betty Jo Teeter Dobbs among others, leaving only space for a select number of (typically) Anglophone scholars.⁷⁷ This tactic tends to support analytic reframing as historiography of science, making it more difficult to bring in other voices for

⁷⁷ E.g., Dobbs (1975), adopting "the approach of Carl Jung", earns a dismissive note in Eddy et al. (2014, p. 5).

бует проблема воззрений Канта на химию, которая, как отмечалось в начале настоящей работы, отнюдь не представляет собой безусловно признанную «науку»³⁰.

Благодарности. Автор выражает признательность Марко Буццони, Говарду Кейгиллу, Эмилио Мацце, покойному Джону Монтгомери, Лоуренсу Принципе и Кеннету Вестфалу за участие в обсуждении.

Автор благодарна за содержательное общение покойному Трейси Стронгу, а также Дэну Дальстрому из Бостонского университета за привлечение внимания к проблеме «самой идеи философии науки». Автор признательна Роджеру Пенроузу за беседу за ужином, посвященную аксиоматическим системам и состоявшуюся на фестивале “How the Light Gets In” в сентябре 2024 г. Ранние версии отдельных частей настоящей статьи, существенно переработанные для данного издания, были опубликованы в работе (Babich, 2021a).

Список литературы

Иейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. Г. Дашевского. М. : Новое литературное обозрение, 2020.

Иейтс Ф. Оккультная философия в елизаветинскую эпоху / пер. В. Каткова. СПб. : АИК, 2025.

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 113–498.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Критика чистого разума. В // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Ницше Ф. Черновики и наброски 1869–1873 гг.: Лето 1872 – начало 1873 // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2007. Т. 7 : Черновики и наброски 1869–1873 гг. / пер. с нем. А. И. Жеребина ; науч. ред. В. А. Подорога. С. 379–470.

³⁰ См. предварительные, но при этом комплексные замечания, изложенные в (Van Brakel, 2006). Кроме того, следует упомянуть работы Мартина Карье (Carrier, 2000) и оказавшего значительное влияние на развитие данной темы покойного Майкла Фридмана (Friedman, 1992).

(what Feyerabend at least maintained as) the value of epistemic pluralism.

Principe (1998) begins his *Aspiring Adept* by reminding us of the context of religious persecution, as alchemy also concerns the ‘health of the soul’, and Principe’s discussion of the alchemical writings associated with Basil Valentine (1678) helps us to think through the connection with Stahl and his relation to chemistry. Kant was concerned with Newton, famously named by John Maynard Keynes (2010) the “last of magicians”; and the topic of Newton and alchemy is the subject of a research tradition on the English side of an esoteric discussion which, in Germany, includes Goethe and, in Italy, Bruno Giglioni (2014a; 2014b),⁷⁸ despite the negative reception/ reservations of recent analytic historiographers of science noted above. There is yet more here, and to turn to this requires further discussion of Kant and chemistry – itself, as noted at the outset, by no means an unambiguously esteemed ‘science.’⁷⁹

Acknowledgements. For correspondence, the author is grateful to Marco Buzzoni as well as Howard Caygill, Emilio Mazza, the late John Montgomery, Lawrence Principe, and Kenneth Westphal. The author is also grateful for the grace of conversation with the late Tracy Strong as well as, for inspiration on the ‘very idea of a philosophy of science’, Dan Dahlstrom of Boston University. I also thank Roger Penrose for dinner conversation on nothing less than axiomatic systems at “How the Light Gets In” in September 2024. Earlier versions of parts of the above essay, here updated and substantially revised, appear in Babich (2021a).

⁷⁸ But on American inattention to Goethe, see Dahms (2019).

⁷⁹ See, in a preliminary but survey fashion, Jaap Van Brakel (2006) among others like Martin Carrier (2000) and, influentially, the late Michael Friedman (1992).

Ницше Ф. Рождение трагедии // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012а. Т. 1/1 : Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. ; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. С. 7–144.

Ницше Ф. Сократ и греческая трагедии // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012б. Т. 1/1 : Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др. ; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. С. 227–264.

Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху греков // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012в. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. С. 301–366.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012г. Т. 5 : По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилова, К. А. Свасьяна. С. 9–227.

Ницше Ф. Черновики и наброски 1880–1882: Весна 1880 // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2013. Т. 9 : Черновики и наброски 1880–1882 / пер. с нем. А. А. Карельского и др. ; науч. ред. А. Г. Жаворонков. С. 45–96.

Ницше Ф. Веселая наука // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2014. Т. 3 : Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / пер. с нем. В. Бакусева, К. А. Свасьяна ; общ. ред. И. А. Эбаноидзе. С. 315–596.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избр. труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С.125–467.

Abel G. Nietzsche: Die Dynamik der Willen zur Macht und die ewige Wiederkehr. Berlin : de Gruyter, 1984.

Agassi J. Kant's Program // Synthese. 1971. Vol. 23. № 1. P. 18-23. <https://doi.org/10.1007/BF00414142>.

Babich B. Nietzsche's Philosophy of Science: Reflecting Science on the Ground of Art and Life. Albany : State University of New York Press, 1994.

Babich B. Un problema con cuernos... el problema de la ciencia misma. La crítica de Nietzsche a la razón científica // Estudios Nietzsche. 2008. № 8 : Nietzsche y la ciencia. P. 13–53.

Babich B. Early Continental Philosophy of Science // The History of Continental Philosophy. Chicago : The University of Chicago Press, 2010a. Vol. 3 : The New Century: Bergsonism, Phenomenology and Responses to Modern Science / ed. by K. Ansell-Pearson, A. D. Schrift. P. 264–286.

References

Abel, G., 1984. *Nietzsche: Die Dynamik der Willen zur Macht und die ewige Wiederkehr*. Berlin: de Gruyter.

Agassi, J., 1971. Kant's Program. *Synthese*, 23(1), pp. 18-23. <https://doi.org/10.1007/BF00414142>.

Babich, B., 1994. *Nietzsche's Philosophy of Science: Reflecting Science on the Ground of Art and Life*. Albany: State University of New York Press.

Babich, B., 2008. Un problema con cuernos... el problema de la ciencia misma. La crítica de Nietzsche a la razón científica. *Estudios Nietzsche. Nietzsche y la ciencia*, 8, pp. 13-53.

Babich, B., 2010a. Early Continental Philosophy of Science. In: K. Ansell-Pearson and A. D. Schrift, 2010. *The History of Continental Philosophy, Volume 3: The New Century: Bergsonism, Phenomenology and Responses to Modern Science*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 264-286.

Babich, B., 2010b. Nietzsches hermeneutischen, phänomenologische Wissenschaftsphilosophie, Unzeitgemäße Betrachtungen zu Altphilologie und Physiologie. In: G. Abel, H. Heit and M. Brusotti, eds., *Nietzsches Wissenschaftsphilosophie*. Berlin: de Gruyter, pp. 291-314. <https://doi.org/10.1515/9783110259384.291>.

Babich, B., 2010c. Towards a Critical Philosophy of Science: Continental Beginnings and Bugbears, Whigs, and Waterbears. *International Studies in the Philosophy of Science*, 24(4), pp. 343-391. <https://doi.org/10.1080/02698595.2010.543349>.

Babich, B., 2014. On Schrödinger and Nietzsche: Eternal Return and the Moment. In: C. K. Chapple, ed. 2014. *Antonio T. de Nicolas: Poet of Eternal Return*. Ahmedabad: Sriyogi Publications & Ntyalanda International, pp. 157-206.

Babich, B., 2015. Nietzsche's *Antichrist*: The Birth of Modern Science out of the Spirit of Religion. In: M. Enders and H. Zaborowski, eds., *Jahrbuch für Religionsphilosophie*, 13 (2014). Freiburg i. Briesgau: Alber, pp. 134-154.

Babich, B., 2016. Nietzsche's Critique: Reading Kant's Critical Philosophy. In: M. Conard, ed. 2016. *Nietzsche and the Philosophers*. Lanham: Rowman & Littlefield, pp. 169-192.

Babich, B., 2019. *Reading David Hume's "Of the Standard of Taste"*. Berlin: de Gruyter.

Babich, B., 2020a. Material Hermeneutics and Heelan's Philosophy of Technoscience. *AI & Society*, 38, pp. 2177-2188. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00963-7>.

Babich B. Nietzsches hermeneutischen, phänomenologische Wissenschaftsphilosophie, Unzeitgemäße Betrachtungen zu Altphilologie und Physiologie // *Nietzsches Wissenschaftsphilosophie* / hrsg. von G. Abel, H. Heit, M. Brusotti. Berlin : de Gruyter, 2010f. S. 291–314. <https://doi.org/10.1515/9783110259384.291>.

Babich B. Towards a Critical Philosophy of Science: Continental Beginnings and Bugbears, Whigs, and Waterbears // *International Studies in the Philosophy of Science*. 2010b. Vol. 24, № 4. P. 343–391. <https://doi.org/10.1080/02698595.2010.543349>.

Babich B. On Schrödinger and Nietzsche: Eternal Return and the Moment // Antonio T. de Nicolas: Poet of Eternal Return / ed. by C. K. Chapple. Ahmedabad : Sriyogi Publications & Ntyalanda International, 2014. P. 157–206.

Babich B. Nietzsche's Antichrist: The Birth of Modern Science out of the Spirit of Religion // *Jahrbuch für Religionsphilosophie* – 2014. 2015. Bd. 13. S. 134–154.

Babich B. Nietzsche's Critique: Reading Kant's Critical Philosophy // *Nietzsche and the Philosophers* / ed. by M. T. Conard. Lanham : Rowman & Littlefield, 2016. P. 169–192.

Babich B. Reading David Hume's "Of the Standard of Taste". Berlin : de Gruyter, 2019.

Babich B. Material Hermeneutics and Heelan's Philosophy of Technoscience // *AI & Society*. 2020a. Vol. 38. P. 2177–2188. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00963-7>.

Babich B. Nietzsches Lebensontologie: Negative Ontologie // *Handbuch Ontologie* / hrsg. von J. Urbich, J. Zimmer. Frankfurt a/M : Metzler, 2020f. S. 155–164.

Babich B. On the 'Very Idea of a Philosophy of Science': Chemistry and Cosmology in Nietzsche and Kant // *Axiomathes*. 2021a. Vol. 31 : Epistemologia. P. 703–726. <https://doi.org/10.1007/s10516-021-09599-8>.

Babich B. Nietzsches Plastik. Ästhetische Phänomenologie im Spiegel des Lebens. Oxford ; Berlin : Peter Lang, 2021f.

Babich B. Dionysian Redemption, Ariadne's Death, Asses's Ears – and Nietzsche's Debts // *New Nietzsche Studies*. 2022a. Vol. 11, № 3-4. P. 99–130. <https://doi.org/10.5840/newnietzsche2021/2022113/45>.

Babich B. L'atmosphère, le parfum et la politique de l'utopie: Lucien, Nietzsche, et Illich // *Diogène: Revue internationale des sciences humaines*. 2022f. Vol. 273-274, № 1. P. 124–146. <https://doi.org/10.3917/dio.273.0124>.

Babich, B., 2020b. Nietzsches Lebensontologie: Negative Ontologie. In: J. Urbich and J. Zimmer, eds. 2020. *Handbuch Ontologie*. Frankfurt am Main: Metzler, pp. 155-164.

Babich, B., 2021a. On the 'Very Idea of a Philosophy of Science': Chemistry and Cosmology in Nietzsche and Kant. *Axiomathes. Special Issue Epistemologia*, 31, pp. 703-726. <https://doi.org/10.1007/s10516-021-09599-8>.

Babich, B., 2021b. *Nietzsches Plastik. Ästhetische Phänomenologie im Spiegel des Lebens*. Oxford & Berlin: Peter Lang.

Babich, B., 2022a. Dionysian Redemption, Ariadne's Death, Asses's Ears – and Nietzsche's Debts. *New Nietzsche Studies*, 11(3-4), pp. 99-132. <https://doi.org/10.5840/newnietzsche2021/2022113/45>

Babich, B., 2022b. L'atmosphère, le parfum et la politique de l'utopie: Lucien, Nietzsche, et Illich. *Diogène. Revue internationale des sciences humaines*, 273-274(1), pp. 124-146. <https://doi.org/10.3917/dio.273.0124>.

Babich, B., 2023. Nietzsche and AI: On ChatGPT and the Psychology of Illusion. *Philosophical Salon: Los Angeles Review of Books*, 19 June 2023. Available at: <<https://thephilosophicalsalon.com/nietzsche-and-ai-on-chatgpt-and-the-psychology-of-illusion/>> (Accessed 23.08.2025).

Babich, B., 2025a. Gadamer and Nietzsche on the Question of Science: 'The Victory of Scientific Method Over Science'. In: F. Bey, ed. 2025. *Hans-Georg Gadamer. Cuestiones abiertas / Open Questions*. Quito: filosófica, pp. 177-208. Available at: <https://filosoficaeditorial.fundacionfilosofica.com/sdm_downloads/hans-georg-gadamer/> (Accessed 23.08.2025).

Babich, B., 2025b. Truth, Lie and Nietzsche's 'Hinzugedichtetes': Nietzsche and AI. In: H. Bajohr, ed. 2025. *Thinking with AI*. London: Open Humanities Press, pp. 147-181.

Babich, B. and Cohen, R. S., 1999a. *Nietzsche, Epistemology and Philosophy of Science: Nietzsche and the Sciences II*. Dordrecht: Kluwer.

Babich, B. and Cohen, R. S., 1999b. *Nietzsche, Theories of Knowledge and Critical Theory: Nietzsche and the Sciences I*. Dordrecht: Kluwer.

Baumgartner, J., 2005. Kant und Nietzsche über das Erkenntnissubjekt. Zwei Übereinstimmungen und ein Gegensatz. In: B. Himmelmann, ed. 2005. *Kant und Nietzsche in Widerstreit*. Berlin: de Gruyter, pp. 69-77.

Bensaude-Vincent, B., 2009. A Historical Perspective on Science and Its 'Others'. *Isis*, 100(2), pp. 359-368. <https://doi.org/10.1086/599547>.

Babich B. Nietzsche and AI: On ChatGPT and the Psychology of Illusion // Philosophical Salon: Los Angeles Review of Books. 2023. 19 June. URL: <https://thephilosophicalsalon.com/nietzsche-and-ai-on-chatgpt-and-the-psychology-of-illusion/> (дата обращения: 23.08.2025).

Babich B. Gadamer and Nietzsche on the Question of Science: 'The Victory of Scientific Method over Science' // Hans-Georg Gadamer. Cuestiones abiertas / Open Questions / ed. by F. Bey. Quito : Universidad Central del Ecuador. 2025a. P. 177–208. URL: https://filosoficaeditorial.fundacionfilosofica.com/sdm_downloads/hans-georg-gadamer/ (дата обращения: 23.08.2025).

Babich B. Truth, Lie and Nietzsche's 'Hinzugedichtetes': Nietzsche and AI // Thinking with AI / ed. by H. Bajohr. L. : Open Humanities Press, 2025b. P. 147–181.

Babich B., Cohen R. S. Nietzsche, Epistemology, and Philosophy of Science: Nietzsche and the Sciences II. Dordrecht : Kluwer, 1999a.

Babich B., Cohen R. S. Nietzsche, Theories of Knowledge, and Critical Theory: Nietzsche and the Sciences I. Dordrecht : Kluwer, 1999b.

Baumgartner J. Kant und Nietzsche über das Erkenntnissubjekt. Zwei Übereinstimmungen und ein Gegensatz // Kant und Nietzsche in Widerstreit / hrsg. von B. Himmelmann. Berlin : de Gruyter, 2005. S. 69–77.

Bensaude-Vincent B. A Historical Perspective on Science and Its "Others" // Isis. 2009. Vol. 100, № 2. P. 359–368. <https://doi.org/10.1086/599547>.

Berg H. van den. Kant's Conception of Proper Science // Synthese. 2011. Vol. 183, № 1. P. 7–26. <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9665-y>.

Boelderl A. R. Alchimie, Postmoderne und der arme Hölderlin. Drei Studien zur philosophische Hermetik. Wien : Passagen, 1995.

Brobjer T., Moore G. Nietzsche and Science. N. Y. : Routledge, 2004.

Brock W. H. The Chemical Tree: A History of Chemistry. N. Y. : W. W. Norton and Co, 2000.

Buchdahl G. Kant and the Dynamics of Reason. Oxford : Blackwell, 1992.

Carrier M. Kant's Theory of Matter and his Views on Chemistry // Kant and the Sciences / ed. by E. Watkins. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 205–230.

Cat J., Best N. W. Atomic Number and Isotopy before Nuclear Structure: Multiple Standards and Evolving Collaboration of Chemistry and Physics // Foundations of Chemistry. 2023. Vol. 25. P. 67–99. <https://doi.org/10.1007/s10698-022-09450-x>.

Berg, H. van den, 2011. Kant's Conception of Proper Science. *Synthese*, 183(1), pp. 7-26. <https://doi.org/10.1007/s11229-009-9665-y>.

Boelderl, A. R., 1995. *Alchimie, Postmoderne und der arme Hölderlin. Drei Studien zur philosophische Hermetik*. Wien: Passagen.

Brobjer, T. and Moore, G., eds. 2004. *Nietzsche and Science*. New York: Routledge.

Brock, W. H., 2000. *The Chemical Tree: A History of Chemistry*. New York: W. W. Norton and Co.

Buchdahl, G., 1992. *Kant and the Dynamics of Reason*. Oxford: Blackwell.

Carrier, M., 2000. Kant's Theory of Matter and his Views on Chemistry. In: E. Watkins, ed. 2000. *Kant and the Sciences*. Oxford: Oxford University Press, pp. 205-230.

Cat, J. and Best, N. W., 2023. Atomic Number and Isotopy before Nuclear Structure: Multiple Standards and Evolving Collaboration of Chemistry and Physics. *Foundations of Chemistry*, 25, pp. 67-99. <https://doi.org/10.1007/s10698-022-09450-x>.

Chang, K. -M., 2015. Phlogiston and Chemical Principles: The Development and Formulation of Georg Ernst Stahl's Principle of Inflammability. In: K. Hunger Parshall, M. T. Walton and B. T. Moran, eds. 2015. *Bridging Traditions: Alchemy, Chemistry, and Paracelsian Practices in the Early Modern Era*. State College: Penn State University Press, pp. 101-130.

Clark, D. L., 2001. Kant's Aliens: The "Anthropology" and Its Others. *CR: The New Centennial Review*, 1(2), pp. 201-289. <https://doi.org/10.1353/ncr.2003.0052>.

Dahlstrom, D., 2019/2020. Babette Babich on the 'Very Idea of the Philosophy of Science'. *New Nietzsche Studies*, 11 (1-2), pp. 113-119. <https://doi.org/10.5840/newnietzsche2019/2020111/29>

Dahms, H. F., 2019. Ignoring Goethe's Faust: A Critical-Theoretical Perspective on American Ideology. *Fast Capitalism*. 16(2), pp. 9-30. <https://doi.org/10.32855/fcapital.201902.002>.

Dobbs, B. J. T., 1975. *The Foundations of Newton's Alchemy: or, 'The Hunting of the Greene Lyon.'* Cambridge: Cambridge University Press.

Doyle, T., 2012. The Kantian Background to Nietzsche's Views on Causality. *Journal of Nietzsche Studies*, 43(1), pp. 44-56. <https://doi.org/10.5325/jnietstud.43.1.0044>.

Dressen, A., 2017. From Dante to Landino: Botticelli's Calumny of Apelles and its Sources. *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*, 59(3), pp. 324-339. <https://doi.org/10.11588/mkhi.2017.3.81776>

Chang K. -M. *Phlogiston and Chemical Principles: The Development and Formulation of Georg Ernst Stahl's Principle of Inflammability // Bridging Traditions: Alchemy, Chemistry, and Paracelsian Practices in the Early Modern Era / ed. by K. Hunger Parshall, M. T. Walton, B. T. Moran. State College : Penn State University Press, 2015. P. 101–130.*

Clark D. L. *Kant's Aliens: The "Anthropology" and Its Others // CR: The New Centennial Review. 2001. Vol. 1, № 2. P. 201–289. https://doi.org/10.1353/ncr.2003.0052.*

Dahlstrom D. *Babette Babich on the 'Very Idea of the Philosophy of Science' // New Nietzsche Studies. 2019/2020. Vol. 11, № 1-2. P. 113–119. https://doi.org/10.5840/newnietzsche2019/2020111/29.*

Dahms H. F. *Ignoring Goethe's Faust: A Critical-Theoretical Perspective on American Ideology // Fast Capitalism. 2019. Vol. 16, № 2. P. 9–30. https://doi.org/10.32855/fcapital.201902.002.*

Dobbs B. J. T. *The Foundations of Newton's Alchemy: or, 'The Hunting of the Greene Lyon.'* Cambridge : Cambridge University Press, 1975.

Doyle T. *The Kantian Background to Nietzsche's Views on Causality // Journal of Nietzsche Studies. 2012. Vol. 43, № 1. P. 44–56. https://doi.org/10.5325/jnietstud.43.1.0044.*

Dressen A. *From Dante to Landino: Botticelli's Calumny of Apelles and Its Sources // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 2017. Vol. 59, № 3. P. 324–339. https://doi.org/10.11588/mkhi.2017.3.81776.*

Eddy M. D., Mauskopf S. H., Newman W. R. *An Introduction to Chemical Knowledge in the Early Modern World // Osiris. 2014. Vol. 29, № 1. P. 1–15. https://doi.org/10.1086/678110.*

Eliade M. *The Forge and the Crucible: The Origins and Structures of Alchemy / transl. by S. Corrin. Chicago : University of Chicago Press, 1978.*

Faye J. *What Can Philosophy of Science Learn from Hermeneutics and What Can Hermeneutics Learn from Philosophy of Science. With an Excursus on Botticelli // The Multidimensionality of Hermeneutic Phenomenology / ed. by B. Babich, D. Ginev. Heidelberg : Springer, 2014. P. 267–281. https://doi.org/10.1007/978-3-319-01707-5_15.*

Felaj S. *Metaphor and Boundary // Lebenswelt : Aesthetics and Philosophy of Experience. 2011. Vol. 1. P. 31–46. https://doi.org/10.13130/2240-9599/1636.*

Ferrini C. *The Land of Truth of the Understanding and the Threatening Waters of Reason: Maritime Sources for a Kantian Metaphor // Esercizi Filosofici. 2013. Vol. 8, № 2. P. 53–70. URL: https://sites.units.it//eserfilo/art813/ferrini813.pdf (дата обращения: 23.08.2025).*

Eddy, M. D., Mauskopf, S. H. and Newman, W. R., 2014. *An Introduction to Chemical Knowledge in the Early Modern World. Osiris, 29(1), pp. 1-15. https://doi.org/10.1086/678110.*

Eliade, M., 1978. *The Forge and the Crucible: The Origins and Structures of Alchemy.* Translated by S. Corrin. Chicago: University of Chicago Press.

Faye, J., 2014. *What Can Philosophy of Science Learn from Hermeneutics and What Can Hermeneutics Learn from Philosophy of Science. With an Excursus on Botticelli.* In: B. Babich and D. Ginev, eds. 2014. *The Multidimensionality of Hermeneutic Phenomenology.* Heidelberg: Springer, pp. 267-281. https://doi.org/10.1007/978-3-319-01707-5_15.

Felaj, S., 2011. *Metaphor and Boundary. Lebenswelt: Aesthetics and Philosophy of Experience, 1, pp. 31-46. https://doi.org/10.13130/2240-9599/1636.*

Ferrini, C., 2013. *The Land of Truth of the Understanding and the Threatening Waters of Reason: Maritime Sources for a Kantian Metaphor. Esercizi Filosofici, 8(2), pp. 53-70. Available at: <https://sites.units.it//eserfilo/art813/ferrini813.pdf> (Accessed 23.08.2025).*

Feyerabend, P., 1975. *Against Method.* London: Verso.

Feyerabend, P., 1984. *Wissenschaft als Kunst.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Franz, M. -L. van, 1979. *Alchemical Active Imagination.* Zürich: Spring Publications.

Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Sciences.* Cambridge: Harvard University Press.

Friedman, M., 2012. *Newton and Kant: Quantity of Matter in the Metaphysical Foundations of Natural Science. Southern Journal of Philosophy, 50(3), pp. 482-503. https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2012.00126.x.*

Gaukroger, S., 2016. *Kant and the Nature of Matter: Mechanics, Chemistry, and the Life Sciences. Studies in History and Philosophy of Science, 58, pp. 108-114. https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2016.03.007.*

Gentili, C., 2013. *Kant, Nietzsche und die 'Philosophie des Als-Ob'.* In: R. Reschke, ed. 2013. *Wirklich. Wirklichkeit. Wirklichkeiten. Nietzsche über 'wahre' und 'scheinbare' Welten.* Berlin: Akademie, pp. 103-116.

Gigliani, G., 2014a. *The Horror of Bruno's Magic: Frances Yates Gives a Lecture at The Warburg Institute (1952). Bruniana & Campanelliana, 20(2), pp. 477-497.*

Gigliani, G., 2014b. *Who Is Afraid of Frances Yates? 'Giordano Bruno and the Hermetic Tradition' (1964) Fifty Years Later. Bruniana & Campanelliana, 20(2), pp. 421-432.*

- Feyerabend P. *Wissenschaft als Kunst*. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1984.
- Franz M.-L. van. *Alchemical Active Imagination*. Zürich : Spring Publications, 1979.
- Friedman M. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge : Harvard University Press, 1992.
- Friedman M. Newton and Kant: Quantity of Matter in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* // *Southern Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 50, № 3. P. 482–503. <https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2012.00126.x>.
- Gaukroger S. Kant and the Nature of Matter: Mechanics, Chemistry, and the Life Sciences // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2016. Vol. 58. P. 108–114. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2016.03.007>.
- Gentili C. 2013. Nietzsche und die ‘Philosophie des Als-Ob’ // *Wirklich. Wirklichkeit. Wirklichkeiten*. Nietzsche über ‘wahre’ und ‘scheinbare’ Welten / hrsg. von R. Reschke. Berlin : Akademia, 2013. S. 103–116.
- Giglionni G. The Horror of Bruno’s Magic: Frances Yates Gives a Lecture at The Warburg Institute (1952) // *Bruniana & Campanelliana*. 2014a. Vol. 20, № 2. P. 477–497.
- Giglionni G. Who Is Afraid of Frances Yates? ‘Giordano Bruno and the Hermetic Tradition’ (1964) Fifty Years Later // *Bruniana & Campanelliana*, 2014b. Vol. 20, № 2. P. 421–432.
- Gottschlich M. The Necessity and Limits of Kant’s Transcendental Logic, with Reference to Nietzsche and Hegel // *The Review of Metaphysics*. 2015. Vol. 69, № 2. P. 287–315.
- Harré R. Chemical Kinds and Essences Revisited // *Foundations of Chemistry*. 2005. Vol. 7. S. 7–30. <https://doi.org/10.1023/B:FOCH.0000042885.93975.69>.
- Heelan P. A. Afterword: The Hermeneutics of Natural Science // *Hermeneutic Philosophy of Science, Van Gogh’s Eyes, and God* / ed. by B. Babich. Dordrecht : Kluwer, 2002. P. 445–459.
- Heit H. Wozu Wissenschaft. Nietzsches Wissenschaftskritik als Radikalisierung Kants // *Kant und Nietzsche in Widerstreit* / hrsg. von B. Himmelmann. Berlin : de Gruyter, 2005. S. 47–56.
- Heit H. ‘Ein Problem mit Hörnern’ Nietzsche als Wissenschaftsphilosoph // *Nietzsches Wissenschaftsphilosophie* / hrsg. von H. Heit, G. Abel, M. Brusotti. Berlin : de Gruyter, 2010. S. 3–24.
- Hoffmann R. What Might Philosophy of Science Look like If Chemists Built It? // *Synthese*. 2007. Vol. 155. № 3. P. 321–336. <https://doi.org/10.1007/s11229-006-9118-9>.
- Gottschlich M., 2015. The Necessity and Limits of Kant’s Transcendental Logic, With Reference to Nietzsche and Hegel. *The Review of Metaphysics*, 69(2), pp. 287-315.
- Harré, R., 2005. Chemical Kinds and Essences Revisited. *Foundations of Chemistry*, 7, pp. 7-30. <https://doi.org/10.1023/B:FOCH.0000042885.93975.69>.
- Heelan, P. A., 2002. Afterword: The Hermeneutics of Natural Science. In: B. Babich, ed. 2002. *Hermeneutic Philosophy of Science, Van Gogh’s Eyes, and God*. Dordrecht: Kluwer, pp. 445-459.
- Heit, H., 2005. Wozu Wissenschaft. Nietzsches Wissenschaftskritik als Radikalisierung Kants. In: B. Himmelmann, ed. 2005. *Kant und Nietzsche in Widerstreit*. Berlin: de Gruyter, pp. 47-56.
- Heit, H., 2010. ‘Ein Problem mit Hörnern’ Nietzsche als Wissenschaftsphilosoph. In: H. Heit, G. Abel and M. Brusotti, eds. 2010. *Nietzsches Wissenschaftsphilosophie*. Berlin: de Gruyter, pp. 3-24.
- Hoffmann, R., 2007. What Might Philosophy of Science Look like If Chemists Built It? *Synthese*, 155(3), pp. 321-336. <https://doi.org/10.1007/s11229-006-9118-9>.
- Kail, P. J. E., 2009. Nietzsche and Hume: Naturalism and Explanation. *Journal of Nietzsche Studies*, 37(1), pp. 5-22. <https://doi.org/10.2307/20717956>.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2004. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Edited by M. Friedman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2012. *Universal Natural History and Theory of the Heavens*. In: Kant, I., 2012. *Natural Science*. Edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182-308.
- Keynes, J. M., 2010. Newton, The Man. In: J. M. Keynes, 2010. *Essays in Biography*. London: Palgrave Macmillan, pp. 363-374. https://doi.org/10.1007/978-1-349-59074-2_35.
- Kurth, R., 1956. Kants ‘Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels’ von 1755 und die moderne Wissenschaft. *Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft in Bern, Neue Reihe*, 13, pp. 58-80.
- Lemanski, J., 2016. Galilei, Torricelli, Stahl. Zur Wissenschaftsgeschichte der Physik in der B-Vorrede zu Kants Kritik der reinen Vernunft. *Kant-Studien*, 107(3), pp. 451-484. <https://doi.org/10.1515/kant-2016-0034>
- Linden, S. J., 2003. *The Alchemy Reader: From Hermes Trismegistus to Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kail P. J. E. Nietzsche and Hume: Naturalism and Explanation // *Journal of Nietzsche Studies*. 2009. Vol. 37, №1. P. 5–22. <https://doi.org/10.2307/20717956>.

Keynes J. M. Newton, The Man // Keynes J. M. *Essays in Biography*. L. : Palgrave Macmillan, 2010. P. 363–374. https://doi.org/10.1007/978-1-349-59074-2_35.

Kurth R. Kants 'Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels' von 1755 und die moderne Wissenschaft // *Mitteilungen der Naturforschenden Gesellschaft in Bern*. 1956. Neue Reihe, Bd. 13. S. 58–80.

Lemanski J. Galilei, Torricelli, Stahl. Zur Wissenschaftsgeschichte der Physik in der B-Vorrede zu Kants *Kritik der reinen Vernunft* // *Kant-Studien*. 2016. Bd. 107, №3. S. 451–484. <https://doi.org/10.1515/kant-2016-0034>.

Linden S. J. *The Alchemy Reader: From Hermes Trismegistus to Isaac Newton*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Mahootian F. Paneth's Epistemology of Chemical Elements in light of Kant's *Opus postumum* // *Foundations of Chemistry*. 2013. Vol. 15. P. 171–184. <https://doi.org/10.1007/s10698-013-9182-4>.

Martels Z. von. Augurello's Chrysopoeia (1515) – A Turning Point in the Literary Tradition of Alchemical Texts // *Early Science and Medicine*. 2000. Vol. 5, №2. P. 178–195. <https://doi.org/10.1163/157338200X00173>.

McIntyre L. The Philosophy of Chemistry: Ten Years Later. *Synthese*. 2007. Vol. 155, №3. P. 291–292. <https://doi.org/10.1007/s11229-006-9114-0>.

McNulty M. B. Kant on Chemistry and the Application of Mathematics in Natural Science // *Kantian Review*. 2014. Vol. 19, №3. P. 393–418. <https://doi.org/10.1017/S136941541400017X>.

McNulty M. B. Chemistry in Kant's *Opus Postumum* // *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*. 2016. Vol. 6, №1. P. 64–95. <https://doi.org/10.1086/685561>.

Metzger H. *Newton, Stahl, Boerhaave et la doctrine chimique*. P. : F. Alcan, 1930.

Mittasch A. *Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph*. Stuttgart : Alfred Kröner, 1952.

Müller-Lauter W. *Nietzsche: His Philosophy of Contradictions and the Contradictions of His Philosophy [1971]* / transl. by D. J. Parent ; foreword by R. Schacht. Urbana : University of Illinois Press, 1999.

Newman W. R., Principe L. M. *Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Mahootian, F., 2013. Paneth's Epistemology of Chemical Elements in light of Kant's *Opus postumum*. *Foundations of Chemistry*, 15, pp. 171-184. <https://doi.org/10.1007/s10698-013-9182-4>.

Martels, Z. v., 2000. Augurello's Chrysopoeia (1515) – A Turning Point in the Literary Tradition of Alchemical Texts. *Early Science and Medicine*, 5(2), pp. 178-195. <https://doi.org/10.1163/157338200X00173>.

McIntyre, L., 2007. The Philosophy of Chemistry: Ten Years Later. *Synthese*, 155(3), pp. 291-292. <https://doi.org/10.1007/s11229-006-9114-0>.

McNulty, M. B., 2014. Kant on Chemistry and the Application of Mathematics in Natural Science. *Kantian Review*, 19(3), pp. 393-418. <https://doi.org/10.1017/S136941541400017X>.

McNulty, M. B., 2016. Chemistry in Kant's *Opus Postumum*. *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*, 6(1), pp. 64-95. <https://doi.org/10.1086/685561>.

Metzger, H., 1930. *Newton, Stahl, Boerhaave et la doctrine chimique*. Paris: F. Alcan.

Mittasch, A., 1952. *Friedrich Nietzsche als Naturphilosoph*. Stuttgart: Alfred Kröner.

Müller-Lauter, W., 1999. *Nietzsche: His Philosophy of Contradictions and the Contradictions of His Philosophy [1971]*. Translated by D.J. Parent, Foreword by R. Schacht. Urbana: University of Illinois Press.

Newman, W. R. and Principe, L. M., 2002. *Alchemy Tried in the Fire: Starkey, Boyle, and the Fate of Helmontian Chymistry*. Chicago: University of Chicago Press.

Nietzsche, F., 1962. *Philosophy in the Tragic Age of the Greeks*. Translated, with an Introduction by M. Cowan. Washington: Regnery Publishing.

Nietzsche, F., 1967. *The Birth of Tragedy and the Case of Wagner*. Translated by W. Kaufmann. New York: Random House, pp. 1-144.

Nietzsche, F., 1980a. *Die fröhliche Wissenschaft*. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 3. Berlin: de Gruyter, pp. 343-652.

Nietzsche, F., 1980b. *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 1. Berlin: de Gruyter, pp. 9-156.

Nietzsche, F., 1980c. *Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen*. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 1. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 799-872.

Nietzsche F. Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik // *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden* / hrsg. von G. Colli, M. Montinari. Berlin : de Gruyter, 1980a. Bd. 1. S. 9–156.

Nietzsche F. Die Philosophie im tragischen Zeitalter der Griechen // *Sämtliche Werke* / hrsg. von G. Colli, M. Montinari. Berlin ; New York : de Gruyter, 1980b. Bd. 1. S. 801–872.

Nietzsche F. Vorlesungsaufzeichnungen (WS 1871-72, WS 1874-75) // *Werke. Kritische Gesamtausgabe* / hrsg. von F. Bornmann, M. Carpitella. Berlin : de Gruyter, 1995. Abt. II, Bd. 4.

Nye M. J. From Chemical Philosophy to Theoretical Chemistry: Dynamics of Matter and Dynamics of Disciplines, 1800–1950. Berkeley : University of California Press, 1994.

Paneth F. A. The Epistemological Status of the Chemical Concept of Element (I) // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1962. Vol. 13, №49. P. 1–14.

Pecere P. “Stahl Was Often Closer to the Truth”: Kant’s Second Thoughts on Animism, Monadology, and Hylozoism // *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*. 2021. Vol. 11, №2. P. 660–678. <https://doi.org/10.1086/715879>.

Penrose R. Fashion, Faith, and Fantasy in the New Physics of the Universe. Princeton : Princeton University Press, 2017.

Philosophy of Chemistry: Growth of a New Discipline / ed. by E. Scerri, L. McIntyre. Dordrecht : Springer, 2015. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9364-3>.

Principe L. M. The Aspiring Adept: Robert Boyle and His Alchemical Quest. Princeton : Princeton University Press, 1998.

Principe L. M. Transmuting Chymistry into Chemistry: Eighteenth-Century Chrysopoeia and Its Repudiation // *Neighbours and Territories: The Evolving Identity of Chemistry. The 6th International Conference on the History of Chemistry : Proceedings* / ed. by J. R. Bertomeu-Sánchez, D. T. Burns, B. Van Tiggelen. Louvain-la-Neuve : Mémosciences, 2008. P. 21–34.

Principe L. M. The End of Alchemy? The Repudiation and Persistence of Chrysopoeia at the Académie Royale des Sciences in the Eighteenth Century // *Osiris*. 2014. Vol. 29, №1. P. 96–116. <https://doi.org/10.1086/678099>.

Rayman J. Nietzsche on Causation // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2014. Vol. 28, №3. P. 327–334. <https://doi.org/10.5325/jspecphil.28.3.0327>.

Nietzsche, F., 1980d. *Jenseits von Gut und Böse – Vorspiel einer Philosophie der Zukunft*. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 5. Berlin: de Gruyter, pp. 9-244.

Nietzsche, F., 1980e. Nachgelassene Fragmente. 19 = PI 20b. Sommer 1872 – Anfang 1873. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 7: Nachgelassene Fragmente 1869-1874. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 419-521.

Nietzsche, F., 1980f. Nachgelassene Fragmente Anfang 1880 bis Sommer 1882. Teil 1. 3 = M II 1. Frühjahr 1880. Fragment 139 (3[78]). In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 9: Nachgelassene Fragmente 1880-1882. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 9-229.

Nietzsche, F., 1980g. *Sokrates und die griechische Tragödie*. In: F. Nietzsche, 1980. *Sämtliche Werke*. Edited by G. Colli and M. Montinari. Volume 1. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 603-640.

Nietzsche, F., 1995. Vorlesungsaufzeichnungen (WS 1871-72, WS 1874-75). In: F. Nietzsche, 1995. *Werke. Kritische Gesamtausgabe. Abteilung II, Band 4*. Edited by F. Bornmann and M. Carpitella. Berlin: de Gruyter.

Nye, M. J., 1994. *From Chemical Philosophy to Theoretical Chemistry: Dynamics of Matter and Dynamics of Disciplines, 1800-1950*. Berkeley: University of California Press.

Paneth, F. A., 1962. The Epistemological Status of the Chemical Concept of Element (I). *The British Journal for the Philosophy of Science*, 13(49), pp. 1-14.

Pecere, P., 2021. ‘Stahl Was Often Closer to the Truth’: Kant’s Second Thoughts on Animism, Monadology, and Hylozoism. *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*, 11(2), pp. 660-678. <https://doi.org/10.1086/715879>.

Penrose, R., 2017. *Fashion, Faith, and Fantasy in the New Physics of the Universe*. Princeton: Princeton University Press.

Principe, L. M., 1998. *The Aspiring Adept: Robert Boyle and His Alchemical Quest*. Princeton: Princeton University Press.

Principe, L. M., 2008. Transmuting Chymistry into Chemistry: Eighteenth-Century Chrysopoeia and Its Repudiation. In: J. R. Bertomeu-Sánchez, D. T. Burns, B. Van Tiggelen, eds. 2008. *Neighbours and Territories: The Evolving Identity of Chemistry. The 6th International Conference on the History of Chemistry: Proceedings*. Louvain-la-Neuve: Mémosciences, pp. 21-34.

Reill P.H. *Vitalizing Nature in the Enlightenment*. Berkeley : University of California Press, 2005.

Rousseau J.-J. *Institutions chimiques / texte revu par B. Bernardi et B. Bensaude-Vincent*. P. : Fayard, 1999.

Ruthenberg K. Paneth, Kant, and the Philosophy of Chemistry // *Foundations of Chemistry*. 2009. Vol. 11, №2. P. 79–91. <https://doi.org/10.1007/s10698-009-9064-y>.

Scerri E. Some Aspects of the Metaphysics of Chemistry and the Nature of the Elements // *Hyle. An International Journal for the Philosophy of Chemistry*. 2005. Vol. 11, №2. P. 127–145. URL: <https://www.hyle.org/journal/issues/11-2/scerri.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

Schmid H. *Sur les extraterrestres: Théorie du ciel*. P. : Manucius, 2019.

Schürmann R. *Broken Hegemonies / transl. by R. Lilly*. Bloomington : Indiana University Press, 2003.

Small R. *Nietzsche in Context*. Aldershot : Ashgate, 2001.

Smets A. The Controversy Between Leibniz and Stahl on the Theory of Chemistry // *Neighbours and Territories: The Evolving Identity of Chemistry / ed. by J. R. Bertomeu-Sánchez, D. T. Burns, B. Van Tiggelen*. Louvain-la-Neuve : Mémosciences, 2008. P. 291–306.

Smith P.H. *The Business of Alchemy: Science and Culture in the Holy Roman Empire*. Princeton : Princeton University Press, 1994.

Soddy F. The Origins of the Conception of Isotopes // *The Scientific Monthly*. 1923. Vol. 17, №4. P. 305–317.

Stahl G.E. *Fundamenta chymiae*. Nürnberg : Wolfgang Moritz Endter, Erben & Julius Arnold Engelbrecht, Witwe, 1747. Vol. 3.

The Multidimensionality of Hermeneutic Phenomenology / ed. by B. Babich, D. Ginev. Heidelberg : Springer, 2014.

Thielke P. Hume, Kant, and the Sea of Illusion // *Hume Studies*. 2003. Vol. 29, №1. P. 63–88. <https://dx.doi.org/10.1353/hms.2011.0150>.

Valentine B. *His Triumphant Chariot of Antimony with Annotations of Theodore Kirkringus, M.D. With: The True Book of the learned Synesius, a Greek Abbot taken out the Emperor's Library, concerning the Philosopher's Stone*. L. : Printed for Dorman Newman at the Kings Arms in the Poultry, 1678.

Van Brakel J. Kant's Legacy for the Philosophy of Chemistry // *Philosophy of Chemistry / ed. by E. Scerri, D. Baird, L. McIntyre*. Dordrecht : Springer, 2006. P. 69–91. https://doi.org/10.1007/1-4020-3261-7_4.

Principe, L. M., 2014. The End of Alchemy? The Reputation and Persistence of Chrysopoeia at the Académie Royale des Sciences in the Eighteenth Century. *Osiris*, 29(1), pp. 96-116. <https://doi.org/10.1086/678099>.

Rayman, J., 2014. Nietzsche on Causation. *The Journal of Speculative Philosophy*, 28(3), pp. 327-334. <https://doi.org/10.5325/jspecphil.28.3.0327>.

Reill, P.H., 2005. *Vitalizing Nature in the Enlightenment*. Berkeley: University of California Press.

Rousseau, J.-J., 1999. *Institutions chimiques*. Texte revu par B. Bernardi et B. Bensaude-Vincent. Paris: Fayard.

Ruthenberg, K., 2009. Paneth, Kant, and the Philosophy of Chemistry. *Foundations of Chemistry*, 11(2), pp. 79-91. <https://doi.org/10.1007/s10698-009-9064-y>

Scerri, E., 2005. Some Aspects of the Metaphysics of Chemistry and the Nature of the Elements. *Hyle. An International Journal for the Philosophy of Chemistry*, 11(2), pp. 127-145. Available at: <<https://www.hyle.org/journal/issues/11-2/scerri.pdf>> (Accessed 23.08.2025).

Scerri, E. and McIntyre L., eds. 2015. *Philosophy of Chemistry: Growth of a New Discipline*. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-9364-3>.

Schmid, H., 2019. *Sur les extraterrestres: Théorie du ciel*. Paris: Editions Manucius.

Schürmann, R., 2003. *Broken Hegemonies*. Translated by R. Lilly. Bloomington: Indiana.

Small, R., 2001. *Nietzsche in Context*. Aldershot: Ashgate.

Smets, A., 2008. The Controversy Between Leibniz and Stahl on the Theory of Chemistry. In: J.R. Bertomeu-Sánchez, D.T. Burns and B. Van Tiggelen, eds. 2008. *Neighbours and Territories: The Evolving Identity of Chemistry*. Louvain-la-Neuve: Mémosciences, pp. 291-306.

Smith, P.H., 1994. *The Business of Alchemy: Science and Culture in the Holy Roman Empire*. Princeton: Princeton University Press.

Soddy, F., 1924. The Origins of the Conception of Isotopes. *The Scientific Monthly*, 17(4), pp. 305-317.

Stahl, G.E., 1747. *Fundamenta chymiae, volume 3*. Nürnberg: Wolfgang Moritz Endter, Erben & Julius Arnold Engelbrecht, Witwe.

Thielke, P., 2003. Hume, Kant, and the Sea of Illusion. *Hume Studies*, 29(1), pp. 63-88. <https://dx.doi.org/10.1353/hms.2011.0150>.

Valentine, B., 1678. *His Triumphant Chariot of Antimony with Annotations of Theodore Kirkringus, M.D. With: The True Book of the learned Synesius, a Greek Abbot taken out the Emperor's Library, concerning the Philosopher's Stone*. London: Printed for Dorman Newman at the Kings Arms in the Poultry.

Wille H. Kant über Außerirdische. Münster : Verlags-
haus Monsenstein und Vannerdat, 2005.

Windgätter C. 'Jetzt ergötze und erhole ich mich an der
kältesten Vernunft-Kritik'. Kants transzendente Frage
und ihre Verwendung durch Nietzsche // Kant und
Nietzsche in Widerstreit / hrsg. von B. Himmelmann.
Berlin : de Gruyter, 2005. S. 78–90.

Zittel C. Selbstaufhebungsfiguren bei Nietzsche.
Würzburg : Königshausen & Neumann, 1995.

Zwart H. Fabricated Truths and the Pathos of Proximi-
ty: What Would Be a Nietzschean Philosophy of Contem-
porary Technoscience? // Foundations of Science. 2019.
Vol. 24. P. 457–482. <https://doi.org/10.1007/s10699-019-09599-3>.

Об авторе

Бабетт Бабич, доктор философии, профессор,
Университет Фордхэм, Нью-Йорк, США.

E-mail: babich@fordham.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4499-0718>

Для цитирования:

Бабич Б. Философия химии Канта и космология
Ницше: о материальной герменевтике алхимии
и киновари. Часть I // Кантовский сборник. 2025.
Т. 44, № 3. С. 43-80.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-2>

© Бабич Б., 2025.

Van Brakel, J., 2006. Kant's Legacy for the Philosophy
of Chemistry. In: E. Scerri, D. Baird and L. McIntyre,
eds. 2006. *Philosophy of Chemistry*. Dordrecht: Springer,
pp. 69-91. https://doi.org/10.1007/1-4020-3261-7_4.

Wille, H., 2005. *Kant über Außerirdische*. Münster:
Monsenstein & Vannerdat.

Windgätter, C., 2005. 'Jetzt ergötze und erhole ich
mich an der kältesten Vernunft-Kritik'. Kants transzen-
dente Frage und ihre Verwendung durch Nietzsche.
In: B. Himmelmann, ed. 2005. *Kant und Nietzsche in Wi-
derstreit*. Berlin: de Gruyter, pp. 78-90.

Yates, F. A., 1964. *Giordano Bruno and Hermetic Tradi-
tion*. London: Routledge & Kegan Paul.

Yates, F. A., 1983. *The Occult Philosophy in the Elizabe-
than Age*. London: Routledge & Kegan Paul.

Zittel, C., 1995. *Selbstaufhebungsfiguren bei Nietzsche*.
Würzburg: Königshausen & Neumann.

Zwart, H., 2019. Fabricated Truths and the Pathos
of Proximity: What Would Be a Nietzschean Philoso-
phy of Contemporary Technoscience? *Foundations of
Science*, 24, pp. 457-482. <https://doi.org/10.1007/s10699-019-09599-3>.

The author

Prof. Dr Babette **Babich**, Fordham University, New
York, USA.

E-mail: babich@fordham.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4499-0718>

To cite this article:

Babich, B., 2025. Kant's Philosophy of Chemistry
and Nietzsche's Cosmology: On the Material
Hermeneutics of Alchemy and Cinnabar. Part I.
Kantian Journal, 44(3), pp. 43-80.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-2>

© Babich B., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУ-
ПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS
ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS
AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY)
LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

САМОПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

К. Е. Морозов¹

Статья посвящена попыткам многих либертарианских философов обосновать принцип самопринадлежности с помощью второй формулировки категорического императива. Сначала в статье реконструируется сам принцип самопринадлежности, согласно которому каждый человек обладает естественным правом собственности на свое тело и личность. Существует множество версий этого принципа, которые признают разные наборы таких имущественных прав, но общая черта всех формулировок – их радикальный антипатернализм и, как следствие, признание допустимости саморазрушительного поведения. Затем реконструируются и анализируются два кантовских аргумента в защиту самопринадлежности. Согласно первому, люди обладают внутренней ценностью, а потому никогда не должны использоваться просто как инструменты для чужих целей, что запрещает владение другими людьми. Согласно второму, людям необходимо владеть своим телом и личностью для реализации личной и моральной автономии, которые нужны для исполнения морального закона. После этого описываются два способа, которыми самопринадлежность может сочетаться с различными теориями тождества личности: интернализм и экстернализм. Интернализм предполагает, что тело либо тождественно личности, либо является ее частью. Экстернализм предполагает, что тело является чем-то внешним по отношению к личности, которая представляет собой нефизическую ментальную субстанцию. Эти два подхода сталкивают кантовских либертарианцев с дилеммой. Если они принимают интернализм, то самопринадлежность несовместима с категорическим императивом, потому что предполагает самоинструментализацию. Но поскольку все люди обладают равной ценностью, инструментализация самого себя так же недопустима, как инструментализация других людей. Если же

¹ Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Поступила в редакцию: 22.07.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-3

SELF-OWNERSHIP AND THE CATEGORICAL IMPERATIVE

К. Е. Morozov¹

This article examines the attempts of many libertarian philosophers to justify the self-ownership principle using the second formulation of the categorical imperative. It begins by reconstructing the self-ownership principle, according to which each person has a natural property right over her body and person. There are many versions of this principle, each recognizing a different set of such property rights; but what all formulations have in common is their radical anti-paternalism and, consequently, the permissibility of self-destructive behaviour. The paper then reconstructs and analyses two Kantian arguments for self-ownership. According to the first, persons have intrinsic value and should therefore never be used as mere means for someone else's ends, which forbids ownership of other people. According to the second, persons must own their own bodies and persons in order to realise the personal and moral autonomy needed to uphold the moral law. Next, the article describes two ways in which self-ownership can be reconciled with different theories of personal identity: internalist and externalist. Internalism holds that the body is either identical with the person or part of the person. Externalism holds that the body is external to the person, which is a non-physical mental substance. For Kantian libertarians, these two approaches present a dilemma. If they accept internalism, then self-ownership is incompatible with the categorical imperative because it involves self-instrumentalization. Since all persons are of equal value, instrumentalizing oneself is just as impermissible as instrumentalizing other persons. However, if Kantian

¹ RAS Institute of Philosophy.
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia.
Received: 22.07.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-3

кантианские либертарианцы принимают экстернализм, то самопринадлежность просто не следует из категорического императива, потому что нарушение прав собственности на внешние ресурсы не является инструментализацией их собственника само по себе. Таким образом, категорический императив и самопринадлежность несовместимы.

Ключевые слова: Кант, категорический императив, самопринадлежность, либертарианство, естественные права, автономия, человеческое достоинство, патернализм, инструментализация

Введение

Иммануил Кант по праву считается одним из самых значимых и влиятельных моральных и политических философов в истории. Неудивительно, что многие современные философские течения пытаются укрепить свою респектабельность опорой на интеллектуальное наследие Канта. Одним из таких течений является либертарианство, обширное семейство теорий справедливости, которые придают значительный моральный вес правам частной собственности. Большинство либертарианцев поддерживают принцип самопринадлежности, согласно которому каждый человек обладает естественным правом собственности на свою личность, тело и труд².

Роберт Нозик был первым либертарианским философом, который попытался обосновать этот принцип с помощью категорического императива (Нозик, 2020, с. 54). Для этого Нозик использует формулировку человечности: «Поступай так, чтобы ты никогда не относишься к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели» (AA 04, S. 429; Кант, 1994б, с. 205). Нозик интерпретирует этот принцип в первую очередь как запрет на инструментальное отношение к личности другого. Из этого запрета следуют все стандартные негативные права, включая права на свободу и телесную не-

² Заметные исключения — Кевин Валлье и Чандран Кукатас (Vallier, 2012; Kukathas, 2019).

libertarians accept externalism, then self-ownership simply does not follow from the categorical imperative because violating property rights to external resources is not itself an instrumentalization of their owner. Thus, the categorical imperative and self-ownership are incompatible.

Keywords: categorical imperative, self-ownership, libertarianism, natural rights, autonomy, human dignity, paternalism, instrumentalization

Introduction

Immanuel Kant is widely considered one of the most important and influential moral and political philosophers in history. It is no surprise that many modern philosophical movements have sought to shore up their respectability by drawing on Kant's intellectual legacy. One such movement is libertarianism, a broad family of theories of justice that attach significant moral weight to private property rights. Most libertarians endorse the *self-ownership principle*, which holds that each person has a natural right of ownership over her own person, body, and labour.²

Robert Nozick was the first libertarian philosopher to attempt to justify this principle using the categorical imperative (Nozick, 1974, pp. 30-31). To do this, Nozick uses the humanity formulation: "Act so that you use humanity, as much in your own person as in the person of every other, always at the same time as end and never merely as means" (GMS, AA 04, p. 429; Kant, 2002, pp. 46-47). Nozick interprets this principle primarily as a prohibition on an instrumental attitude towards the person of another. All standard negative rights follow from this prohibition,

² Notable exceptions include Kevin Vallier (2012) and Chandran Kukathas (2019).

прикосновенность. Но также, согласно Нозик, этот принцип запрещает перераспределение богатства и доходов, даже когда это необходимо, чтобы улучшить положение наименее обеспеченных членов общества (Нозик, 2020, с. 216).

Попытка Нозика обосновать самопринадлежность с опорой на категорический императив многократно подвергалась критике (Exdell, 1977; Teuber, 1983; Korsgaard, 1993; Cohen, 1995; Brenkert, 1998; Attas, 2000; Bardon, 2000; Williams, 2013; Чалый, 2014; Varden, 2016; Морозов, 2024a). Тем не менее многие другие либертарианские авторы также развивали вдохновленное Нозиком кантианское обоснование самопринадлежности. В их числе Гиллель Штайнер, Роберт Тейлор, Джеймс Оттесон, Эрик Мак, Джейсон Кузницки, Джордж Смит, Крис Сурпренант, Иэн Картер, Фабиан Вендт и многие другие (Steiner, 1994; Taylor, 2004; Otteson, 2009; Mack, 2016; Kuznicki, 2016; Smith, 2016; Surprenant, 2018; Carter, 2019; Wendt, 2022). Цель этой статьи — реконструировать кантианское обоснование самопринадлежности, а затем предложить аргумент против него. Как мы планируем показать, кантианские либертарианцы сталкиваются с дилеммой в том, как они могут трактовать связь между личностью и телом. Если они отождествляют их, то самопринадлежность сама по себе нарушает категорический императив в формулировке человечности. Но если они различают личность и тело, то самопринадлежность просто не следует из категорического императива.

Принцип самопринадлежности

Даже среди самих либертарианцев многие относятся скептически к идее кантианского обоснования самопринадлежности. Например, Бас ван дер Воссен указывает на тот факт, что сам Кант в «Метафизике нравов» отвергает идею, что люди могут иметь право собственности на самих себя (Van der Vossen, 2022, p. 121—

including rights to liberty and bodily integrity. But this principle also, according to Nozick, prohibits the redistribution of wealth and income, even when these are necessary for improving the situation of the least advantaged members of society (Nozick, 1974, p. 169).

Nozick's attempt to justify self-ownership using the categorical imperative has been criticized many times (Exdell, 1977; Teuber, 1983; Korsgaard, 1993; Cohen, 1995; Brenkert, 1998; Attas, 2000; Bardon, 2000; Williams, 2013; Chaly, 2014; Varden, 2016; Morozov, 2024a). However, many other libertarian authors have also developed a Nozick-inspired Kantian justification for self-ownership, including Hillel Steiner (1994), Robert Taylor (2004), James Otteson (2009), Eric Mack (2016), Jason Kuznicki (2016), George Smith (2016), Chris Surprenant (2018), Ian Carter (2019), Fabian Wendt (2022), and many others. The purpose of this article is to reconstruct the Kantian justification for self-ownership and then to offer an argument against it. As will be shown, Kantian libertarians face a dilemma in how they conceptualize the connection between person and body. If they identify the two, then self-ownership violates the categorical imperative on the humanity formulation. But if they distinguish person and body, then self-ownership simply does not follow from the categorical imperative.

The Self-Ownership Principle

Even among libertarians, many are skeptical about the idea of a Kantian justification for self-ownership. For example, Bas van der Vossen points out that Kant himself, in *The Metaphysics of Morals*, rejects the idea that people can have property rights over themselves

122; AA 06, S. 270; Кант, 1994а, с. 297)³. Кант обсуждает множество понятий, содержание которых пересекается с «правом собственности», но основное кантовское понятие, которое нас здесь интересует, — это «чисто правовое владение». Это владение, согласно Канту, есть двустороннее отношение между субъектом и *внешним* объектом. Под внешним объектом же Кант подразумевает просто объект, отличный от субъекта, для которого он является внешним (AA 06, S. 252–253; Кант, 1994а, с. 277). Таким образом, уже на уровне исходных определений Кант устанавливает, что право собственности нельзя иметь в отношении самого себя, а потому самопринадлежность невозможна.

Однако кантианские либертарианцы справедливо могут возразить против этого, что их не должно беспокоить, что сам Кант думал о невозможности права собственности на самого себя. Кант признавал в некотором смысле возможность владения другим лицом: женой, детьми и слугами (AA 06, S. 276–277; Кант, 1994а, с. 304). Сегодня даже среди последователей Канта мало кто разделяет подобные представления. Так и кантианские либертарианцы могут утверждать, что они не стремятся к доскональному следованию кантовской философии. Скорее, они заимствуют у Канта идеи и аргументы, которые кажутся им полезными и правдоподобными, отбрасывая те элементы кантовского учения, которые представляются им устаревшими и неубедительными⁴. Поскольку наша цель в этой статье — проанализировать правдоподобие кантианского аргумента в пользу самопринадлежности как таковое, а не соответствие этого аргумента мысли самого Канта, далее мы не будем отвергать са-

³ Майкл Оцука также противопоставляет локкеанское либертарианство, которому симпатизирует он сам, и кантианский эгалитарный либерализм, который он связывает с такими авторами, как Джон Ролз, Томас Нагель, Брайан Барри и Томас Скэнлон (Otsuka, 2003, p. 4–5).

⁴ Либертарианцы даже могут утверждать, что самопринадлежность необходима, чтобы сделать кантианство более убедительным. Ведь некоторые версии принципа самопринадлежности исключают возможность владения другим лицом.

(Van der Vossen, 2022, pp. 121-122).³ Kant discusses many concepts whose content intersects with “property rights”, but the primary Kantian concept that interests us here is “merely rightful possession”. Such possession, according to Kant, is a two-way relationship between a subject and an *external* object. By “external object”, Kant simply means an object distinct from the subject for whom it is external (*MS RL*, AA 06, pp. 252-253; Kant, 1991, p. 75). Thus, even at the level of his initial definitions, Kant establishes that one cannot have ownership rights in relation to oneself and, therefore, that self-ownership is impossible.

Kantian libertarians, however, might rightly object to this, saying that they should not be concerned that Kant himself believed that self-ownership was impossible. Kant acknowledged, in a certain sense, the possibility of owning another person: a wife, children, and servants (*MS RL*, AA 06, pp. 276-277; Kant, 1991, pp. 95-96). Today, even among Kant’s followers, few share such views. Similarly, Kantian libertarians might claim that they do not strive to strictly adhere to Kant’s philosophy. Rather, they borrow from Kant those ideas and arguments that seem useful and plausible to them, discarding those elements of Kant’s teaching that seem outdated and unconvincing.⁴ Since the goal of this article is to analyse the plausibility of the Kantian argument for self-ownership as such, rather than its consistency with Kant’s own thought, we will not reject self-ownership solely on the basis of Kant’s

³ Michael Otsuka also contrasts Lockean libertarianism, which he himself favours, with Kantian egalitarian liberalism, which he associates with such writers as John Rawls, Thomas Nagel, Brian Barry, and Thomas M. Scanlon (Otsuka, 2003, pp. 4-5).

⁴ Libertarians might even argue that self-ownership is necessary to make Kantianism more persuasive. After all, some versions of the self-ownership principle exclude the possibility of owning another person.

мопринадлежность на основании одного только ее отвержения самим Кантом. Мы также не будем воспроизводить детально всю кантовскую доктрину права, сосредоточившись на самом кантианском аргументе в пользу самопринадлежности и его критике.

Но прежде чем перейти к кантианскому аргументу, нам нужно прояснить, что либертарианцы подразумевают под «самопринадлежностью». Особенно влиятельную формулировку самопринадлежности предложили Питер Валлентайн, Гиллель Штайнер и Майкл Оцука. Они определяют самопринадлежность как максимально широкий набор прав собственности, которые каждый человек может иметь на самого себя и свое тело, совместимый с аналогичными наборами прав для всех остальных людей. Этот набор включает следующие права: (1) права контролировать свое тело, (2) права на компенсацию за несогласованное использование тела, (3) права принудительного исполнения в отношении первых двух прав, (4) права на передачу этих прав кому-то другому и (5) иммунитет к несогласованной утрате какого-либо из этих прав (Vallentyne et al., 2005, p. 203–204).

Валлентайн, Штайнер и Оцука также называют эту версию самопринадлежности «полной», поскольку она включает наиболее обширный перечень прав, которые кто-либо может иметь на свое собственное тело. При последовательном применении этот принцип имеет довольно радикальные следствия. Во-первых, поскольку этот набор прав включает право на передачу, то это разрешает людям продавать самих себя в «добровольное рабство» (Ibid., p. 208; Steiner, 1994, p. 232–234; Block, 2003; Otsuka, 2003, p. 122–123; Kershnar, 2003; Frederick, 2014; Нозик, 2020, с. 403). Во-вторых, согласно этому принципу, у людей нет никаких позитивных обязательств помогать другим, даже когда другие отчаянно нуждаются в помощи и эта помощь ничего не стоит самому помогающему (Mack, 2010, p. 62; Narveson, 2013, p. 382; Нозик, 2020, с. 288). В-третьих, это запрещает принудительное налогообложение любых доходов, заработанных чело-

rejection. We also will not recapitulate Kant's entire doctrine of right in detail, focusing instead on the Kantian argument for self-ownership specifically, and its critique.

But before we move on to the Kantian argument, we need to clarify what libertarians mean by “self-ownership”. A particularly influential formulation of self-ownership has been offered by Peter Vallentyne, Hillel Steiner, and Michael Otsuka. They define self-ownership as the broadest possible set of property rights that a person can have over herself and her body that is compatible with similar sets of rights for all other persons. They include in this set the following rights: (1) rights to control one's body, (2) rights to compensation for nonconsensual use of the body, (3) enforcement rights over the first two rights, (4) rights to transfer these rights to someone else, and (5) immunity from nonconsensual loss of any of these rights (Vallentyne et al., 2005, pp. 203-204).

Vallentyne, Steiner, and Otsuka also call this version of self-ownership “full,” because it includes the most extensive set of rights anyone can have over her own body. When applied consistently, this principle has quite radical consequences. First, because this set of rights includes the right to transfer, it permits people to sell themselves into “voluntary slavery” (*ibid.*, p. 208; Nozick, 1974, p. 331; Steiner, 1994, pp. 232-234; Block, 2003; Otsuka, 2003, pp. 122-123; Kershnar, 2003; Frederick, 2014). Second, according to this principle, people have no positive obligations to help others, even when others are in desperate need of help, and when such help would be of no cost to the helper (Nozick, 1974, p. 348; Narveson, 2013, p. 382; Mack, 2010, p. 62). Third, it prohibits forced taxation of any income earned by human labour (Nozick, 1974, p. 169; Feser,

веческим трудом (Нозик, 2020, с. 216; Feser, 2000). В-четвертых, это запрещает даже незначительные патерналистские вмешательства и ограничения, даже когда они необходимы, чтобы спасти человеческую жизнь (Нозик, 2020, с. 58). Как утверждают сторонники полной самопринадлежности, мы должны принять эти контринтуитивные выводы, потому что они следуют из признания каждого человека целью самой по себе (Морозов, 2025, с. 79).

Однако даже среди либертарианцев не все приняли столь радикальную трактовку самопринадлежности. Некоторые авторы постарались ослабить ее контринтуитивные следствия, приняв более умеренное прочтение этого принципа. Многие из них утверждали, что самопринадлежность является *неотчуждаемой*, а потому не допускает даже добровольную продажу самого себя в рабство (Grunebaum, 2000; Ellerman, 2010; Olsthoorn, 2019; Ротбард, 2019). Другие включили в самопринадлежность притязание против лишения возможностей самостоятельно использовать свое тело (Mack, 1995; Feser, 2005; Russell, 2010). Некоторые также переформулировали самопринадлежность, чтобы сделать ее *чувствительной к обязательствам* (Bryan, 2019; Cudd, 2019; Spafford, 2022). Еще несколько авторов приняли *самопринадлежность контроля*, которая наделяет людей правом распоряжаться своим телом, но не доходом от использования собственного труда (Christman, 1994; Van Parijs, 1997; Taylor, 2005; Widerquist, 2013). Наконец, немногие из сторонников самопринадлежности даже допустили мягкие формы патернализма, когда они осуществляются путем *подталкивания* человека к нужному выбору, а не через вмешательства или ограничения (Sunstein, Thaler, 2003).

Может остаться неясным, что отличает такую ослабленную самопринадлежность от общей либеральной концепции базовых прав. Джонатан Куонг поясняет, что корневая идея самопринадлежности — это ее радикальный антипатернализм (Quong, 2011, p. 87). Либеральная концепция базовых прав защищает лишь ограниченный набор прав на собствен-

2000). Fourth, it prohibits even minor paternalistic interventions and restrictions, even when they are necessary to saving human life (Nozick, 1974, p. 34). As proponents of full self-ownership argue, we must accept these counterintuitive conclusions because they follow from recognizing each person as an end in herself (Morozov, 2025, p. 79).

However, even among libertarians, not all have embraced this radical understanding of self-ownership. Some authors have sought to weaken its counterintuitive implications by adopting a more moderate reading of the principle. Many have argued that self-ownership is *inalienable*, and therefore does not allow even the voluntary sale of oneself into slavery (Grunebaum, 2000; Ellerman, 2010; Rothbard, 2016; Olsthoorn, 2019). Others have incorporated a claim against the deprivation of the independent use of one's body into self-ownership (Mack, 1995; Feser, 2005; Russell, 2010). Some have also reformulated self-ownership to make it *duty-sensitive* (Bryan, 2019; Cudd, 2019; Spafford, 2022). A few others have adopted a *control self-ownership* that grants people control over their bodies but not over the income from their own labour (Christman, 1994; Van Parijs, 1997; Taylor, 2005; Widerquist, 2013). Finally, some self-ownership proponents even allow for soft forms of paternalism, when these are implemented by *nudging* a person toward the desired choice rather than through interventions or restrictions (Sunstein and Thaler, 2003).

It may remain unclear what distinguishes such a weakened self-ownership from the general liberal conception of basic rights. Jonathan Quong explains that the core idea of self-ownership is its radical anti-paternalism (Quong, 2011, p. 87). The liberal conception of basic rights protects only a limited set of

ное тело, которые необходимы для реализации частных концепций блага и публичной концепции справедливости (Rawls, 1996, p. 308; ср.: Brennan, 2020). Признание остальных прав зависит от коллективного волеизъявления через демократические процедуры и институты. Самопринадлежность же даже в своей слабой форме обеспечивает сильную защиту в том числе для прав на саморазрушительное поведение. В частности, даже умеренные версии самопринадлежности наделяют людей правом употреблять наркотики и оказывать сексуальные услуги за деньги, тем самым запрещая деятельность государства по ограничению подобных действий (Wendt, 2022, p. 595).

Таким образом, кантианское обоснование самопринадлежности должно установить не просто какой-то набор прав на свободу и телесную неприкосновенность, но также очень строгое притязание против патернализма. В этом проявляется собственнический аспект самопринадлежности: человеческое тело рассматривается как физический ресурс, с которым его владелец может обращаться любым способом, портя или расходуя его, если посчитает нужным. Этот акцент на антипатерналистских аспектах самопринадлежности позволяет нам отсеять наименее правдоподобные и явно несовместимые с кантианством трактовки этого принципа.

Кантианское обоснование самопринадлежности

Многие критики Нозика подмечали тот факт, что он никак не детализирует свой кантианский аргумент в пользу самопринадлежности. Скорее, он просто утверждает, что формулировка человечности оправдывает строгие деонтические ограничения на то, как допустимо обращаться с другими личностями, а затем утверждает, что эти ограничения должны пониматься как либертарианские. Из-за этого часто утверждается, что либертарианство Нозика лишено оснований (Nagel, 1975).

rights over one's own body – those necessary for the realization of private conceptions of the good and the public conception of justice (Rawls, 1996, p. 308; cf. Brennan, 2020). Recognition of other rights depends on the collective expression of the will through democratic procedures and institutions. Self-ownership, even in its weak form, provides strong protection, including for the rights to self-destructive behaviour. In particular, even moderate versions of self-ownership grant people the right to use drugs and sell sex, thereby prohibiting state action to restrict such behaviour (Wendt, 2022, p. 595).

A Kantian justification for self-ownership must therefore establish not just some set of rights to liberty and bodily integrity, but also a very strong claim against paternalism. This is where the proprietary aspect of self-ownership comes into play: the human body is treated as a physical resource that its owner can treat in any way she chooses, damaging or expending it as she sees fit. This emphasis on the anti-paternalistic aspects of self-ownership allows us to weed out those interpretations of the principle that are less plausible and obviously incompatible with Kantianism.

Kantian Justification of Self-Ownership

Many of Nozick's critics have noted that he does not elaborate on his Kantian argument for self-ownership. Rather, he simply claims that the humanity formulation justifies strict deontic constraints on how it is permissible to treat other persons, and then argues that these constraints should be understood as libertarian. Because of this, it is often claimed that Nozick's libertarianism lacks foundations (Nagel, 1975).

Более благосклонно настроенные к Нозику авторы, однако, попытались реконструировать его линию аргументации (Taylor, 2004; Zwolinski, 2008; Mack, 2016). Как кажется, основная идея Нозика состоит в том, что каждая человеческая личность обладает рациональной агентностью и в силу этого наделена внутренней (неинструментальной) ценностью⁵. Этот аргумент можно понимать двояко. С одной стороны, его можно прочесть как интуиционистское утверждение, что обладание всяким человеком внутренней ценностью — это самоочевидная моральная истина⁶. С другой стороны, его можно понимать как трансцендентальный аргумент в духе Кристин Корсгаард. С этой точки зрения рациональная агентность (или *человечность*) является необходимым предварительным условием того, чтобы мы были способны ценить что-либо. Поэтому, если мы ценим себя и собственные жизненные цели, мы также должны безусловно ценить человечность в себе и других (Korsgaard, 1996, p. 121–123; Korsgaard, 1998, p. 60–62).

Вне зависимости от того, какую из двух версий аргумента мы используем, он устанавливает, что у нас есть рациональное обязательство признавать внутреннюю ценность людей и их человечности. Поскольку каждый из нас в равной мере обладает человечностью, каждый заслуживает, чтобы к нему относились с подобающим уважением и не рассматривали исключительно как средство или инструмент, как того требует формулировка человечности. Этот факт также объясняет то, что Дэвид Бринк называет «моральной симметрией формулировки человечности»: эта формулировка запрещает инструментализировать не только чужую человечность, но и свою собственную (Brink, 2019, p. 13)⁷.

⁵ Обладание внутренней ценностью в данном случае также можно понимать как обладание человеческим достоинством (см.: Артемьева, 2024).

⁶ Роберт Ауди и Дитер Шёнекер предложили интуиционистское прочтение этики Канта (Audi, 2004; Schönecker, 2013; ср.: Повечерова, 2024). Йохен Бояновски оспаривает эту трактовку (Bojanowski, 2017).

⁷ Поскольку Нозик признаёт право на добровольное самопорабощение, он, как кажется, отрицает эту симметрию и рассматривает только инструментализацию другого как запрещенную. Я не вижу хороших аргументов в пользу асимметричного рассмотрения внутренней ценности человечности, а потому буду исходить из того, что Нозик, очевидно, ошибался в этом.

More sympathetic authors have, however, attempted to reconstruct his line of argument (Taylor, 2004; Zwolinski, 2008; Mack, 2016). Nozick's central idea seems to be that every human person has rational agency and is therefore endowed with intrinsic (non-instrumental) value.⁵ This argument can be understood in two ways. On the one hand, it can be read as an intuitionist claim that it is a self-evident moral truth that every human being has intrinsic value.⁶ On the other hand, it can be read as a transcendental argument in the spirit of Christine Korsgaard. On this view, rational agency (or *humanity*) is a necessary precondition for our being able to value anything. Therefore, if we value ourselves and our own ends in life, we must also unconditionally value the humanity in ourselves and others (Korsgaard, 1996, pp. 121-123; 1998, pp. 60-62).

Regardless of which of the two versions of the argument we employ, it establishes that we have a rational obligation to recognize the intrinsic value of persons and their humanity. Since each of us equally possesses humanity, each of us deserves to be treated with due respect and not merely as a means or instrument, as the humanity formulation requires. This fact also explains what David Brink calls the “moral symmetry of the Humanity formula”: it prohibits instrumentalizing not only others' humanity, but also our own (Brink, 2019, p. 13).⁷

⁵ Holding of intrinsic value in this case can also be understood as holding of human dignity (cf. Artemyeva, 2024).

⁶ Robert Audi (2004) and Dieter Schönecker (2013) have proposed an intuitionist reading of Kant's ethics (cf. Povecherova, 2024). Jochen Bojanowski (2017) challenges this interpretation.

⁷ Since Nozick acknowledges the right to voluntary self-enslavement, he seems to deny this symmetry and regards only the instrumentalization of the other as forbidden. I see no good argument for an asymmetric account of the intrinsic value of humanity, and so I will proceed on the assumption that Nozick is clearly wrong about this.

Этот запрет инструментализации позволяет сформулировать *негативный* кантианский довод в защиту самопринадлежности. Согласно ему, ни одно лицо не должно использоваться как простое средство для достижения чужих целей. Рабство, то есть собственность на другого человека, является парадигмальным примером такого использования человека в качестве простого ресурса или инструмента. Соответственно, раз никто не должен подвергаться инструментализирующему обращению, никто не должен рассматриваться как собственность другого лица или группы лиц.

Однако сам по себе этот негативный довод не может обосновать самопринадлежность без дополнительного *позитивного* довода. Ведь из того, что люди не должны принадлежать другим, еще не следует, что они должны принадлежать самим себе. Поэтому кантианское обоснование самопринадлежности нуждается еще в одном утверждении. Поскольку рациональная агентность ценна, люди должны иметь фактическую возможность проявлять свою агентность. Люди делают это, когда самостоятельно выбирают собственные цели и средства их достижения. И для того, чтобы осуществлять подобную агентность, людям необходимо право единолично распоряжаться своим телом. То есть для осуществления рациональной агентности людям нужна самопринадлежность (Морозов, 2024а, с. 91)⁸.

Просуммируем этот аргумент. Сначала Нозик утверждает, что рациональная агентность обладает внутренней ценностью, и поскольку каждый человек обладает этой агентностью, то

⁸ Тейлор утверждает, что самопринадлежность необходима людям для обладания как личной, так и моральной автономией (Taylor, 2004, p. 75). Личная автономия проявляется в способности людей выбирать собственные цели и средства их достижения. Моральная автономия проявляется в способности людей самостоятельно устанавливать для себя нравственный закон с помощью разума. Как предполагает Тейлор, чтобы использовать свой разум, люди должны владеть им, а потому самозаконотворчество требует самопринадлежности.

This prohibition of instrumentalization allows us to formulate the *negative* Kantian argument for self-ownership. According to it, no person should be used as a mere means to another's ends. Slavery — that is, the ownership of another person — is a paradigmatic example of such use of a person as a mere resource or instrument. Accordingly, since no one should be subject to instrumentalizing treatment, no one should be treated as the property of another person or group of persons.

This negative argument, however, cannot by itself justify self-ownership without an additional *positive* argument. For the fact that people should not belong to others does not mean that they should belong to themselves. Therefore, the Kantian justification for self-ownership requires another assertion. Since rational agency is valuable, people must have the actual opportunity to exercise their agency. People do this when they independently choose their own ends and the means to achieve them. And in order to exercise such agency, people need the right to dispose of their own bodies. That is, in order to exercise rational agency, people need self-ownership (Morozov, 2024a, p. 91).⁸

Let's summarize this argument. Nozick first argues that rational agency has intrinsic value, and since each person has this agency, each person is also a bearer of intrinsic value. Proper respect for this value is incompatible with an instrumental attitude toward its bearers.

⁸ Taylor (2004, p. 75) argues that self-ownership is necessary for people to have *both* personal and moral autonomy. Personal autonomy is manifested in people's ability to choose their own ends and the means to achieve them. Moral autonomy is manifested in people's ability to establish moral law for themselves using reason. As Taylor suggests, in order to use their reason, people must own it, and so self-legislation requires self-ownership.

каждый человек также является носителем внутренней ценности. Надлежащее уважение к этой ценности несовместимо с инструментальным отношением к ее носителям. Поэтому к каждому человеку надлежит относиться в том числе как к цели самой по себе, как того требует вторая формулировка категорического императива. Для этого необходимо, чтобы каждый человек обладал правом собственности на самого себя и свое тело. Таким образом, категорический императив оправдывает самопринадлежность.

Самопринадлежность и тождество личности

Как можно заметить, самопринадлежность часто понимается двусмысленно: как владение собственным телом и как владение собственной личностью. Это ставит сторонников самопринадлежности перед вопросом: как соотносятся между собой тело и личность? Некоторые авторы действительно отмечали, что концепция самопринадлежности зависит от теории тождества личности, с которой она сочетается (Feser, 2005; Russell, 2010; Carter, 2019; Cudd, 2019)⁹. Для целей нашей аргументации мы можем разделить все подходы к тождеству личности на две группы: интерналистские и экстерналистские. Теории первой группы признают, что тело является чем-то внутренним по отношению к нашей личности, тогда как теории второй группы рассматривают тело как внешнее по отношению к личности.

Наиболее ярким примером интерналистской теории является анимализм, согласно которому личность — это живой организм, то есть личность строго *тождественна* телу (Olson, 1999). Самой обсуждаемой версией экстерналистского подхода является субстанциальный дуализм, в отдельных своих формах утверждающий, что личность — это обособленная от тела ментальная субстанция¹⁰, которая может сохраняться даже при полном уничтожении тела (Swinburne, 2013).

⁹ Обзор современных теорий тождества личности см.: (Логинов и др., 2018).

¹⁰ Дуалисты могут предпочитать различные слова для обозначения ментальной субстанции: сознание, разум, душа, дух, самость, субъект и т.д.

Therefore, each person must be treated also as an end in herself, as required by the second formulation of the categorical imperative. This requires that each person have ownership of herself and her body. The categorical imperative thus justifies self-ownership.

Self-Ownership and Personal Identity

As can be seen, self-ownership is often understood ambiguously: as the ownership of one's own body and as the ownership of one's own person. This raises a question for proponents of self-ownership: what is the relationship between the person and her body? Some authors have indeed noted that the concept of self-ownership depends on the theory of personal identity with which it is combined (Feser, 2005; Russell, 2010; Carter, 2019; Cudd, 2019).⁹ For the purposes of our argument, we can divide all approaches to personal identity into two groups: internalist and externalist. Theories of the first group recognize that the body is something internal to our person, while theories of the second group regard the body as external to the person.

The most striking example of an internalist theory is animalism, according to which the person is a living organism — that is, the person is strictly *identical* to the body (Olson, 1997). The most widely discussed version of the externalist approach is substance dualism, some forms of which hold that the person is a mental substance¹⁰ that is separate from the

⁹For a review of modern theories of personal identity, see Loginov *et al.* (2018).

¹⁰Dualists may prefer different terms for denoting mental substance: consciousness, mind, soul, spirit, self, subject, etc.

При этом неверно было бы сказать, что интернализм равнозначен монизму, а экстернализм — дуализму. Дуалист, в том числе субстанциальный, может быть интерналистом. Например, композитные дуалисты считают, что личность включает в себя как тело, так и ментальную субстанцию. Хотя обе субстанции онтологически различны и могут существовать отдельно, личность образуется только при их взаимодействии. Монист также может быть экстерналистом. Например, идеалисты считают, что весь мир является чисто ментальным или духовным. С этой точки зрения тело не является частью личности, потому что само существование физического тела — это своего рода иллюзия, тогда как в реальности существует только чисто ментальный опыт или бестелесная душа. Соответственно, различие между интерналистами и экстерналистами касается только вопроса о том, является ли тело по крайней мере частью личности.

Некоторые сторонники принципа самопринадлежности являются интерналистами (Carter, 2019). С их точки зрения, тело либо тождественно личности, либо является ее частью. Они однозначно отвергают кантовское утверждение, что владение собственностью представляет собой сущностно нереклексивное отношение (иными словами, что нельзя иметь это отношение к самому себе). Само выражение «самопринадлежность», или «собственность на себя», понимается интерналистами буквально: люди владеют своей личностью как собственностью, и поскольку тело равно личности или является ее компонентом, то владение личностью подразумевает владение телом.

Некоторые сторонники принципа самопринадлежности также являются экстерналистами (Wheeler, 1980; Russell, 2010). С их точки зрения, тело — это внешний по отношению к личности физический объект, которым можно владеть так же, как и любым другим внешним объектом. Экстерналисты, таким образом, принимают утверждение Канта о том, что владение собственностью является нереклексивным отношением. Ввиду этого само слово «самопри-

body, and which can persist even if the body is completely destroyed (Swinburne, 2013).

It would be incorrect to say, however, that internalism is equivalent to monism and externalism is equivalent to dualism. A dualist, including a substance dualist, can be an internalist. For example, composite dualists believe that a person includes *both* a body and a mental substance. Although both substances are ontologically distinct and can exist separately, a person is formed only through their interaction. A monist can also be an externalist. For example, idealists believe that the entire world is purely mental or spiritual. On this view, the body is not part of the person because the very existence of a physical body is a kind of illusion, while in reality only purely mental experience or a disembodied soul exists. Accordingly, the difference between internalists and externalists concerns only the question of whether the body is at least part of the person.

Some proponents of self-ownership are internalists (Carter, 2019). On their view, the body is either identical to the person or is a part of the person. They explicitly reject Kant's claim that ownership of property is an essentially non-reflexive relation (in other words, that one cannot have this relation to oneself). The term "self-ownership" is taken literally by internalists: people own their persons as property, and since the body is equal to or a component of the person, ownership of the person implies ownership of the body.

Other proponents of self-ownership are externalists (Wheeler, 1980; Russell, 2010). In their view, the body is a physical object external to the person which can be owned like any other external object. Externalists thus accept Kant's claim that property ownership is a

надлежность» понимается экстерналистами метафорически: в самом строгом смысле личность владеет не собой, а внешним по отношению к ней телом.

Либертарианцы-экстерналисты могут считать достоинством своей теории то, что она, как кажется, близка к идеям самого Канта. Так, Кант рассматривал человеческую природу дуалистически. В ней присутствует и феноменальный компонент, связанный с физическим телом, и ноуменальный компонент, связанный с разумом и нравственным законом (Гаджикурбанов, 2023, с. 12–16). Интерналисты из числа композитных дуалистов могут сказать в свою защиту, что этот двойственный взгляд на человеческую природу совместим и с их взглядами тоже. Интерналисты же из числа редуктивных физикалистов могут признать, что их позиция отличается от кантовской, но при этом не считать это расхождение недостатком своей теории. Например, они могут симпатизировать идее натурализации кантовской этики, которая предполагает отказ от метафизических аспектов кантовской теории при сохранении ее этического содержания (Китчер, 2022)¹¹.

Кантианская дилемма для либертарианцев

На этом этапе мы можем сформулировать дилемму, которая подрывает попытки обосновать самопринадлежность опорой на категорический императив. Как мы увидели, либертарианцы могут выбрать один из двух взглядов на соотношение тела и личности: интерналистский и экстерналистский. Оба варианта блокируют выведение самопринадлежности из категорического императива. Рассмотрим их по порядку.

Допустим, кантианский либертарианец выбирает интернализм. В таком случае самопри-

¹¹ О кантианских взглядах на проблему тождества личности также см.: (Korsgaard, 1989).

non-reflexive relation. Accordingly, the word “self-ownership” is understood by externalists metaphorically: in the strictest sense, the person does not own herself, but a body external to her.

Libertarian externalists may consider it an advantage of their theory that it seems close to Kant’s own ideas. For example, Kant views human nature dualistically. It contains both a phenomenal component associated with the physical body and a noumenal component associated with reason and the moral law (Gadzhikurbanov, 2023, pp. 12-16). Internalists who are composite dualists may defend themselves by saying that this dual view of human nature is compatible with theirs as well. Internalists who are reductive physicalists may acknowledge that their position differs from Kant’s, but not regard this difference as a shortcoming of their theory. For example, they may be sympathetic to the idea of naturalizing Kantian ethics, which would involve abandoning the metaphysical aspects of Kant’s theory while retaining its ethical content (Kitcher, 2022).¹¹

The Kantian Dilemma for Libertarians

At this point, we can formulate a dilemma that undermines attempts to ground self-ownership in the categorical imperative. As we have seen, libertarians can choose between two views of the relation between body and person: internalist and externalist. Both options block the derivation of self-ownership from the categorical imperative. Let’s consider them in turn.

Suppose a Kantian libertarian chooses internalism. In this case, self-ownership is incom-

¹¹ For Kantian views on the problem of personal identity, see also Korsgaard (1989).

надлежность несовместима с категорическим императивом, потому что предполагает самоинструментализацию. Ведь самопринадлежность предполагает отношение к своему телу как к инструменту, который может быть использован любым способом, кажущимся подходящим его владельцу. И если тело является частью личности, то такое инструментальное отношение к своему телу также предполагает инструментальное отношение к своей личности. Однако категорический императив запрещает инструментальное отношение не только к другому, но и к самому себе, поскольку каждый обладает равной внутренней ценностью.

На это можно возразить, что формулировка человечности вовсе не запрещает инструментализацию полностью. К другому можно относиться как к средству, если к нему при этом также относятся как к цели. Если формулировка человечности должна использоваться симметрично по отношению к себе и к другому, то она также должна позволять самоинструментализацию, когда она сочетается с признанием человечности как цели. Но тогда нам нужно выяснить, что в данном случае означает отношение к самому себе как к цели и совместимо ли такое отношение с самопринадлежностью.

Нозик предполагал, что человек обращается с другим как с просто средством лишь в том случае, если нарушает какие-либо деонтические ограничения против него *без его согласия* (Нозик, 2020, с. 54). Если Нозик прав в этом, то самоинструментализация невозможна, потому что против самого себя нельзя совершить какое-либо действие без своего согласия. Само совершение этого действия подразумевает согласие¹². Однако трактовка Нозиком инструментализации как действия без согласия явно неправдоподобна (ср.: Кан, 2024, с. 114).

¹² Можно возразить, что совершить действие против себя без своего согласия можно либо по принуждению, либо в результате утраты самоконтроля (например, в тяжёлом психозе). Однако я предполагаю, что в таких ситуациях либо нельзя сказать, что человек является субъектом собственного действия, либо нельзя вменять ему ответственность за эти действия.

patible with the categorical imperative because it presupposes self-instrumentalization. For self-ownership presupposes treating one's body as an instrument that can be used in any way that the owner deems appropriate. And if the body is part of the person, then such an instrumental attitude toward one's body also presupposes an instrumental attitude toward one's person. However, the categorical imperative prohibits an instrumental attitude not only toward another, but also toward oneself, since everyone has equal intrinsic value.

It may be objected that the formulation of humanity does not prohibit instrumentalization entirely. One can treat another as a means if one also treats her as an end. If the formulation of humanity is to be used symmetrically with respect to oneself and another, then it must also allow self-instrumentalization when it is combined with the recognition of oneself as an end. But then we need to clarify what treating oneself as an end means in this case and whether such an attitude is compatible with self-ownership.

Nozick assumed that one treats another as a mere means only if one violates some deontic constraint against her *without her consent* (Nozick, 1974, pp. 30-31). If Nozick is right about this, then self-instrumentalization is impossible, because one cannot perform any action against oneself without one's consent. The very performance of this action implies consent.¹² However, Nozick's interpretation of instrumentalization as pertaining only to non-consensual activity is clearly implausible (*cf.* Kahn, 2023, p. 491).

¹² One might argue that committing an act against oneself without one's consent is possible, either under coercion or as a result of a loss of self-control (for example, in severe psychosis). However, I suggest that in such situations either one cannot say that the person is the author of her own actions, or one cannot hold the person responsible for her actions.

Представим двух человек, Марка и Матвея. Марк — менеджер в компании, куда Матвей нанимается на работу. Ко всем потенциальным работникам Марк относится чисто инструментально, рассматривая их просто как средства для максимизации прибыли. Поэтому, пытаясь сэкономить на оплате труда молодых сотрудников, Марк предлагает соискателям без опыта работы заработную плату значительно ниже рыночной. И поскольку Матвей слишком молод и незнаком с актуальными реалиями на рынке труда, он соглашается на эту заработную плату. Марк, очевидно, относится к Матвею как простому инструменту и не проявляет должного уважения. Тот факт, что Матвей добровольно согласился на эту заработную плату, никак не умаляет несправедливости действий Марка и их инструментализирующего характера.

На это можно ответить, что согласие Матвея не является действительным, потому что оно не было информированным. Но представим тогда, что Матвей знает о рыночной стоимости своего труда, однако продолжает работать на Марка просто потому, что у него низкая самооценка и он чувствует себя недостойным большего. Хотя согласие Матвея в этом случае является информированным, действия Марка по-прежнему остаются неуважительными и инструментализирующими. При этом не только Марк в этой ситуации недостаточно уважает Матвея, но и сам Матвей проявляет недостаточное самоуважение (ср.: Морозов, 2024б, с. 38–39).

Таким образом, инструментализацию нельзя определить через отсутствие согласия, даже если часто одно сопутствует другому. Более перспективная трактовка формулировки человечности состоит в том, что своими действиями мы должны содействовать целям, как своим, так и чужим (AA 04, S. 430; Кант, 1994б, с. 207; Saunders et al., 2024). Разумно предполагать, что категорический императив велит содействовать не просто любым частным целям, а *конечным* целям. Кант обсуждает две основные такого рода цели: счастье и совершенство (Wood,

Imagine two people, Mark and Matthew. Mark is a manager at the company where Matthew is applying for a job. Mark treats all potential employees purely instrumentally, viewing them simply as means for maximizing profits. Therefore, in an attempt to save on the wages of young employees, Mark offers applicants with no work experience a salary significantly below the market rate. And since Matthew is too young and unfamiliar with the current realities of the labour market, he agrees to this salary. Mark obviously treats Matthew as a mere instrument and does not show him due respect. The fact that Matthew voluntarily agrees to this salary in no way diminishes the unfairness of Mark's actions and their instrumentalizing nature.

To this, one might respond that Matthew's consent is not valid because it is uninformed. But imagine that Matthew knows the market value of his labour, but continues to work for Mark simply because he has low self-esteem and feels unworthy of more. Although Matthew's consent in this case is informed, Mark's actions are still disrespectful and instrumentalizing. Not only does Mark insufficiently respect Matthew in this situation, but Matthew himself also shows insufficient self-respect (cf. Morozov, 2024b, pp. 38-39).

Thus, instrumentalization cannot be defined by the absence of consent, even if one often accompanies the other. A more promising interpretation of the formulation of humanity is that we must promote ends, both our own and others', through our actions (GMS, AA 04, p. 430; Kant, 2002, p. 48; Saunders et al., 2024). It is reasonable to assume that the categorical imperative commands the promotion of not just any ends, but *ultimate* ends. Kant discusses two main ultimate ends: happiness and perfection (Wood, 2006, p. 70). In this matter, he recognizes a certain asymmetry between the attitude towards oneself and the attitude to-

2006, p. 70). В этом вопросе он признаёт определенную асимметрию между отношением к себе и отношением к другому. По Канту, у каждого есть обязательство содействовать счастью других, но не своему собственному. Однако у каждого есть обязательство содействовать собственному совершенству, но не совершенству других.

На первый взгляд, здесь кантовская позиция совместима с самопринадлежностью. Поскольку у людей нет обязанности содействовать собственному счастью, они имеют право вредить самим себе, пока они стремятся к нравственному совершенству, которое требует от них уважать права других. При этом Кант отвергает обязанность содействовать совершенству других, потому что для нравственного совершенства люди должны иметь как моральную, так и личную автономию. Самопринадлежность, как обсуждалось выше, может рассматриваться как необходимое условие обоих видов автономии. При этом самопринадлежность в принципе может быть чувствительной к обязательствам, а потому не исключает обязанность содействовать счастью других.

Однако в действительности эта совместимость обманчива. Во-первых, сам Кант считает, что обязанность содействовать собственному совершенству касается не только нравственного совершенства, но и реализации своего потенциала (природное совершенство) (AA 06, S. 444; Кант, 1994а, с. 489). Это запрещает людям совершать с самими собой действия, которые препятствуют подобной самореализации, что несовместимо с самопринадлежностью.

Во-вторых, у нас есть хорошие основания отвергать кантовскую позицию по поводу обязанности содействовать собственному счастью на собственных кантовских основаниях. Кант вовсе не предполагал, что люди имеют право подрывать собственное счастье. Напротив, он просто считал, что все люди неизбежно стремятся к собственному счастью во всех своих действиях, а потому это не может быть для них обязанностью. Но, как кажется, Кант

wards others. According to Kant, everyone has a duty to promote the happiness of others, but not her own. Conversely, everyone has a duty to promote her own perfection, but not the perfection of others.

At first glance, Kant's view here is compatible with self-ownership. Since people have no duty to promote their own happiness, they are justified in harming themselves as long as they strive for moral perfection, which requires them to respect the rights of others. However, Kant rejects the duty to promote the perfection of others because moral perfection requires people to have both moral and personal autonomy. Self-ownership, as discussed above, can be viewed as a necessary condition for both types of autonomy. At the same time, self-ownership can in principle be duty-sensitive, and therefore does not exclude the duty to promote the happiness of others.

However, in reality, this compatibility is deceptive. First, Kant himself believes that the duty to promote one's own perfection concerns not only moral perfection, but also the realization of one's potential (natural perfection) (*MS TL*, AA 06, p. 444; Kant, 1991, p. 239). This prohibits people from doing things to themselves that hinder such self-realization, which is incompatible with self-ownership.

Second, we have good reason to reject Kant's position on the duty to promote one's own happiness on its own, Kantian grounds. Kant did not suggest that people have a right to undermine their own happiness. On the contrary, he simply thought that all people inevitably strive for their own happiness in everything they do, and so it cannot be a duty for them to do so. But Kant seems to have been mistaken about the inevitability of such striving. Some people, like Matthew in the example above, do not strive for happiness due to low self-esteem. Other people suffer from depression, weakness of will, and addictions. Finally,

заблуждался в неизбежности подобного стремления. Некоторые люди, подобно Матвею из примера выше, не стремятся к счастью из-за низкой самооценки. Другие люди страдают от депрессии, слабости воли и болезненных зависимостей. В конце концов, некоторые люди просто заблуждаются по поводу того, в чем состоит счастье¹³. Такие люди могут не совершать действий, которые способствуют их счастью, но если они обязаны стремиться к счастью других в силу присущей им внутренней ценности, то они также обязаны стремиться к своему собственному счастью (Kahn, 2022)¹⁴.

Если категорический императив налагает на людей обязанность содействовать собственному счастью, то он несовместим с самопринадлежностью. Ведь тогда категорический императив требует не совершать действий, которые подрывают собственное счастье, тем самым налагая на наши действия определенные «патерналистские» ограничения. На этом основании категорический императив может запретить, например, употребление наркотиков и проституцию, возможно, даже налагая на государство обязанность препятствовать подобным действиям. Это явно несовместимо с самопринадлежностью.

¹³ Даже если никакое точное знание о собственном счастье, с точки зрения Канта, невозможно, — это не имеет значения, и у нас нет оснований соглашаться с этим (см.: Arneson, 1999). Однако Кант в действительности был согласен с тем, что люди могут допускать ошибки по поводу содержания своего счастья. Счастье, согласно Канту, состоит в полном удовлетворении всех склонностей, однако иногда люди могут следовать отдельной склонности, подрывая свои возможности удовлетворения иных склонностей и, соответственно, лишая самих себя счастья (см.: AA 04, S. 399; Кант, 1994б, 168; ср.: AA 27, S. 1324; Кант, 2016б, с. 56).

¹⁴ Бринк предлагает другой аргумент в пользу подобной обязанности. Как он утверждает, у людей есть сильная склонность заботиться о своих детях, однако у людей есть также и моральное обязательство делать это. Даже если бы эта склонность была столь сильной, что все люди при любых обстоятельствах всегда заботились бы о своих детях, они все равно также были бы обязаны делать это. Аналогично, даже если у людей есть сильная склонность стремиться к собственному счастью, это не значит, что у них нет обязанности делать это (Brink, 2019, p. 12).

some people are simply mistaken about what happiness consists in.¹³ Such people may not take actions that promote their own happiness; but if they are obligated to strive for the happiness of others by virtue of their intrinsic value, then they are also obligated to strive for their own happiness (Kahn, 2022).¹⁴

If the categorical imperative imposes a duty on people to promote their own happiness, then it is incompatible with self-ownership. For then the categorical imperative requires us not to act in ways that undermine our own happiness, thereby imposing certain “paternalistic” constraints on our actions. On this basis, the categorical imperative might prohibit, for example, drug use and sex work, perhaps even imposing a duty on the state to prevent such actions. This is clearly incompatible with self-ownership.

One might object to this that, according to Kant, the value of happiness is not independent, but conditional and dependent on moral virtue (*V-NR/Feyerabend*, AA 27, p. 1321; Kant, 2016, p. 84; Bader, 2015). Therefore, we cannot have a separate duty to promote our own hap-

¹³ Even if no precise knowledge of one’s own happiness is possible, according to Kant, this does not matter, and we have no reason to agree with this (*cf.* Arneson, 1999). However, Kant actually agreed that people can make mistakes about the content of their happiness. Happiness, according to Kant, consists in the complete satisfaction of all inclinations; but sometimes, in pursuing a particular inclination, people thereby undermine their own ability to satisfy other inclinations and, accordingly, deprive themselves of happiness (*cf.* *GMS*, AA 04, p. 399; Kant, 2002, p. 15; *V-NR/Feyerabend*, AA 27, p. 1324; Kant, 2016, p. 87).

¹⁴ Brink offers another argument for such a duty. As he argues, people have a strong inclination to care for their children, but they also have a moral duty to do so. Even if this inclination were so strong that all people always cared for their children under all circumstances, they would still have a duty to do so. Similarly, even if people have a strong inclination to pursue their own happiness, this does not mean that they do not also have a duty to do so (Brink, 2019, p. 12).

Против этого можно возразить, что, согласно Канту, ценность счастья не является самостоятельной, она условна и зависит от нравственной добродетели (AA 27, S. 1321; Кант, 2016a, с. 78; Vader, 2015). Поэтому у нас не может быть отдельной обязанности содействовать собственному счастью, мы можем лишь стремиться к нравственному совершенству, которое делает нас достойными счастья. Но это возражение, кажется, исходит из ложной посылки, что нечто может быть нашей обязанностью лишь в том случае, если обладает безусловной ценностью. Почтальон, например, несет особое обязательство доставить все письма в срок, но ценность исполнения этой обязанности не является безусловной. Она зависит, в частности, от того, соблюдает ли почтальон свои общие моральные обязанности перед другими людьми. Он не может угнать чужую машину или угрозами заставлять других помогать ему разносить письма. Тем не менее условная ценность исполнения этой обязанности не означает, что почтальон вообще не несет никакого особого обязательства перед получателями писем.

Точно так же ценность счастья зависит от того, заслуживаем ли мы его. Но этот условный характер ценности счастья не означает, что у нас вообще нет никаких обязательств перед самими собой содействовать своему благополучию. В крайнем случае мы можем переформулировать обсуждаемую обязанность как долг содействовать собственному счастью *в той мере, в которой мы его достойны*. Это все еще несовместимо с самопринадлежностью, потому что предполагает, что по крайней мере нравственно добродетельные люди не имеют права подрывать свое счастье.

Теперь допустим, что кантианский либертарианец выбирает экстернализм. Поскольку он считает тело внешним ресурсом, его трактовка самопринадлежности сама по себе не предполагает самоинструментализацию. Однако в таком случае самопринадлежность просто не получится вывести из категорического императива. Кантианские либертарианцы утверждают, что самопринадлежность связана с запретом на

piness; we can only strive for the moral perfection that makes us worthy of happiness. But this objection seems to rest on the false premise that something can only be our duty if it has unconditional value. A postman, for example, has a special obligation to deliver all letters on time, but the value of fulfilling this duty is not unconditional. It depends, in particular, on whether the postman fulfils his general moral duties to others. He cannot steal someone else's car or threaten others into helping him deliver letters. However, the conditional value of fulfilling this duty does not mean that the postman has no special duty to the recipients of the letters at all.

Likewise, the value of happiness depends on whether we deserve it. But this conditional nature of the value of happiness does not mean that we have no obligation to ourselves to promote our own well-being. At the very least, we can reformulate the duty in question as a duty to promote our own happiness *to the extent that we deserve it*. This is still incompatible with self-ownership because it presupposes that at least morally virtuous people have no right to undermine their own happiness.

Now suppose that a Kantian libertarian chooses externalism. Since it regards the body as an external resource, this account of self-ownership does not imply self-instrumentalization. However, in this case, self-ownership simply cannot be derived from the categorical imperative. Kantian libertarians argue that self-ownership is tied to the prohibition against instrumentalizing the persons of others. But unless the body is at least part of the person, any assault on the body is not an assault on the person. It is simply an assault on some external resource, and even if such assaults are morally problematic, it cannot be

инструментализацию личностей других людей. Но если тело не является по крайней мере частью личности, то любые посягательства на тело не будут посягательствами на личность. Это просто покушение на некоторый внешний ресурс, и пусть даже подобные покушения морально проблематичны, нельзя сказать, что их запрет *прямо* следует из запрета обращаться с другими людьми как инструментами.

Рассмотрим пример, который приводит Эрик Мак (Mack, 2006, p. 109). Представим Елену, опытную и хорошо подготовленную альпинистку, отправившуюся в горный поход. Вопреки всем синоптическим прогнозам, с которыми Елена предусмотрительно ознакомилась, во время ее похода начинается снежная буря, к которой Елена не была готова. Она рискует умереть на морозе, если не найдет себе укрытие. К своему счастью, Елена натывается на закрытый горный коттедж, принадлежащий какому-то миллионеру. У Елены нет других способов спасти свою жизнь, кроме как нарушив права собственности этого миллионера. И если Елена так сделает, то она, очевидно, не использует миллионера просто как средство достижения своих целей. В конце концов, Елена также является носителем внутренней ценности, так что настоящей инструментализацией в этой ситуации был бы строгий запрет на вторжение в закрытый коттедж. Ведь тогда мы бы относились к Елене не как цели самой по себе, а как простому средству утверждения ценности прав собственности миллионера. Но права собственности ценны лишь инструментально, тогда как жизнь Елены ценна безусловно.

Таким образом, можно нарушить что-то права собственности на внешние ресурсы, не относясь к этому человеку как простому средству. И если тело — это просто внешний ресурс, то телесные права можно нарушать без того, чтобы инструментализировать собственника этого тела (ср.: Прокофьев, 2008). Соответственно, эти права не следуют напрямую из запрета инструментализации. В лучшем случае этот запрет оправдывает только очень слабые и чувствительные к фактам права собственности

said that their prohibition follows *directly* from the prohibition on treating other people as instruments.

Consider an example given by Eric Mack (2006, p. 109). Imagine Helen, an experienced and well-prepared mountain climber, setting out on a mountain hike. Contrary to all the weather forecasts which Helen had prudently consulted, a snowstorm begins during her hike, for which she is unprepared. She risks dying in the cold unless she finds shelter. Fortunately, Helen stumbles upon a locked mountain cottage belonging to a millionaire. Helen has no other way of saving her life except by trespassing on this millionaire's property rights. And if Helen does so, she is clearly not using the millionaire simply as a means to an end. After all, Helen also possesses intrinsic value: in this situation, a strict prohibition on her trespassing on the locked cottage would amount to the instrumentalization of Helen. It would be to treat Helen not as an end in herself, but as a simple means of affirming the value of the millionaire's property rights. However, property rights are valuable only instrumentally, whereas Helen's life is valuable unconditionally.

Thus, one can violate someone's property rights to external resources without treating that person as a mere means. And if the body is a mere external resource, then bodily rights can be violated without instrumentalizing the owner of that body (*cf.* Prokofyev, 2008). Accordingly, these rights cannot follow directly from the prohibition on instrumentalization. At best, this prohibition justifies only very weak and fact-sensitive property rights to the body (Lippert-Rasmussen, 2008, p. 90). But self-ownership is conceived by libertarians as a *fact-in-*

на тело (Lippert-Rasmussen, 2008, p. 90). Но самопринадлежность задумана либертарианцами как *нечувствительный к фактам* принцип (Carter, 2019, p. 96). Ведь только в таком случае владение собственным телом может обеспечить те спорные практические следствия, которые отстаивают либертарианцы.

Кантианская дилемма для либертарианцев, соответственно, состоит в следующем. Если они утверждают, что тело является частью личности, то они не могут вывести самопринадлежность из категорического императива, потому что это предполагает самоинструментализацию. Если они утверждают, что тело не является частью личности, то они не могут вывести самопринадлежность из категорического императива, потому что нарушение прав на внешние ресурсы возможно без инструментализации их владельца. В любом из двух случаев попытка кантианского обоснования самопринадлежности терпит неудачу.

Заключение

Многие либертарианцы хотели бы видеть Иммануила Канта в числе своих союзников. Но, как мы показали, эти надежды напрасны. Вторая формулировка категорического императива, даже если рассматривать ее изолированно от других формулировок, не дает надежного обоснования для самопринадлежности. Напротив, эта формулировка оправдывает обязанности перед самим собой, которые однозначно несовместимы с радикальным антипатернализмом самопринадлежности¹⁵.

В этой кантианской критике самопринадлежности легко угадываются черты известного антикоммодификационного аргумента против самопринадлежности (Anderson, 1993; Munzer, 1994; Radin, 2001; Satz, 2010; Sandel, 2012). Согласно ему, мы должны отвергнуть самопринадлежность, потому что она заставляет нас рассматривать собственное тело как просто

sensitive principle (Carter, 2019, p. 96). For only then can ownership of one's own body entail the controversial practical consequences that libertarians defend.

The Kantian dilemma for libertarians is thus as follows. If they claim that the body is part of the person, they cannot derive self-ownership from the categorical imperative because this presupposes self-instrumentalization. If they claim that the body is not part of the person, they cannot derive self-ownership from the categorical imperative because it is possible to violate rights to external resources without instrumentalizing their owner. In either case, the attempt at a Kantian justification of self-ownership fails.

Conclusion

Many libertarians would like to count Immanuel Kant among their allies. But, as we have seen, this hope is in vain. The second formulation of the categorical imperative, even when considered in isolation from the other formulations, does not provide a robust justification for self-ownership. On the contrary, it justifies duties to oneself that are clearly incompatible with the radical anti-paternalism of self-ownership.¹⁵

This Kantian critique of self-ownership tracks features of the famous anti-commodification argument against self-ownership (Anderson, 1993; Munzer, 1994; Radin, 2001; Satz, 2010; Sandel, 2012). According to this argument, we should reject self-ownership because it forces us to view our bodies as mere economic resources, obscuring our inherent, unconditional value. The reasoning we have presented allows us to better understand the moral intuitions underlying this influential objection. It also reinforces Kant's rejection of

¹⁵ О «кантианском патернализме» также см.: (Cholbi, 2002; Cholbi, 2013).

¹⁵ On "Kantian paternalism" see also Cholbi (2002; 2013).

экономический ресурс, затмевая присущую нам безусловную ценность. Представленное нами рассуждение позволяет лучше понять моральные интуиции, лежащие в основе этого влиятельного возражения. Оно также усиливает кантовское непринятие самопринадлежности, основанное на неререфлексивном характере владения собственностью. Это рассуждение предполагает, что владение собственностью — это двустороннее отношение между субъектом-собственником, который имеет внутреннюю ценность, и объектом-собственностью, который имеет лишь инструментальную ценность¹⁶. Потому в полном согласии с Кантом подобное отношение нельзя иметь к самому себе, но его также нельзя иметь к другим людям, вопреки кантовским взглядам на права в отношении жены, детей и слуг. Это не только позволяет лучше согласовать кантовскую позицию с распространенными сегодня моральными интуициями, но также помогает избежать либертарианского возражения, что ограничение неререфлексивности является произвольным и непоследовательным.

Более того, это рассуждение в определенном отношении лучше согласуется с теорией Канта, чем ее либертарианские реконструкции. Как подмечают ван дер Воссен и Кристмас, кантовская теория собственности несовместима с либертарианством, потому что либертарианцы рассматривают права собственности как естественные дополитические права. Напротив, хотя Кант признаёт наличие у людей естественных прав, конкретно права собственности в рамках его теории могут быть установлены только политической властью в гражданском состоянии (AA 06, S. 255–256; Кант, 1994а, с. 280–281;

¹⁶ Однако Корсгаард предполагает, что некоторые объекты также обладают внутренней, а не просто инструментальной ценностью. Например, это может быть сама природа или великие шедевры мирового искусства (Korsgaard, 2013). Даже если Корсгаард права в этом, это не подрывает представленный аргумент, потому что внутренняя ценность этих объектов показывает, что к ним также неуместно отношение, подразумеваемое либертарианскими правами собственности.

self-ownership, based on the non-reflexive nature of property ownership. This reasoning assumes that property ownership is a two-way relationship between the owning subject, who has intrinsic value, and the owned object, which has only instrumental value.¹⁶ Therefore, in full agreement with Kant, such a relationship cannot obtain with oneself; but, contrary to Kant's views on rights with respect to one's wife, children, and servants, it also cannot be held with others. Not only does this better align Kant's position with current moral intuitions, but it also helps avoid the libertarian objection that the non-reflexivity restriction is arbitrary and inconsistent.

Moreover, this reasoning is in some respects more consistent with Kant's theory than its libertarian counterparts. As van der Vossen and Christmas note, Kant's theory of property is incompatible with libertarianism because libertarians regard property rights as natural, pre-political rights. In contrast, although Kant acknowledges the existence of natural rights among individuals, property rights on his theory can only be established by political authority in the civil state (*MS RL*, AA 06, pp. 255-256; Kant, 1991, p. 77; Van der Vossen, 2015, p. 64; Christmas, 2021, p. 336; cf. Nagel, Murphy, 2004). This also explains why bodily rights cannot be explained in terms of property rights: people have rights to bodily integrity, independent of any conventions or state regulations, simply by virtue of having intrinsic value, whereas property rights must be established by a legitimate political authority.¹⁷

¹⁶ However, Korsgaard (2013) suggests that some objects also have intrinsic, rather than merely instrumental, value. For example, nature itself or the great masterpieces of world art. Even if Korsgaard is right about this, this does not undermine the argument presented, because the intrinsic value of these objects shows that they too are inappropriately treated in the way that libertarian property rights imply.

¹⁷ On natural law in Kant, see also Krouglov (2025).

Van der Vossen, 2015, p. 64; Christmas, 2021, p. 336; ср.: Nagel, Murphy, 2004). Это также объясняет, почему телесные права не могут быть объяснены через права собственности: люди обладают правами на телесную неприкосновенность вне зависимости от любых конвенций и государственных установлений просто в силу того, что обладают внутренней ценностью, тогда как права собственности требуют легитимной политической власти для своего установления¹⁷.

Однако кантианский либертарианец мог бы снова указать на сформулированные ранее негативный и позитивный аргументы в пользу самопринадлежности. Разве мы показали, что эти аргументы недействительны? Против негативного аргумента достаточно снова указать, что сам по себе этот довод не свидетельствует в пользу самопринадлежности, но лишь против рабовладения. Мы также можем усилить его, сказав, что раз морально неправильно рассматривать других людей как собственность, то столь же неправильно относиться таким образом к самому себе. Против позитивного аргумента мы можем указать, что личная и моральная автономия, необходимые для реализации категорического императива, необязательно требуют именно самопринадлежности. Для осуществления этих двух типов автономии достаточно либеральной концепции базовых прав в духе Ролза, которая не наделяет людей абсолютной свободой заниматься саморазрушительным поведением.

В завершение стоит отметить, что наше рассуждение не опровергает самопринадлежность как таковую, но лишь показывает, что один из популярных способов аргументации в ее пользу ошибочен. Этот принцип нельзя обосновать, опираясь на кантовские предпосылки. Но либертарианцы могут избрать себе другого влиятельного предшественника и строить свою аргументацию с опорой на него. Так, Оцука, Кристмас и ван дер Воссен противопоставляют кантианский и локкеанский подходы, отдавая предпочтение второму из них. В наши цели не

However, a Kantian libertarian might point again to the negative and positive arguments for self-ownership formulated earlier. Have we shown that these arguments are invalid? Against the negative argument, it is enough to point out again that this argument does not, in itself, defend self-ownership, but only prohibits slave ownership. We might strengthen this view further by asserting that since it is morally wrong to regard other people as property, it is equally wrong to regard oneself as such. Against the positive argument, we might point out that the personal and moral autonomy required to realize the categorical imperative do not necessarily require self-ownership. A liberal conception of basic rights in the spirit of Rawls, which does not grant people absolute freedom to engage in self-destructive behaviour, is sufficient to realize these two types of autonomy.

Finally, it is worth noting that our argument does not refute self-ownership as such, but only shows that one of the popular ways of arguing in its favour is mistaken. The self-ownership principle cannot be justified on the basis of Kantian premises. But libertarians can choose another influential predecessor and base their argument on that. Thus, Otsuka, Christmas, and van der Vossen contrast the Kantian and Lockean approaches, favouring the latter. It was not the goal of this article to refute all existing arguments for self-ownership, but I hope to have shown that the Kant-inspired argument, specifically, misses its mark.

Acknowledgments. I express my gratitude to Arina Cherepanova, Alexander Razin, Aslan Gadzhikurbanov, Evgeny Loginov, Artem Bese-din, Andrey Prokofyev, Olga Artemyeva, Anastasia Povecherova, Artem Iunusov, Timur Saev, Alexander Pavlov, Nikolai Afanasov, Alexander Pisarev,

¹⁷ О естественном праве у Канта также см.: (Круглов, 2025).

входило опровержение всех существующих аргументов в пользу самопринадлежности, но, надеюсь, нам удалось показать, что конкретно вдохновленный Кантом аргумент явно не достигает своей цели.

Благодарности. Выражаю благодарность Арине Черепановой, Александру Разину, Аслану Гаджигурбанову, Евгению Логинову, Артёму Беседину, Андрею Прокофьеву, Ольге Артемьевой, Анастасии Повечеровой, Артёму Юнусову, Тимур Саеву, Александру Павлову, Николаю Афанасову, Александру Писареву, Дмитрию Середе, Никите Бондаренко, анонимному рецензенту и участникам конференций «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска» (МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023) и «Современная практическая и прикладная философия» (Институт философии РАН, 2024) за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли в работе над этой статьей.

Список литературы

Артемьева О. В. Человеческое достоинство в моральном измерении // Философия и практика / отв. ред. А. А. Гусейнов, сост. Н. Б. Афанасов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 244–263.

Гаджигурбанов А. Г. Идея человечества в категорическом императиве Канта // Этическая мысль. 2023. Т. 23, № 2. С. 5–19. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-2-5-19>.

Кан С. Кант и вагонетка / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 112–119. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-2-112-119>.

Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994а. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Основоположения метафизики нравов / пер. с нем. Л. Д. Б. // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 153–246.

Кант И. Естественное право Фейерабенда. Введение / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016а. Т. 35, № 3. С. 75–81. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-3-7>.

Dmitry Sereda, Nikita Bondarenko, an anonymous reviewer, and the participants of the conferences “Philosophy in the 21st Century: New Strategies of Philosophical Search” (Lomonosov Moscow State University, 2023) and “Contemporary Practical and Applied Philosophy” (RAS Institute of Philosophy, 2024) for their useful comments and discussions that helped with this article.

References

Anderson, E. S., 1993. *Value in Ethics and Economics*. Cambridge: Harvard University Press.

Arneson, R. J., 1999. Human Flourishing versus Desire Satisfaction. *Social Philosophy & Policy*, 16(1), pp. 113-142. <https://doi.org/10.1017/S0265052500002272>

Artemyeva, O. V., 2024. Human Dignity in the Moral Dimension. In: A. A. Guseynov and N. B. Afanasov, eds. 2024. *Filosofiya i praktika [Philosophy and Practice]*. Moscow & St. Petersburg: Center for Humanities Initiatives, pp. 244-263. (In Rus.)

Attas, D., 2000. Freedom and Self-Ownership. *Social Theory and Practice*, 26(1), pp. 1-23. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20002615>

Audi, R. N., 2004. *The Good in the Right: A Theory of Intuition and Intrinsic Value*. Princeton: Princeton University Press.

Bader, R. M., 2015. Kantian Axiology and the Dualism of Practical Reason. In: I. Hirose and J. Olson, eds. 2015. *The Oxford Handbook of Value Theory*. New York: Oxford University Press, pp. 175-202. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199959303.013.0011>

Bardon, A., 2000. From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert. *Critical Review: A Journal of Politics and Society*, 14(4), pp. 481-501. <https://doi.org/10.1080/08913810008443570.29>

Block, W. E., 2003. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein. *Journal of Libertarian Studies*, 17(2), pp. 39-86.

Bojanowski, J., 2017. Why Kant Is Not a Moral Intuitionist. In: E. E. Schmidt and R. dos Santos, eds. 2017. *Realism and Anti-Realism in Kant's Moral Philosophy*. Berlin: De Gruyter, pp. 179-196. <https://doi.org/10.1515/9783110574517-008>

- Кант И. Естественное право Фейерабенда. Введение / пер. с нем. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016б. Т. 35, № 4. С. 56–62. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-4-4>.
- Китчер Ф. Нагурализируя Канта // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 1. С. 118–146. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-5>.
- Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18, № 3. С. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>.
- Логинов Е. В., Мерцалов А. В., Салин А. С., Чугайнова Ю. И., Юнусов А. Т. Прологомены к проблеме тождества личности // Финиковый Компот. 2018. № 13. С. 6–40. <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001>.
- Морозов К. Е. Нарушает ли перераспределение доходов категорический императив? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024а. Т. 9, № 3. С. 90–98. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-3-90-98>.
- Морозов К. Е. Является ли согласованная немоногамия этичной? // Проблемы этики. 2024б. № 13. С. 32–51.
- Морозов К. Е. Самопринадлежность и телесная целостность // Человек. 2025. Т. 36, № 2. С. 73–89. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020048>.
- Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. ; Челябинск : Социум, 2020.
- Повечерова А. В. Понятие морального чувства в этике Канта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 70–98. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3>.
- Прокофьев А. В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. № 5 (68). С. 60–90.
- Ротбард М. Этика свободы. М. : Скрипториум, 2019.
- Чалый В. А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Нозика // Кантовский сборник. 2014. № 2. С. 46–52. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-2-4>.
- Anderson E. S. Value in Ethics and Economics. Cambridge : Harvard University Press, 1993.
- Arneson R. J. Human Flourishing versus Desire Satisfaction // Social Philosophy & Policy. 1999. Vol. 16, № 1. P. 113–142. <https://doi.org/10.1017/S0265052500002272>.
- Attas D. Freedom and Self-Ownership // Social Theory and Practice. 2000. Vol. 26, № 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract20002615>.
- Audi R. N. The Good in the Right: A Theory of Intuition and Intrinsic Value. Princeton : Princeton University Press, 2004.
- Bader R. M. Kantian Axiology and the Dualism of Practical Reason // The Oxford Handbook of Value Theory / ed. by I. Hirose, J. Olson. New York : Oxford University Press, 2015. P. 175–202. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199959303.013.0011>.
- Brenkert, G. G., 1998. Self-Ownership, Freedom, and Autonomy. *The Journal of Ethics*, 2, pp. 27-55. <https://doi.org/10.1023/A:1009786331882>
- Brennan, J., 2020. Against the Moral Powers Test of Basic Liberty. *European Journal of Philosophy*, 28(2), pp. 492-505. <https://doi.org/10.1111/ejop.12497>
- Brink, D. O., 2019. Normative Perfectionism and the Kantian Tradition. *Philosophers' Imprint*, 19(45), pp. 1-28. Available at: <<http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0019.045>> [Accessed 20 July 2025].
- Bryan, B., 2019. Duty-Sensitive Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 264-283. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000487>
- Carter, I., 2019. Self-Ownership and the Importance of the Human Body. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 94-115. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000384>
- Chaly, V. A., 2014. Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory. *Kantian Journal*, 2, pp. 46-52. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2014-2-4> (In Rus.)
- Cholbi, M. J., 2002. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory. *Journal of Applied Philosophy*, 19(3), pp. 245-259. <https://doi.org/10.1111/1468-5930.t01-1-00221>
- Cholbi, M. J., 2013. Kantian Paternalism and Suicide Intervention. In: C. Coons and M. Weber, eds. 2013. *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 115-133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139179003.007>
- Christman, J., 1994. *The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195085945.001.0001>
- Christmas, B., 2021. Answering the Conventionalist Challenge to Natural Rights Theory. *Res Publica*, 27(3), pp. 329-345. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09476-y>
- Cohen, G. A., 1995. *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521270>
- Cudd, A. E., 2019. Connected Self-Ownership and Our Obligations to Others. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 154-173. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000402>
- Ellerman, D., 2010. Inalienable Rights: A Litmus Test for Liberal Theories of Justice. *Law and Philosophy*, 29, pp. 571-599. <https://doi.org/10.1007/s10982-010-9076-8>
- Exdell, J., 1977. Distributive Justice: Nozick on Property Rights. *Ethics*, 87(2), pp. 142-149. <https://doi.org/10.1086/292025>

- Bardon A. From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert // *Critical Review: A Journal of Politics and Society*. 2000. Vol. 14, № 4. P. 481–501. <https://doi.org/10.1080/08913810008443570.29>.
- Block W. E. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein // *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol. 17, № 2. P. 39–86.
- Bojanowski J. Why Kant Is Not a Moral Intuitionist // *Realism and Anti-Realism in Kant's Moral Philosophy* / ed. by E. E. Schmidt, R. dos Santos. Berlin : De Gruyter, 2017. P. 179–196. <https://doi.org/10.1515/9783110574517-008>.
- Brenkert G. G. Self-Ownership, Freedom, and Autonomy // *The Journal of Ethics*. 1998. Vol. 2. P. 27–55. <https://doi.org/10.1023/A:1009786331882>.
- Brennan J. Against the Moral Powers Test of Basic Liberty // *European Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 28, № 2. P. 492–505. <https://doi.org/10.1111/ejop.12497>.
- Brink D. O. Normative Perfectionism and the Kantian Tradition // *Philosophers' Imprint*. 2019. Vol. 19, № 45. P. 1–28. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0019.045>.
- Bryan B. Duty-Sensitive Self-Ownership // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, № 2. P. 264–283. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000487>.
- Carter I. Self-Ownership and the Importance of the Human Body // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, № 2. P. 94–115. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000384>.
- Cholbi M. J. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory // *Journal of Applied Philosophy*. 2002. Vol. 19, № 3. P. 245–259. <https://doi.org/10.1111/1468-5930.t01-1-00221>.
- Cholbi M. J. Kantian Paternalism and Suicide Intervention // *Paternalism: Theory and Practice* / ed. by C. Coons, M. Weber. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 115–133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139179003.007>.
- Christman J. The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership. Oxford : Oxford University Press, 1994. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195085945.001.0001>.
- Christmas B. Answering the Conventionalist Challenge to Natural Rights Theory // *Res Publica*. 2021. Vol. 27, № 3. P. 329–345. <https://doi.org/10.1007/s11158-020-09476-y>.
- Cohen G. A. Self-Ownership, Freedom, and Equality. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521270>.
- Feser, E., 2000. Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*, 5(2), pp. 219-235.
- Feser, E., 2005. Self-Ownership and Personal Identity. *Social Philosophy & Policy*, 22(2), pp. 100-125. <https://doi.org/10.1017/s0265052505052052>
- Frederick, D., 2014. Voluntary Slavery. *Las Torres de Lucca: Revista Internacional de Filosofía Política*, 3(4), pp. 115-137.
- Gadzhikurbanov, A. G., 2023. The Idea of Humanity in Kant's Categorical Imperative. *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 23(2), pp. 5-19. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-2-5-19> (In Rus.)
- Grunebaum, J. O., 2000. Autonomous Ownership. In: P. Vallentyne and H. Steiner, eds. 2000. *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. New York: Palgrave, pp. 48-73.
- Kahn, S. J. M., 2022. Kant and the Duty to Promote One's Own Happiness. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 65(3), pp. 327-338. <https://doi.org/10.1080/0020174x.2018.1446047>
- Kahn, S. J. M., 2023. Kant and the Trolley. *The Journal of Value Inquiry*, 57(3), pp. 487-497. <https://doi.org/10.1007/s10790-021-09838-6>
- Kant, I., 1991. *The Metaphysics of Morals*. Edited and translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Groundwork for the Metaphysics of Morals*. Edited and translated by A. W. Wood. New Haven: Yale University Press.
- Kant, I., 2016. Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend. Translated by K. R. Westphal. In: F. Rauscher, ed. 2016. *Kant: Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 81-180. <https://doi.org/10.1017/9781139046237.006>
- Kershner, S., 2003. A Liberal Argument for Slavery. *Journal of Social Philosophy*, 34(4), pp. 510-536. <https://doi.org/10.1111/1467-9833.00198>
- Kitcher, P., 2022. Naturalising Kant. *Kantian Journal*, 41(1), pp. 118-146. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-1-5>
- Korsgaard, C. M., 1989. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit. *Philosophy & Public Affairs*, 18(2), pp. 103-131.
- Korsgaard, C. M., 1993. The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction Between Agent-Relative and Agent-Neutral Values. *Social Philosophy & Policy*, 10(1), pp. 24-51. <https://doi.org/10.1017/s0265052500004003>

Cudd A.E. Connected Self-Ownership and Our Obligations to Others // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, №2. P. 154–173. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000402>.

Ellerman D. Inalienable Rights: A Litmus Test for Liberal Theories of Justice // *Law and Philosophy*. 2010. Vol. 29. P. 571–599. <https://doi.org/10.1007/s10982-010-9076-8>.

Exdell J. Distributive Justice: Nozick on Property Rights // *Ethics*. 1977. Vol. 87, №2. P. 142–149. <https://doi.org/10.1086/292025>.

Feser E. Taxation, Forced Labor, and Theft // *The Independent Review*. 2000. Vol. 5, №2. P. 219–235.

Feser E. Self-Ownership and Personal Identity // *Social Philosophy & Policy*. 2005. Vol. 22, №2. P. 100–125. <https://doi.org/10.1017/s0265052505052052>.

Frederick D. Voluntary Slavery // *Las Torres de Lucca: Revista Internacional de Filosofía Política*. 2014. Vol. 3, №4. P. 115–137.

Grunebaum J.O. Autonomous Ownership // *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate* / ed. by P. Vallentyne, H. Steiner. N. Y. : Palgrave, 2000. P. 48–73.

Kahn S.J.M. Kant and the Duty to Promote One's Own Happiness // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 65, №3. P. 327–338. <https://doi.org/10.1080/0020174x.2018.1446047>.

Kershner S. A Liberal Argument for Slavery // *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34, №4. P. 510–536. <https://doi.org/10.1111/1467-9833.00198>.

Korsgaard C.M. Personal Identity and the Unity of Agency: A Kantian Response to Parfit // *Philosophy & Public Affairs*. 1989. Vol. 18, №2. P. 103–131.

Korsgaard C.M. The Reasons We Can Share: An Attack on the Distinction Between Agent-Relative and Agent-Neutral Values // *Social Philosophy & Policy*. 1993. Vol. 10, №1. P. 24–51. <https://doi.org/10.1017/s0265052500004003>.

Korsgaard C.M. The Sources of Normativity / ed. by O. O'Neill. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>.

Korsgaard C.M. Motivation, Metaphysics, and the Value of the Self: A Reply to Ginsborg, Guyer, and Schneewind // *Ethics*. 1998. Vol. 109, №1. P. 49–66. <https://doi.org/10.1086/233873>.

Korsgaard C.M. Personhood, Animals, and the Law // *Think*. 2013. Vol. 12, №34. P. 25–32. <https://doi.org/10.1017/S1477175613000018>.

Kukathas C. Libertarianism Without Self-Ownership // *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, №2. P. 71–93. <https://doi.org/10.1017/S0265052519000505>.

Korsgaard, C.M., 1996. *The Sources of Normativity*. Edited by O. O'Neill. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>

Korsgaard, C.M., 1998. Motivation, Metaphysics, and the Value of the Self: A Reply to Ginsborg, Guyer, and Schneewind. *Ethics*, 109(1), pp. 49-66. <https://doi.org/10.1086/233873>

Korsgaard, C.M., 2013. Personhood, Animals, and the Law. *Think*, 12(34), pp. 25-32. <https://doi.org/10.1017/S1477175613000018>

Krouglov, A.N., 2025. Kant and Hegel: Natural Law or Philosophy of Right? *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 18(3), pp. 40-56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56> (In Rus.)

Kukathas, C., 2019. Libertarianism Without Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 71-93. <https://doi.org/10.1017/S0265052519000505>

Kuznicki, J., 2016. Kantianism. In: A. R. Powell and G. Babcock, eds. 2016. *Arguments for Liberty*. Washington, DC: Cato Institute, pp. 87-122.

Lippert-Rasmussen, K., 2008. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body. *Philosophy & Public Affairs*, 36(1), pp. 86-118. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2008.00125.x>

Loginov, E. V., Mertsalov, A. V., Salin, A. S., Chugainova, Ju.I. and Iunusov, A. T., 2018. Prolegomena to Personal Identity Problem. *Date Palm Compote*, 13, pp. 6-40. <https://doi.org/10.24411/2587-9308-2018-00001> (In Rus.)

Mack, E., 1995. The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Lockean Proviso. *Social Philosophy & Policy*, 12(1), pp. 186-218. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004611>

Mack, E., 2006. Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation. *Social Philosophy & Policy*, 23(2), pp. 109-141. <https://doi.org/10.1017/S0265052506060195>

Mack, E., 2010. The Natural Right of Property. *Social Philosophy & Policy*, 27(1), pp. 53-78. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990033>

Mack, E., 2016. Natural Rights. In: A. R. Powell and G. Babcock, eds. 2016. *Arguments for Liberty*. Washington, DC: Cato Institute, pp. 49-85.

Morozov, K.E., 2024a. Is Income Redistribution a Violation of the Categorical Imperative? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 9(3), pp. 90-98. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-3-90-98> (In Rus.)

- Kuznicki J. Kantianism // Arguments for Liberty / ed. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC : Cato Institute, 2016. P. 87–122.
- Lippert-Rasmussen K. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body // Philosophy & Public Affairs. 2008. Vol. 36, № 1. P. 86–118. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2008.00125.x>.
- Mack E. The Self-Ownership Proviso: A New and Improved Locke Proviso // Social Philosophy & Policy. 1995. Vol. 12, № 1. P. 186–218. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004611>.
- Mack E. Non-Absolute Rights and Libertarian Taxation // Social Philosophy & Policy. 2006. Vol. 23, № 2. P. 109–141. <https://doi.org/10.1017/S0265052506060195>.
- Mack E. The Natural Right of Property // Social Philosophy & Policy. 2010. Vol. 27, № 1. P. 53–78. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990033>.
- Mack E. Natural Rights // Arguments for Liberty / ed. by A. R. Powell, G. Babcock. Washington, DC : Cato Institute, 2016. P. 49–85.
- Munzer S. An Uneasy Case Against Property Rights in Body Parts // Social Philosophy & Policy. 1994. Vol. 11, № 2. P. 259–286. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004519>.
- Nagel T. Libertarianism Without Foundations // The Yale Law Journal. 1975. Vol. 85, № 1. P. 136–149. <https://doi.org/10.2307/795521>.
- Nagel T., Murphy L. The Myth of Ownership: Taxes and Justice. Oxford : Oxford University Press, 2004. <https://doi.org/10.1093/0195150163.001.0001>.
- Narveson J. Libertarianism // The Blackwell Guide to Ethical Theory / ed. by H. LaFollette, I. Persson. Hoboken : Blackwell, 2013. P. 373–393.
- Olson E. T. The Human Animal: Personal Identity Without Psychology. Oxford : Oxford University Press, 1999. <https://doi.org/10.1093/0195134230.001.0001>.
- Olsthoorn J. Self-Ownership and Despotism: Locke on Property in the Person, Divine Dominion of Human Life, and Rights-Forfeiture // Social Philosophy & Policy. 2019. Vol. 36, № 2. P. 242–263. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000438>.
- Otsuka M. Libertarianism Without Inequality. Oxford : Clarendon Press, 2003. <https://doi.org/10.1093/019243956.001.0001>.
- Otteson J. R. Kantian Individualism and Political Libertarianism // The Independent Review. 2009. Vol. 13, № 3. P. 389–409.
- Quong J. Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck Egalitarian // The Journal of Political Philosophy. 2011. Vol. 19, № 1. P. 64–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2010.00376.x>.
- Morozov, K. E., 2024b. Is Consensual Non-Monogamy Ethical? *Problems of Ethics*, 13, pp. 32-51. (In Rus.)
- Morozov, K. E., 2025. Self-Ownership and Bodily Integrity. *The Human Being*, 36(2), pp. 73-89. <https://doi.org/10.31857/S0236200725020048> (In Rus.)
- Munzer, S. R., 1994. An Uneasy Case Against Property Rights in Body Parts. *Social Philosophy & Policy*, 11(2), pp. 259-286. <https://doi.org/10.1017/S0265052500004519>
- Nagel, T., 1975. Libertarianism Without Foundations. *The Yale Law Journal*, 85(1), pp. 136-149. <https://doi.org/10.2307/795521>
- Nagel, T. and Murphy, L., 2004. *The Myth of Ownership: Taxes and Justice*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195150163.001.0001>
- Narveson, J., 2013. Libertarianism. In: H. LaFollette and I. Persson, eds. 2013. *The Blackwell Guide to Ethical Theory*. Hoboken: Blackwell, pp. 373-393.
- Nozick, R., 1974. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.
- Olson, E. T., 1997. *The Human Animal: Personal Identity Without Psychology*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195134230.001.0001>
- Olsthoorn, J., 2019. Self-Ownership and Despotism: Locke on Property in the Person, Divine Dominion of Human Life, and Rights-Forfeiture. *Social Philosophy & Policy*, 36(2), pp. 242-263. <https://doi.org/10.1017/s0265052519000438>
- Otsuka, M., 2003. *Libertarianism Without Inequality*. Oxford: Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/0199243956.001.0001>
- Otteson, J. R., 2009. Kantian Individualism and Political Libertarianism. *The Independent Review*, 13(3), pp. 389-409.
- Povecherova, A. V., 2024. The Concept of Moral Sense in Kant's Ethics. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 70-98. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-3>
- Prokofyev, A. V., 2008. Kant, Deception, Use of Force... *Logos*, 5(68), pp. 60-90. (In Rus.)
- Quong, J., 2011. Left-Libertarianism: Rawlsian Not Luck Egalitarian. *The Journal of Political Philosophy*, 19(1), pp. 64-89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2010.00376.x>
- Radin, M. J., 2001. *Contested Commodities*. Cambridge: Harvard University Press.
- Rawls, J., 1996. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press.

- Radin M. J. *Contested Commodities*. Cambridge : Harvard University Press, 2001.
- Rawls J. *Political Liberalism*. N. Y. : Columbia University Press, 1996.
- Russell D. C. Embodiment and Self-Ownership // *Social Philosophy & Policy*. 2010. Vol. 27, № 1. P. 135–167. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990069>.
- Sandel M. J. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. N. Y. : Farrar Straus & Giroux, 2012.
- Satz D. *Why Some Things Should Not Be for Sale: The Moral Limits of Markets*. Oxford : Oxford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195311594.001.0001>.
- Saunders J., Slater J., Sticker M. Kant and Overdemandingness I: The Demandingness of Imperfect Duties // *Philosophy Compass*. 2024. Vol. 19, № 6. P. 1–13. <https://doi.org/10.1111/phc3.12998>.
- Schönecker D. Kant's Moral Intuitionism: The Fact of Reason and Moral Predispositions // *Kant Studies Online*. 2013. Vol. 1. P. 1–38.
- Smith G. H. Immanuel Kant's Theory of Justice // *Libertarianism.org*. 2016. URL: <https://www.libertarianism.org/columns/immanuel-kants-theory-justice> (дата обращения: 15.07.2025).
- Spafford J. Self-Ownership and the Duty to Assist // *Journal of Applied Philosophy*. 2022. Vol. 39, № 5. P. 857–869. <https://doi.org/10.1111/japp.12595>.
- Steiner H. *An Essay on Rights*. Oxford : Blackwell, 1994.
- Sunstein C. R., Thaler R. H. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron // *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70, № 4. P. 1159–1202. <https://doi.org/10.2307/1600573>.
- Suprenant C. W. Kant's Liberalism // *The Routledge Handbook of Libertarianism* / ed. by B. van der Vossen, J. Brennan, D. Schmidtz. N. Y. : Routledge, 2018. P. 68–76.
- Swinburne R. *Mind, Brain, and Free Will*. Oxford : Oxford University Press, 2013. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199662562.001.0001>.
- Taylor R. S. A Kantian Defense of Self-Ownership // *Journal of Political Philosophy*. 2004. Vol. 12, № 1. P. 65–78. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00191.x>.
- Taylor R. S. Self-Ownership and the Limits of Libertarianism // *Social Theory and Practice*. 2005. Vol. 31, № 4. P. 465–482. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract200531423>.
- Teuber A. Kant's Respect for Persons // *Political Theory*. 1983. Vol. 11, № 3. P. 369–392. <https://doi.org/10.1177/0090591783011003004.28>.
- Rothbard, M. N., 2016. *The Ethics of Liberty*. Auburn: Mises Institute.
- Russell, D. C., 2010. Embodiment and Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*, 27(1), pp. 135-167. <https://doi.org/10.1017/s0265052509990069>
- Sandel, M. J., 2012. *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. New York: Farrar Straus & Giroux.
- Satz, D., 2010. *Why Some Things Should Not Be for Sale: The Moral Limits of Markets*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195311594.001.0001>
- Saunders, J., Slater, J. and Sticker, M., 2024. Kant and Overdemandingness I: The Demandingness of Imperfect Duties. *Philosophy Compass*, 19(6), pp. 1-13. <https://doi.org/10.1111/phc3.12998>
- Schönecker, D., 2013. Kant's Moral Intuitionism: The Fact of Reason and Moral Predispositions. *Kant Studies Online*, 1, pp. 1-38.
- Smith, G. H., 2016. Immanuel Kant's Theory of Justice. *Libertarianism.org*. Available at: <<https://www.libertarianism.org/columns/immanuel-kants-theory-justice>> (Accessed 15.07.2025).
- Spafford, J., 2022. Self-Ownership and the Duty to Assist. *Journal of Applied Philosophy*, 39(5), pp. 857-869. <https://doi.org/10.1111/japp.12595>
- Steiner, H., 1994. *An Essay on Rights*. Oxford: Blackwell.
- Sunstein, C. R. and Thaler, R. H., 2003. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*, 70(4), pp. 1159-1202. <https://doi.org/10.2307/1600573>
- Suprenant, C. W., 2018. Kant's Liberalism. In: B. van der Vossen, J. Brennan and D. Schmidtz, eds. 2018. *The Routledge Handbook of Libertarianism*. New York: Routledge, pp. 68-76.
- Swinburne, R., 2013. *Mind, Brain, and Free Will*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199662562.001.0001>
- Taylor R. S., 2004. A Kantian Defense of Self-Ownership. *Journal of Political Philosophy*, 12(1), pp. 65-78. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2004.00191.x>
- Taylor, R. S., 2005. Self-Ownership and the Limits of Libertarianism. *Social Theory and Practice*, 31(4), pp. 465-482. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract200531423>
- Teuber, A., 1983. Kant's Respect for Persons. *Political Theory*, 11(3), pp. 369-392. <https://doi.org/10.1177/0090591783011003004.28>

Vallentyne P., Steiner H., Otsuka M. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried // *Philosophy & Public Affairs*. 2005. Vol. 33, № 2. P. 201–215. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2005.00030.x>.

Vallier K. Against Utilitarianism and Self-Ownership Defenses of Libertarianism // *Bleeding Heart Libertarians*. 2012. URL: <https://bleedingheartlibertarians.com/2012/02/against-utilitarianism-and-self-ownership-defenses-of-libertarianism/> (дата обращения: 15.07.2025).

Van der Vossen B. Imposing Duties and Original Appropriation // *The Journal of Political Philosophy*. 2015. Vol. 23, № 1. P. 64–85. <https://doi.org/10.1111/jopp.12029>.

Van der Vossen B. Property Rights // *The Routledge Companion to Libertarianism* / ed. by M. Zwolinski, B. Ferguson. N. Y. : Routledge, 2022. P. 120–134. <https://doi.org/10.4324/9780367814243-11>.

Van Parijs P. Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism? Oxford : Clarendon Press, 1997. <https://doi.org/10.1093/0198293577.001.0001>.

Varden H. Rawls vs. Nozick vs. Kant on Domestic Economic Justice // *Kant and Social Policies* / ed. by A. Faggion, A. Pinzani, N.S. Madrid. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 93–123. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42658-7_5.

Wendt F. The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property // *Social Theory and Practice*. 2022. Vol. 48, № 3. P. 583–605. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract2022531165>.

Wheeler III S. C. Natural Property Rights as Body Rights // *Noûs*. 1980. Vol. 14, № 2. P. 171–193. <https://doi.org/10.2307/2214859>.

Widerquist K. Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No. N. Y. : Palgrave, 2013. <https://doi.org/10.1057/9781137313096>.

Williams H. Kant and Libertarianism // *Kant on Practical Justification: Interpretive Essays* / ed. by M. Timmons, S. Baiasu. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 269–283. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395686.003.0012>.

Wood A. W. Kant's Practical Philosophy // *The Cambridge Companion to German Idealism* / ed. by K. Ameriks. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 57–75. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521651786.004>.

Zwolinski M. The Separateness of Persons and Liberal Theory // *The Journal of Value Inquiry*. 2008. Vol. 42, № 2. P. 147–165. <https://doi.org/10.1007/s10790-008-9107-y>.

Vallentyne, P., Steiner, H., Otsuka, M., 2005. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried. *Philosophy & Public Affairs*, 33(2), pp. 201-215. <https://doi.org/10.1111/j.1088-4963.2005.00030.x>

Vallier, K., 2012. Against Utilitarianism and Self-Ownership Defenses of Libertarianism. *Bleeding Heart Libertarians*. Available at: <<https://bleedingheartlibertarians.com/2012/02/against-utilitarianism-and-self-ownership-defenses-of-libertarianism/>> (Accessed 15.07.2025).

Van der Vossen, B., 2015. Imposing Duties and Original Appropriation. *The Journal of Political Philosophy*, 23(1), pp. 64-85. <https://doi.org/10.1111/jopp.12029>

Van der Vossen, B., 2022. Property Rights. In: M. Zwolinski and B. Ferguson, eds. 2022. *The Routledge Companion to Libertarianism*. New York: Routledge, pp. 120-134. <https://doi.org/10.4324/9780367814243-11>

Van Parijs, P., 1997. *Real Freedom for All: What (If Anything) Can Justify Capitalism?* Oxford: Clarendon Press. <https://doi.org/10.1093/0198293577.001.0001>

Varden, H., 2016. Rawls vs. Nozick vs. Kant on Domestic Economic Justice. In: A. Faggion, A. Pinzani and N. S. Madrid, eds. 2016. *Kant and Social Policies*. London: Palgrave Macmillan, pp. 93-123. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42658-7_5

Wendt, F., 2022. The Project Pursuit Argument for Self-Ownership and Private Property. *Social Theory and Practice*, 48(3), pp. 583-605. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract2022531165>

Wheeler III, S. C., 1980. Natural Property Rights as Body Rights. *Noûs*, 14(2), pp. 171-193. <https://doi.org/10.2307/2214859>

Widerquist, K., 2013. *Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No*. New York: Palgrave. <https://doi.org/10.1057/9781137313096>

Williams, H., 2013. Kant and Libertarianism. In: M. Timmons and S. Baiasu, eds. 2013. *Kant on Practical Justification: Interpretive Essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 269-283. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395686.003.0012>

Wood, A. W., 2006. Kant's Practical Philosophy. In: K. Ameriks, ed. 2006. *The Cambridge Companion to German Idealism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 57-75. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521651786.004>

Zwolinski, M., 2008. The Separateness of Persons and Liberal Theory. *The Journal of Value Inquiry*, 42(2), pp. 147-165. <https://doi.org/10.1007/s10790-008-9107-y>

Об авторе

Константин Евгеньевич **Морозов**, Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

Для цитирования:

Морозов К. Е. Самопринадлежность и категорический императив // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 81–109.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-3>

© Морозов К. Е., 2025.

The author

Konstantin E. Morozov, MA, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3677-801X>

To cite this article:

Morozov, K. E., 2025. Self-Ownership and the Categorical Imperative. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 81-109.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-3>

© Morozov K. E., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**ПОЧЕМУ ШПЕТ И ГУССЕРЛЬ
БЕСЕДОВАЛИ О КАНТЕ?
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)**

Т. Г. Щедрина^{1,2}, И. О. Щедрина³

В процессе работы с архивными материалами Густава Густавовича Шпета одним из авторов настоящей статьи были найдены тетради в черных обложках, в которых он в разное время вел записи (от самонаблюдения до предварительных формулировок мыслей, вошедших впоследствии в том или ином виде в опубликованные или подготавливаемые к публикации труды). В одной из таких тетрадей оказался «Дневник 1913 года», где содержатся очень краткие, написанные торопливым почерком заметки периода непосредственного общения Шпета с Эдмундом Гуссерлем, Львом Шестовым, Натальей Гучковой и др. Понимание смысла этой скорописи требует герменевтической реконструкции, включающей хронологическое сопоставление записей «Дневника 1913 года» с другими архивными материалами (Шпета и его собеседников), а также опубликованными в те годы произведениями Шпета и Гуссерля. Статья представляет результат герменевтической реконструкции одной записи, где приводится тема разговора – о Канте и феноменологии, – состоявшегося между Шпетом и Гуссерлем 30 (17) июня 1913 г. Авторы последовательно раскрывают возможные содержательные тематические пласты их интеллектуальной беседы, акцентируя внимание на «кантовской дилемме», «теории отражения», «психологизме», «чистом “я”», «действительности» и

¹ Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Российская Федерация, 105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4.

Поступила в редакцию: 07.06.2025 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-4

**WHY DID SHPET AND HUSSERL
TALK ABOUT KANT?
(BASED ON ARCHIVE MATERIALS)**

T. G. Shchedrina^{1,2} I. O. Shchedrina³

While working on the archive materials of Gustav Gustavovich Shpet, one of the authors of this article came across notebooks in black covers in which, over the years, he had made entries (ranging from self-observations to tentative formulations of his thoughts which became part in one form or another of works that were later published or prepared for publication. One such notebook was the “1913 Diary”, which contains hurried jottings belonging to the period when Shpet was in direct communication with Edmund Husserl, Lev Shestov, Natalia Guchkova and others. Understanding the meaning of these hasty notes requires hermeneutic reconstruction, including chronological comparison of the “1913 Diary” with other archive materials (dating from Shpet and his interlocutors) as well as the works of Shpet and Husserl published at that time. The article presents the results of the hermeneutic reconstruction of one entry which deals with the theme of the conversation about Kant and phenomenology that took place between Shpet and Husserl on 30 (7) June 1913. The authors sequentially uncover the possible thematic layers of their intellectual conversation, dwelling on such topics as “the Kantian dilemma”, “the reflection theory”, “psychologism”, “pure ego”, “reality” and “experience”. Each problem involves, in one way or another, their assessment of Kant’s philosophical journey (especially

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU).

1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russian Federation.

³ HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia.

Received: 07.06.2025.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-4

«опыте». При этом каждая проблема включает, так или иначе, их оценку кантовского пути в философии (особенно в теории познания). В качестве актуального современного контекста выступает философия и методология науки, поскольку «разговор» Шпета и Гуссерля позволяет сегодня переосмыслить такие важные проблемы этой области знания, как «человекообразность», «историзм» и преемственность.

Ключевые слова: Г. Шпет, Э. Гуссерль, И. Кант, феноменология, архив, реконструкция, философия науки, человекообразность

К «феноменологическому» периоду (1912–1914) интеллектуальной биографии Густава Густавовича Шпета можно отнести четыре из «Черных тетрадей»⁴. Первая тетрадь – это «Дневник 1913 года», во второй содержатся конспекты лекций и семинаров Э. Гуссерля⁵, а в третьей и четвертой – наброски, формулировки проблем и вопросов, которые он затем будет развертывать в тексты⁶.

В «Дневнике 1913 года» сохранилась запись от 30 (17) июня 1913 г.: «Вечер от восьми – у Гуссерля – Abendessen – I⁷ – Говорили о Канте и феноменологии» («Черная тетрадь 1», семейный архив Г. Г. Шпета). При чтении такого рода документа всегда задаешься вопросом: «А каков был смысл их разговора?» «О Канте и феноменологии» можно говорить очень по-разному. При чем разговор – это не только «возделывание» общего тематического поля, но и понимание

⁴ Заметим, что тетради в черном кожаном переплете Шпет и Хайдеггер покупали, вероятно, у одного производителя, но записывали в них разные мысли.

⁵ Первая и вторая тетради хранятся в семейном архиве Шпета, не нумерованы.

⁶ См.: ОР РГБ, ф. 718, оп. 6, ед. хр. 9 (нумерация всех тетрадей сплошная). Далее по тексту ссылки на листы именно из этих тетрадей будут даны в круглых скобках с указанием листа (Черные тетради, л. ...). Материалы «Черных тетрадей» готовятся нами к публикации.

⁷ Шпет был доволен этой беседой, о чем свидетельствует цифра I. Он каждый день отмечал свое душевное состояние (в зависимости от пережитого) по трехбалльной шкале. Цифра I – состояние отличное (душевный подъем).

in the theory of cognition). The modern context is provided by the philosophy and methodology of science, since the “conversation” between Shpet and Husserl throws new light on such key problems in the theory of knowledge as “human-sizedness”, “historicity” and continuity.

Keywords: Gustav Shpet, Husserl, Kant, phenomenology, archive, reconstruction, philosophy of science, human-sizedness

Four of the “Black Notebooks”⁴ can be referred to the “phenomenological” period of Shpet’s intellectual biography (1912–1914). The first is the “1913 Diary”, the second contains notes of the lectures and seminars of Edmund Husserl,⁵ and the third and fourth have sketches, formulations of problems and questions which would then be developed into texts.⁶

The “1913 Diary” has a note dated June 30 (17) which reads: “Evening from eight – at Husserl’s – Abendessen – I,⁷ talked about Kant and phenomenology” (“Black Notebook I”, Gustav Shpet Family Archive). Reading such a document, the question suggests itself, “What was the sense of their conversation?” One can talk about “Kant and phenomenology” in very many different ways. The conversation is not just “cultivation” of a common thematic field,

⁴ It is worth noting that Shpet and Heidegger probably purchased notebooks in black covers from the same producer, though the thoughts they wrote down in them were not the same.

⁵ The first and second notebooks are in the Shpet family archive, unnumbered.

⁶ See Manuscript Department, Russian State Library, f. 718, inv. 6, no. 9 (pages are numbered continuously through all the notebooks from the first one to the last). Elsewhere references from sheets of these very notebooks are given in round brackets with indication of the sheet (Black Notebooks, sheet...). We are in the process of preparing the “Black Notebooks” for publication.

⁷ Shpet was pleased with the conversation, as witnessed by the number I. He rated his mental state every day (depending on the day’s experience) on a three-point scale. The number I meant excellent state (spiritual uplift).

собеседниками (а значит, и исследователями) разности своих конкретных мировоззренческих и исторических контекстов. Поэтому, поставив в название статьи вопрос «почему?», мы тем самым хотели подчеркнуть философичность и принципиальную открытость ответов на него. И конечно, в силу того, что мы работали с архивными материалами Г. Г. Шпета, ответы на этот вопрос, предложенные нами, будут прежде всего фундированы именно его философской позицией и тем, как он понимал Канта, Гуссерля и его феноменологию того периода (позиция Гуссерля будет учитываться нами с опорой на те издания «Философии как строгой науки», «Логических исследований» и «Идей I», которые были доступны в тот момент, поскольку разговор состоялся в июне 1913 г.).

«Дневник 1913 года» это — сложная скорпись, попытка схватить в одном ключевом слове сиюминутное событие и в этом схватывании зафиксировать свое отношение к этим событиям, выраженным в переживаниях. Такого рода дневниковые записи требуют от исследователя особого — герменевтического — способа работы. Мы как бы достраиваем содержание их разговора, учитывая голоса других из общей для наших персонажей «сферы разговора», а также соотнося эти короткие заметки Шпета с записями из других его «Черных тетрадей», с опубликованными произведениями, подготовленными к публикации рукописями и эпистолярным наследием. Причем в процессе такой реконструкции мы не только исходим из того, что было значимо для наших исторических собеседников — Шпета и Гуссерля, но оцениваем волновавшие их проблемы также исходя из современного нам контекста. Именно наша современная ситуация «живого настоящего», обращенного в прошлое, дает нам возможность понять и оценить эпистемологический потенциал их интеллектуальной беседы и тем самым реконструировать ее современный смысл⁸.

⁸Подробнее об этих принципах см.: (Хайдеггер, 2012).

but awareness of the interlocutors (hence the researchers) of their different concrete world-views and historical contexts. So, by putting the question “why?” in the title of the article we wanted to stress the philosophical character and inherent openness of the answer. Needless to say, because we worked with Gustav Shpet’s archive materials, our answers to this question are based above all on his philosophical position and on how he understood Kant, Husserl and his phenomenology of that period (we proceed from the editions of *Philosophy As Rigorous Science*, *Logical Investigations*, and *Ideas I* which were available at that time, the conversation having taken place in June 1913).

“1913 Diary” is a complex piece of hasty writing, an attempt to capture in one key word a here-and-now event and fix one’s attitude towards the events expressed through experiences. Such diary entries demand from the researcher a special — hermeneutic — method of work. We top up, as it were, the content of their conversation, bearing in mind the voices of others in the “sphere of the conversation” that is shared by our protagonists. This correlates Shpet’s brief notes with entries in his other “Black Notebooks” with the published works, manuscripts prepared for publication and his letters. In the process of reconstruction we proceed not only from what was relevant for our historical interlocutors — Shpet and Husserl — but look at the problems that engaged their minds from the vantage point of today. The situation of “the living present” turned toward the past enables us to understand and evaluate the epistemological potential of their intellectual conversation and thus reconstruct its modern meaning.⁸

We want to answer the question raised in the title of this article proceeding from the context of the present-day philosophy of science. This is why we pay attention to what might

⁸For more on these principles see Heidegger (2001).

Мы хотим ответить на вопрос, поставленный в названии статьи, исходя из контекста современной философии науки, а потому обращаем внимание на то, что могло бы стать в этом ракурсе и для Гуссерля, и для Шпета основанием для разговора. Мы полагаем, что таким полем является современная им наука. Как и современная система научных дисциплин, немецкая наука в начале XX в. проходила период серьезных трансформаций. Разумеется, как характер этих трансформаций, так и их темп тогда и сейчас были различны. Однако одним из важнейших изменений было превращение науки в социальный институт. Этот процесс начинался на глазах Гуссерля и Шпета, исторически проследить динамику этого превращения мы продолжаем и сегодня.

Сегодня мы понимаем, что в классической теории познания исторический подход связывался с субъективизмом и релятивизмом. Так было и для наших героев. Поэтому Гуссерль в первом томе «Логических исследований» пытается найти выход из тупиков психологизма в логике, а в первой части второго тома связывает этот поиск с проблемой языка философской логики. «Необходимость начинать рассмотрение логики с рассмотрения языка, — писал он в первой фразе второго тома, — (с точки зрения логики как технического учения) признавалась неоднократно» (Гуссерль, 2024б, с. 15). И далее приводится позиция Милля, полагавшего, что «язык... это, безусловно, одно из основных орудий или средств мышления; и всякое несовершенство орудия или способа его употребления, по общему признанию, еще более, чем в других случаях, вносит беспорядок и препятствует процессу [мышления] и уничтожает всякое основание доверять его результатам» (Там же). Тут же Гуссерль уточняет, что «более глубокое основание необходимости начинать логику с анализа языка Милль видит в том, что иначе не было бы возможности исследовать значение утверждений — предмет, который являет исток самой нашей науки» (Там же). Тем самым

have prompted that conversation. We believe that the science of their time could have served as the ground for it. Like the modern system of science disciplines, German science in the early twentieth century was going through a period of serious transformations. Needless to say, the character and pace of these transformations then and now were different. Still, one of the main changes then and now is that science has become a social institution. Husserl and Shpet witnessed the beginning of this process, and we today continue to trace the historical dynamics of this transformation.

Today we understand that in the classical theory of knowledge the historical approach was associated with subjectivism and relativism. This is also true for our major historical figures. That is why Husserl in the first volume of *Logical Investigations* tries to find a way out of the blind alleys of psychologism in logic and in the first part of the second volume links it with the problem of the language of philosophical logic. “The necessity that we should begin logic with linguistic discussions”, he wrote in the first sentence of volume two, “has often been acknowledged from the standpoint of a logical technology” (Husserl, 2001a, p. 165). And he goes on to quote Mill who believed that “Language [...] is evidently one of the principal instruments or helps of thought; and any imperfection in the instrument, or in the mode of employing it, is confessedly liable, still more than in almost any other art, to confuse and impede the process, and destroy all ground of confidence in the result” (*ibid.*). Husserl hastens to point out that “A deeper ground for this necessity of beginning logic with linguistic analysis is seen by Mill in the fact that it would not otherwise be possible to investigate the meaning of propositions, a matter which stands ‘at the threshold’ of logical science itself” (*ibid.*). Thus, it can be said that Husserl considered the modes of expressing knowledge to be the cause

можно сказать, что Гуссерль видел проблемы современной ему науки в способах выражения познанного⁹. Не менее внимательно относился к происходящему в научном познании Шпет, но его интерес к «Логическим исследованиям», «Идеям I» и феноменологии в целом был фундирован «исторической проблемой», характерной для эпистемологического стиля русской интеллектуальной культуры. Поэтому вполне вероятно, что в ходе разговора они могли обсуждать «идею универсальной грамматики» в самом широком смысле и в этом контексте имя Канта могло возникнуть в связи с его понятием «чистого естествознания»: по крайней мере, именно таким путем двигался Гуссерль в первой части второго тома «Логических исследований» (Гуссерль, 2024б, с. 372).

В «Дневнике 1913 года» Шпет неоднократно упоминает имя Канта, когда хочет зафиксировать, с каким историческим собеседником он работает (чьи труды читает и анализирует). Судя по его плану работы 1912 г. (Густав Шпет..., 2005, с. 168), в июне 1913 г. Шпет мог писать главы второй части фундаментального труда «История как проблема логики»¹⁰ (где как раз речь идет о Канте в контексте Гуссерлевой феноменологии). Интересно также и то, что каждый раз возле имени Канта появлялась оценка переживаний «II», то есть Шпет, читая Канта, не был полностью удовлетворен (или своими ожиданиями, или своим способом выражения). Какого-либо обстоятельного анализа или содержательных оценок философии Канта мы не встретим здесь.

Зато в «Черных тетрадах» сохранились и содержательные заметки, касающиеся «кантовской дилеммы» (см. об этом: Щедрина, Щедрина, 2022) и ее истолкования в контексте феноменологического понимания. Вероятнее

⁹ Причем для нас важно, что Гуссерль по своим методологическим установкам принадлежал к кантовской модели философии языка. См.: (Михайлов, 2024).

¹⁰ Опубликована только в 2002 г., уточненная версия на основе детальной археографической работы — в 2016 г.

of the problems of science.⁹ Shpet was no less attentive to what was happening in scientific cognition, but his interest in *Logical Investigations*, *Ideas I* and phenomenology in general sprang from the “historical problem”, characteristic of the epistemological style of the Russian intellectual culture. It is quite possible that they discussed “the idea of a universal grammar” in the broadest sense and in that context Kant’s name may have cropped up in connection with his concept of “pure natural science”: at any rate, this was the path Husserl (2001b, p. 75) followed in the first part of volume two of *Logical Investigations*.

In the “1913 Diary” Shpet mentions Kant repeatedly each time he deems it necessary to indicate what kind of historical interlocutor he is engaged with (Shpet reads Kant’s works and analyses them). Judging from his work plan in 1912 (Shchedrina, 2005, p. 168), in June 1913 he may well have been writing chapters of part two of his fundamental work *History as a Problem of Logic*¹⁰ (in which he looks at Kant in the context of Husserl’s phenomenology). Interestingly, each time Shpet marks his experiences in connection with Kant as “II”, which means that when reading Kant Shpet was not entirely happy (about his expectations or his mode of expression). We do not find here any serious analysis or substantive assessments of Kant’s philosophy.

By contrast, the “Black Notebooks” contain substantive comments on the “Kantian dilemma” (cf. Shchedrina and Shchedrina, 2022) and its interpretation in the phenomenological context. Most probably this was the theme of the conversation “about Kant and phenomenology” between Shpet and Husserl, the theme Shpet then developed in <the Introduction>

⁹For our purpose it is important that Husserl’s methodological principles belonged to the Kantian model of the philosophy of language. Cf. Mikhailov (2024).

¹⁰Not published until 2002, the version verified through detailed archeographic work not until 2016.

всего, именно эта тема стала предметом разговора «о Канте и феноменологии» Шпета и Гуссерля, а затем Шпет развил ее во «Введении» ко второй части «Истории как проблемы логики»¹¹, где «кантовская дилемма» представлена именно в контексте феноменологии Гуссерля.

Так, сохранилась запись, датированная 20 (7) декабря 1912 г. (за полгода до реконструируемой беседы): «NB! В *Abbildtheorie*¹² важно вообще не то, есть понятие — образ или знак предмета (или «интуиции»), а то, соответствует ли понятие предметам или предмет понятиям. Тут суть и смысл! Тут и кантовская дилемма. Почему и возражения Гуссерля не против этой теории. Например, в ее “сути” он сам ее и разделяет» (Черные тетради, л. 261).

Чтобы пояснить эту запись Шпета, посмотрим, как он истолковывает «коперниканство» Канта во Введении ко второй части «Истории...», опираясь на кантовскую же формулировку «дилеммы»:

Наиболее ясно мысль Канта сформулирована им в предисловии ко второму изданию «Критики», где в формулировку входит и аргумент, направленный против одной из альтернатив: «...я принужден допустить одно из двух: или *понятия*, посредством которых я произвожу это определение предмета, сообразуются с предметом, и тогда я опять попадаю в

to the second part of the *History*,¹¹ in which the “Kantian dilemma” is discussed in the context of Husserl’s phenomenology.

Thus, an entry dated 20 (7) December 1912 (six months before the conversation being reconstructed here) reads: “NB! In *Abbildtheorie*¹² in general what is important is not whether the concept is an image or a sign of the object (or <intuition>) but *whether* it is the concept that corresponds to objects or the object to concepts. This is the gist and the meaning! This is the Kantian dilemma. Which is why Husserl’s objections are not to the theory. For example, he himself shares it in its “essence” (Black Notebooks, sheet 261).

To explain this entry of Shpet, let us see how he interprets Kant’s “Copernicanism” in the Introduction to the second part of the *History*, proceeding from the Kantian formulation of the “dilemma”:

Kant’s idea is most clearly formulated in the preface to the second edition of the *Critique* which contains also the argument against one of the alternatives: “[...] I can assume either that the *concepts* through which I bring about this determination also conform to the objects, and then I am once again in the same difficulty about how I could know anything about them *a priori*, or else I assume that the objects, or

¹¹ Эта гипотеза подтверждается, если сопоставить с этим «Введением» записи о Канте в «Черных тетрадях».

¹² *Abbildtheorie* («теория образов», «теория отображения», также: «теория репрезентации») — в немецкой философии это обозначение объединяет пласт вопросов теории познания, касающихся взаимоотношения «реальности» и «разума» (в зависимости от системы также: «интеллекта», «души», «психики», «сознания» и т.п.): а) онтологического *статуса* образов «реальности»; б) *способа получения* таких «образов» (иногда — в форме проблемы абстракции); в) их «адекватности» (то есть соответствия отображаемой реальности). В конце XIX — начале XX в. как неокантианство, так и феноменология Гуссерля отказываются от исходной модели теории образов, то есть от позиции, согласно которой предмет познания существует независимо от познающего субъекта, воздействует на него и отображается им. Подробнее см.: (Nieraad, 1970).

¹¹ The hypothesis is borne out by the comparison of this <Introduction> with the entry on Kant in the “Black Notebooks”.

¹² *Abbildtheorie* (“the theory of images,” also : “the theory of representation”) in German philosophy refers to the body of questions of the theory of cognition which have to do with the relation between “reality” and “reason” (depending on the system also: “intellect”, “soul”, “psyche”, “consciousness”, etc.): a) ontological *status* of the images of “reality,” b) *method of obtaining* such images (sometimes in the form of the problem of abstraction); c) their “adequacy” (i.e. conformity with the reality reflected). In the late nineteenth and the early twentieth centuries both Neo-Kantianism and Husserl’s phenomenology renounce the initial model of the theory of images whereby the object of cognition exists independently from the cognising subject, influences the latter and is reflected by the latter. For more detail see Nieraad (1970).

прежнее затруднение относительно того, как я могу a priori знать об этом что-нибудь, или, наоборот, предметы, т.е., что одно и то же, *опыт*, служащий единственным источником познания предметов (как данных), соотносится с этими понятиями». *Кант И.* <Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907>. С. 13 (Шпет, 2016, с. 23–24).

В контексте этого рассуждения из <Введения> ко второй части «Истории как проблемы логики» отчасти проясняется смысл приведенной записи Шпета из «Черных тетрадей». Но еще более четким он становится, если обратиться к «Логическим исследованиям» Гуссерля (к его рассуждениям о «теории отражения»), которые Шпет фактически и имеет в виду в той записи. Для Шпета важно, что Гуссерль не критикует теорию отражения как таковую, но показывает в первой части второго тома «Логических исследований» (Гуссерль, 2024б, с. 458) необоснованность ее фундамента. Эта концепция, по мнению Гуссерля,

полностью упускает из виду самый важный пункт, а именно что в акте представления как отражения (*im bildlichen Vorstellen*) на основе являющегося «объекта-образа» («Bildobjekt») мы имеем в виду отраженный (*abgebildet*) объект («основу образа» («Bildsujet»)). Однако образность (*Bildlichkeit*) объекта, функционирующего как образ, не есть, очевидно, [его] внутреннее свойство (не есть «реальный предикат»), как будто объект, как он, например, является шарообразным, является еще и образным. Каково же основание для того, что мы можем выйти за пределы данного лишь в сознании «образа» и отнести его в качестве образа к определенному объекту, который чужд сознанию? Указание на подобие между образом и вещью не продвинет нас дальше. Это подобие, по крайней мере если вещь действительно существует, без сомнения, имеет место как объективный факт (Там же, с. 458–459).

what is the same thing, the *experience* in which alone they can be cognized (as given objects) conforms to those concepts” *Kant I.* <Critique of Pure Reason. Translated [into Russian] by N. O. Lossky. St. Petersburg: Printed by M. M. Stasyulevich, 1907>. p. 13¹³ (Shpet, 2016, pp. 23-24).

This reasoning in the <Introduction> to the second part of *History as a Problem of Logic* goes some way to clarify the above-quoted entry of Shpet in the “Black Notebooks”. But the message becomes clearer still if we turn to Husserl’s *Logical Investigations* (his thoughts about “the theory of reflection”) which Shpet actually has in mind. It is important for Shpet that Husserl does not criticise the theory of reflection *per se*, but shows in the first part of the second volume of *Logical Investigations* (Husserl, 2001, p. 125) that its foundation is untenable. The concept, in Husserl’s opinion, entirely ignores a most weighty point: that in a representation by images the represented object (the original) is meant, and meant by way of its image as an apparent object. This representative character is, however, no “real predicate”, no intrinsic character of the object which functions as image: an object is not representative as, e.g., it is red and spherical. What therefore enables us to go beyond the image which alone is present in consciousness, and to refer to the latter as an image to a certain extraconscious object? To point to the resemblance between image and thing will not help. It is doubtless present, as an objective matter-of-fact, when the thing actually exists (*ibid.*).

In other words, the likeness of image and object as a necessary condition of cognition remains in phenomenology, but the understanding of the objects compared changes.

Whereas Kant, according to Shpet (2016, p. 26), ascribed its laws to objects “despotically” and hoped that his system of cognition

¹³ Cf. *KrV*, B XVII; Kant, 1998, p. 111.

Иными словами, подобие образа и предмета как обязательное условие познания остается в феноменологии, меняется понимание соотносимых предметностей.

И если Кант, как писал Шпет, предписывал предметностям «свои законы деспотически» (Шпет, 2016, с. 26) и надеялся, что построенная им система познания «навсегда сохранит... неизменность» (Кант, 1907, с. 21), то Гуссерль и Шпет уже отчетливо понимали пределы кантовского подхода, поскольку в собственной философской работе им приходилось постоянно опираться на передовые научные открытия своего времени, а также в целом на практику научных исследований тех лет, предполагавшую, что ученые постоянно имеют дело со сложными динамичными предметностями. Впрочем, к осознанию ограничений философии Канта оба философа приходили различными путями. Гуссерль шел к этому выводу, уточняя понятие логического (и, в частности, конкретизируя концепцию формальной логики¹³). Поэтому он согласен с Кантом в том, что «науки... искажаются, если дать сплестись их границам» (Гуссерль, 2024а, с. 34). Шпет приходит к осознанию ограниченности кантовского подхода, двигаясь от «неформальной логичности» истории как знания, и потому связывает большую заслугу Канта для решения проблемы познания с его формулировкой понятия «трансцендентальное» (Шпет, 2016, с. 20). Поскольку для Шпета и Гуссерля на передний план выходила именно логика (как особый язык, как способ выражения познания), постольку они не могли обойти вниманием и проблему истины, особенно на фоне меняющейся на их глазах науки. Однако для Шпета было уже очевидно еще и то обстоятельство, что жесткое различие рассудка и чувственности не дало Канту возможности понять целостное историческое познание как истинное.

¹³ См. об этом выступление И. А. Михайлова на круглом столе, посвященном изданию русского перевода «Логических исследований» Э. Гуссерля (Пружинин и др., 2025, с. 14).

would “henceforth maintain itself in [...] unalterability” (*KrV*, B XXXVIII; Kant, 1998, p. 120), Husserl and Shpet were aware of the limits of the Kantian approach because they, in their own philosophical work, constantly relied on advanced scientific discoveries of their time and generally on the practice of scientific research of those years which assumed that scientists constantly deal with complex dynamic objects. Having said that, the two philosophers arrived at the awareness of the limitations of Kant’s philosophy by different paths. Husserl came to this conclusion by tweaking the concept of the logical (in particular, by specifying the concept of formal logic¹⁴). He therefore agrees with Kant that “[w]e [...] rather subvert the sciences, if we allow their boundaries to run together” (Husserl, 2001a, p. 13). Shpet (2016, p. 20) becomes aware of the limitations of the Kantian approach proceeding from the “informal logic” of history as knowledge and therefore links Kant’s contribution to the solution of the problem of cognition with his formulation of the concept of the “transcendental”. Because for Shpet and Husserl logic (as a special language, a means of expressing knowledge) came to the fore, they could not sidestep the problem of truth, especially against the background of science that was changing before their eyes. However, Shpet already understood that a sharp distinction between reason and senses prevented Kant from regarding holistic historical cognition as being true cognition.

We should also keep in mind that at the time of the conversation we are here concerned with *Ideas I* had already been published: Shpet studied it closely and had started to “translate” them into his own philosophical thesaurus and creating his *Appearance and Sense*. Shpet perceived *Ideas I* in a somewhat different way than

¹⁴ Cf. the remarks of Igor A. Mikhailov at a round table devoted to the publication of the Russian translation of Husserl’s *Logical Investigations* (Pruzhinin et al., 2025, p. 14).

Следует также принять во внимание, что ко времени разговора, о котором здесь идет речь, «Идеи I» уже были опубликованы: Шпет их внимательнейшим образом изучил и начал творчески «переводить» в свой философский тезаурус, создавая таким образом «Явление и смысл». При этом Шпет воспринимал «Идеи I» несколько иначе, чем ученики Гуссерля, которые намного дольше, чем Шпет, общались с ним непосредственно до выхода этой книги. Многие из них восприняли «Идеи I» с непониманием и сомнением (см.: Мотрошилова, 2006). Роман Ингарден вспоминал:

На семинаре 1913/1914 гг. мы читали их [«Идеи I»] вместе с Гуссерлем и слушали его комментарии к этой книге. И там, на семинаре, возникло определенное удивление. Это было не то, что мы ожидали. Вдруг мы читаем такие положения <...>: «Если мы вычеркиваем чистое сознание, то мы вычеркиваем мир» (!); «Если нет чистого сознания, то нет и мира» (!). Гуссерль многие годы учил нас: назад, к вещам, к конкретному, не к абстрактному, не к теориям и т.д.! Ближе к конкретному! — таков был лозунг. Вместо этого в Идеях I мы встречаем обширные анализы сознания, анализы внешнего, трансцендентного восприятия, основанные на рассуждениях о том, что является реальной (reeler) частью сознания, а что не является таковой. Затем мы встречаем требование проведения «феноменологической редукции» до того, как мы приступим к анализу сущности «самих вещей», а к «самим вещам» следует подходить только окольным путем, а именно путем анализа сознания (Ингарден, 1999, с. 9).

У Шпета не было такого «горизонта ожидания», и он находился в несколько ином контекстуальном положении, что отчетливо проявилось в его книге «Явление и смысл»¹⁴, а значит,

¹⁴ По мнению Н. В. Мотрошиловой «Шпет был среди совсем немногих тогда последователей феноменологии Гуссерля, кого тоже вдохновляли “Логические исследования”, ибо он находил в раннем гуссерлевском сочинении немало основополагающих предпосылок для собственной философской работы, — и кому в то же время открылось фундаментальное значение и для феноменологии, и для философии в целом (относительно) новых гуссерлевских разработок» (Мотрошилова, 2006, с. 298).

Husserl’s disciples who communicated with Husserl for much longer than Shpet before the publication of his book. Many of them reacted to *Ideas I* with puzzlement and doubt (cf. Motroshilova, 2006). Roman Ingarden (2012, p. 28) recalled:

During the 1913/1914 seminar we read them [*Ideas I*] together with Husserl and listened to his comments on the book. There was a sense of bewilderment. This was not what we had expected. All of a sudden we read such propositions as [...]: “If we cross out pure consciousness we cross out the world” (sic!); “If there is no pure consciousness there is no world (sic!)”. For years Husserl taught us: back to things, to the concrete, not the abstract, not to theories and so on! Closer to the concrete! — this was his motto. Instead, in *Ideas I* we find rambling analysis of consciousness, analyses of external, transcendental perception based on what is and what is not a real (reeler) part of consciousness. Then we are told to conduct “phenomenological reduction” before we get down to analyzing the essence of “things themselves”, and that “things themselves” should be approached in a roundabout way, that is, through analysis of consciousness.¹⁵

Shpet did not have such a “horizon of expectation” and he was in a somewhat different contextual position which clearly manifested it-

¹⁵ Cf. “Wir haben sie [i.e. Ideen zu einer reinen Phänomenologie (Band 1)] zusammen mit Husserl im Seminar 1913/14 gelesen und haben dabei auch seine Kommentare zum Buch gehört. Und da entstand im Seminar ein gewisses Staunen. Es war nicht das, was wir erwartet hatten. Auf einmal lasen wir Sätze [...] wie: ‘Streichen wir das reine Bewußtsein, so streichen wir die Welt’ (!); ‘Gibt es kein reines Bewußtsein, so gibt es keine Welt’ (!). Husserl hat uns viele Jahre gelehrt: Zurück zu den Sachen, zum Konkreten, nicht Abstraktionen, Theorien usw.! An das Konkrete heran! — das war die Losung. Statt dessen trifft man in den Ideen I auf umfangreiche Analysen des Bewußtseins, der äußeren, [transzendenten] Wahrnehmung, auf Überlegungen, was reeller Teil des Bewußtseins ist und was kein solcher Teil von ihm ist. Und dann begegnet man der Forderung, vor der Analyse des [Wesens] der ‘Sachen selbst’ sei eine ‘phänomenologische Reduktion’ zu vollziehen, und zu den ‘Sachen selbst’ solle man erst auf einem Umwege, nämlich über die Analyse des Bewußtseins, kommen.”

такая позиция вполне могла оказывать влияние на его способы вопрошания в разговоре с Гуссерлем о Канте. Вспомним хотя бы эпизод с «чистым “я”», которое, как пишет Гуссерль в «Идеях I»,

живет в особом смысле во всяком актуальном cogito, однако и все переживания заднего плана принадлежат ему, а оно — им, и все они, принадлежа к одному и тому же — моему — потоку переживания, обязаны превращаться в актуальные cogitationes или же имманентно включаться в таковые; говоря языком Канта (не станем решать, в его ли смысле): «“Я мыслю” должно быть таким, чтобы оно могло сопровождать все мои представления».

Если после произведенного нами феноменологического выключения мира и принадлежащей к нему эмпирической субъективности у нас получается остаток — чистое «я» (если сделать здесь необходимые оговорки), причем для всякого потока переживаний принципиально отличное, то тогда, вместе с этим чистым «я», предлагается *своеобразная трансценденция*, — в известном смысле не конституированная, — *трансценденция в пределах имманентности* (Гуссерль, 2009, с. 178).

Шпет в «Явлении и смысле» предлагает следующее истолкование этого фрагмента¹⁵:

...интенциональность переживаний состоит именно в том, что сознание всегда есть сознание *чего-нибудь*, в самом общем значении восприятие есть восприятие *чего-нибудь*, суждение — суждение о *чем-нибудь*, оценка, любовь, деятельность и т.п., — все предполагает свое *что-нибудь*, на которое они направляются, все, что было обозначено выше, как cogito (Ideen... S. 168), которое (или так как

¹⁵ Здесь и далее, цитаты из «Явления и смысла» даны по изданию 2005 г., где текст сверен с личным шпетовским экземпляром, специально изготовленным М. А. Мамонтовым. Количество страниц в этом экземпляре в два раза больше, поскольку в нем содержатся пустые страницы для авторских дополнений и исправлений. В скобках даны ссылки на «Ideen I», сделанные Шпетом на полях карандашом.

self in *Appearance and Sense*,¹⁶ such that this position could well have influenced his queries in the conversation with Husserl about Kant. Suffice it to recall the “pure ego” episode, of which Husserl (1983, pp. 132-133) writes in *Ideas I*:

In every actional cogito the ego lives out its life in a special sense. But all mental processes in the background likewise belong to it; and it belongs to them. All of them, as belonging to the *one* stream of mental processes which is mine, *must* admit of becoming converted into actional cogitationes or incorporated into actional cogitationes as immanent constituents. In Kant’s words, “The ‘I think’ must be capable of accompanying all my presentations”.

If we retain a pure Ego as a residuum after our phenomenological exclusion of the world and of the empirical subjectivity included in it (and an essentially different pure Ego for each stream of mental processes), then there is presented in the case of that Ego a transcendency of a peculiar kind — one which is not constituted — a *transcendancy within immanency*.

Shpet in *Appearance and Sense* offers the following interpretation of this fragment¹⁷:

[...] the intentionality of mental processes consists precisely in the fact that consciousness is always consciousness of *something*. In its most general signification perception is the perception of *something*, a judgment is a

¹⁶ In Nelly V. Motroshilova’s view, “Shpet was at the time one of the very few followers of Husserl’s phenomenology who was also inspired by *Logical Investigations* because he found in Husserl’s early work not a few fundamental prerequisites of his own philosophical work — and *at the same time* (relatively) new works of Husserl turned out to have fundamental significance for phenomenology and for philosophy as a whole (Motroshilova, 2006, p. 298).

¹⁷ Here and elsewhere quotations from *Appearance and Sense* have been checked against the 2005 edition which has been checked against Shpet’s personal copy, specially prepared by Mikhail A. Mamontov. This copy has twice as many pages because it contains blank pages for author’s additions and corrections. References to *Ideen I* (Husserl, 1913) made by Shpet on the margins in pencil are in brackets.

оно) и есть не что иное, как особый модус интенционального, интенциональность *explicite* (*Ideen...* S. 235), *акт* в широком смысле. *Explicite* интенциональное переживание есть некоторый «совершенный» акт *cogito* или, пользуясь выражением Канта, «*ich denke*» (*Ideen...* S. 236), — во всяком актуальном *cogito* направляется «наш» взор на «нечто», предмет, вещь, обстоятельство и т.д. (*Ideen...* S. 169) (Шпет, 2005, с. 85–86).

В дальнейшем Шпет делает следующий шаг в сторону культурно-исторической трактовки «чистого сознания». Так, в «Сознании и его собственнике» (1916) он пишет:

...я есть, действительно, «вещь» среди вещей, и хотя оно не тождественно физической вещи, тем не менее совершенно точно оно выступает как *sui generis* трансцендентность. И Гуссерль сам говорит, что «чистое Я» ни в каком смысле не есть часть или момент переживания, не есть, следовательно, момент сознания, но тогда его можно характеризовать только как предметную трансцендентность. Гуссерль называет эту «своеобразную» трансцендентность «*трансцендентностью в имманентности*». Но уясняет ли сколько-нибудь дело это вычурное сочетание латинских слов? (Шпет, 2006, с. 298, ср.: Шпет, 2005, с. 88).

Понятно, что этот вопрос имеет здесь у Шпета риторический смысл, но он вполне мог его задать и в разговоре с Гуссерлем в 1913 г., когда в попытках Гуссерля отмежеваться от навязанной ему позиции «психологиста» увидел принципиальную социальную природу любой «чистой» вещи, а затем, вслед за Гегелем, истолковал «трансцендентность в имманентности» как «субъективированную объективность» / «объективированную субъективность», то есть понял, что «единство сознания» может быть как субъективным, так и коллективным (Шпет, 2006, с. 298). А то, что ученики Гуссерля восприняли в «Идеях I» как «поворот к идеализму» (Мотрошилова 2006, с. 295), Шпет расценивал как «эволюцию взглядов». И он это четко за-

judgment of *something*. Valuation, love, activity, etc. — all presuppose a respective *something* to which they are directed. Everything that was designated above as *cogito* (*Ideen...* S. 168), which (or since it) is nothing other than a special modus of the intentional, namely explicit intentionality (*Ideen...* S. 235), is an *act* in the broad sense. An explicit intensive mental process is a certain “effected” act of the *cogito*, or, to use an expression of Kant’s, of the “*ich denke*” (*Ideen...* S. 236). In every actional *cogito* “our” regard is directed to “something”, — an object, a thing, a circumstance, etc. (*Ideen...* S. 169) (Shpet, 1991, p. 56; cf. Shpet, 2005, pp. 85-86).

Subsequently Shpet takes another step toward a cultural-historical interpretation of “pure consciousness”. He writes in *Consciousness and Its Owner* (1916):

[...] the I is actually a “thing” alongside other things, although it is not the same as a physical thing. Nevertheless, it does precisely appear as a transcendence *sui generis*. Husserl himself says that the “pure Ego” is in no sense a part or moment of a lived experience. Consequently, it is not a moment of consciousness, but can be characterized then only as an objective transcendence. Husserl calls this “*peculiar*” transcendence a “*transcendence in immanence*”. But does this ornate combination of Latin terms provide any clarification of the matter? (Shpet, 2019, p. 191; cf. Shpet, 1991, p. 58)

Clearly, Shpet’s question here is rhetorical, but he may well have asked it in the conversation with Husserl in 1913, when, in Husserl’s attempts to distance himself from the position of a “psychologist” that had been imputed to him, he saw the fundamental nature of any “pure” thing and then, following Hegel, interpreted “transcendence in immanence” as “subjectivized objectivity” / “objectivized subjectivity”, i.e. realised that the unity of consciousness can be both subjective and collective (Shpet, 2006, p. 298). And Shpet considered

фиксирует в «Явлении и смысле»: «“Логических исследованиях”, где идея феноменологии еще не реализуется во всей своей определенности и законченности, Гуссерль скептически решает вопрос о “чистом Я”, в опыте обоснования феноменологии, при установлении того, что может быть подвергнуто редукции, он свой взгляд меняет» (Шпет, 2005, с. 87).

И наверняка в том разговоре (а может, и в другом, ведь, судя по «Дневнику 1913 года» и по письмам 1914 г. к жене, Шпет неоднократно был приглашен к Гуссерлям на обед¹⁶ и посещал собрания феноменологов у Бруно фон Хайстера¹⁷) Гуссерль мог поделиться со Шпетом своим огорчением по поводу того, что его «Логические исследования» не были поняты. И вот тогда соответствующие записи Шпета в «Черных тетрадах» следует рассматривать как попытки найти причины этого непонимания:

[Гуссерля упрекают в психологизме тоже.

А он сам даже отказывается от употребления в 1 издании термина «описательная психология», чтобы избежать недоразумений. И напрасно. Недоразумения возникли не из тер-

¹⁶ «Вчера был у Гуссерля два раза. Он очень занят, потому что — экзамены, но желает видеть меня все время свободное. Оба любезны очень. Говорили обо “всем”, немного и о моей книжке, — ему уже тут кое-что перевели и рассказали, но, видимо, не точно» (Густав Шпет..., 2005, с. 201); «Вчера опять был у Гуссерля, просидел весь вечер, но говорили больше “вообще”, потому что он был очень утомлен <...> Очень любопытно он рассказывал наблюдения (которые он даже записал, но чтобы было издано после смерти) над собственным творчеством. Он говорит, что может писать только, когда есть какое-то “наитие”, что, например, в его *Logische Untersuchungen* почти все написано по интуиции, только некоторые части он вставлял, чтобы вышло законченнее, и эти — самые неудачные» (Там же, с. 205); «Сейчас 6 часов и я только что вернулся от Гуссерля, а пошел к нему в 11 часов. Он читал мне свою статью о “Времени”, там обедал, потом говорили. Он хочет, чтобы я дал перевести книгу и прислал ему, он просмотрит, что не годится для немцев, и отметит. Но об этом поговорим. — Очень хорошо у него. Мы были большую часть в саду: *города ни капли*, даже воздух “вредный” для меня! Да, тут можно 90 лет жить и работать!» (Там же, с. 208–209).

¹⁷ Шпет фиксирует посещения собраний феноменологов у Бруно фон Хайстера в «Дневнике 1913 года».

what Husserl’s disciples saw in *Ideas I* as “a turn toward idealism” (Motroshilova 2006, p. 295), to be an “evolution of views”. He stated it clearly in *Appearance and Sense*: “In the *Logical Investigations*, where the idea of phenomenology is not yet realized in all of its determinateness and completeness, Husserl resolved the problem of the “pure Ego” in a skeptical manner. He changes his view in attempting to ground phenomenology by determining what can be subjected to reduction” (Shpet, 1991, p. 57).

And certainly in that conversation (and perhaps in another conversation, since, judging from the “1913 Diary” and the 1914 letters to his wife, Shpet was more than once invited to lunch with the Husserls¹⁸ and attended meetings of phenomenologists at Bruno von Heister’s¹⁹) Husserl may have shared with Shpet his dismay at the fact that his *Logical Investigations* had been misunderstood. If so, the corresponding entries in the “Black Notebooks” should be seen as attempts to get at the reasons for such misunderstanding:

¹⁸ “Was at Husserl’s twice yesterday. He is very busy because of exams, but he wants to see me whenever he is free. Both are very amiable. Talked about “everything”, a little bit about my book — they have translated and told him something, but apparently not accurately” (Shchedrina, 2005, p. 201); “Was at Husserl’s again yesterday, sat the whole evening, but talked mostly “in general” because he was very tired <...> He spoke very interestingly about his observations on his own work (which he even wrote down, but on condition that they should not be published until after his death). Says he can write only “on a whim”, for example, his *Logische Untersuchungen* was written almost entirely by intuition, he inserted only some parts to make it more complete, but these were the least happy parts (*ibid.*, p. 205); “It is 6 o’clock and I am just back from Husserl, and I left for his place at 11. He read to me his article about ‘Time’, he lunched there, then we talked. He wants me to have the book translated and send it to him. He will see what will not do for the Germans and mark it. But we’ll talk it over. — It’s very good to be at his place. We were in the garden most of the time: *not a drop of the city*, not even the air that is not good for me! Yes, one could live and work here for 90 years!” (*ibid.*, pp. 208-209).

¹⁹ Shpet writes about attending the meetings of phenomenologists at Bruno von Heister’s in his “1913 Diary”.

мина, а из непонимания ее, а новый термин многие также не понимают, как и этот. Кричат: психологизм, психологизм! — Во-первых, надо тщательно определить, что это значит, а во-вторых — и это главное — указать, что опасного в психологизме, тогда окажется, может быть, что и допущенные «психологизмы» еще не беда, так как они не «опасные». — Психологизм можно сказать и про арифметику, потому что 2 по-русски «два», а по-немецки «Zwei», но как же вне этих «zwei» и подобных говорить?]¹⁸ — Описывается пусть даже и «психологическое», но что значит Einklammerung¹⁹. Иная цель, чем в философии! Конечно, она на предметном «различии», но описание идет по цели: для философской теории или для феноменологии? (Черные тетради, л. 286).

Именно эту мысль в уточненном варианте Шпет позднее включает во вторую часть «Истории как проблемы логики»:

Гуссерля упрекают в психологизме, хотя он сам себя считает до такой степени в нем неповинным, что ему кажется, что стоит только устранить указание на то, что феноменология — описательная психология, и все недоразумения будут тем самым устранены тоже. Во втором издании своих «Логических исследований» он вычеркивает это определение. Конечно, напрасно: недоразумения возникли не из-за термина, а из-за непонимания, и всякий другой термин, как и основное заглавие «феноменология», могут быть так же не поняты, как это определение. Чтобы понять смысл упрека в психологизме, надо знать не только, что разумеют под этим, но в особенности надо указать, что опасного в психологизме, — тогда, может быть, окажется, что не все «психологизмы» опасны и что не всюду психологизм там, где кажется, что он есть, — ведь психологизм можно

¹⁸ Запись в квадратных скобках перечеркнута и к ней приведено указание: «А 11–12». При сравнении этой записи с рукописью, хранящейся в ОР РГБ (ф. 718, оп. 3, ед. хр. 1), выяснилось, что Шпет перенес запись из тетради с небольшими изменениями на указанные страницы. Ср. также в опубликованном варианте: (Шпет, 2016, с. 18).

¹⁹ Заключение в скобки (нем.).

[Husserl is also accused of psychologism. And he himself refrains from using the term “descriptive psychology” in the first edition to avoid misunderstandings. He needn’t have done that. Misunderstandings sprang not from the term, but from a failure to understand it, and many also misunderstand the new term like this one. They cry: psychologism, psychologism! — First, it is necessary to thoroughly define what it means, and secondly — and most importantly — to show what is wrong with psychologism, and then it may turn out that the “psychologisms” are no big deal because they are not “dangerous”. Psychologism can also be said about arithmetic because 2 in Russian is *dva* and in German *Zwei*, but how does one speak without these *zweis*?]²⁰ — What is described may even be “psychological” but what does *Einklammerung*²¹ mean? A different aim than in philosophy! Of course, it is an objective “difference” but description corresponds to the goal: for philosophical theory or for phenomenology? (“Black Notebooks”, sheet 286).

Shpet elaborates this idea later and includes it in part two of the *History as a Problem of Logic*:

Husserl is accused of psychologism although he considers himself to be so innocent of it that it is enough to withdraw the claim that phenomenology is descriptive psychology for all the misunderstandings to go away. In the second edition of his *Logical Investigations* he crosses out this definition. He did not need to do it of course: misunderstandings did not arise from the term but from a failure to understand, such that any other term, like the main title “phenomenology”, could just as well be misconstrued, like this definition. To understand the meaning of the charge of psychologism one has to know not only what is

²⁰ The note in square brackets is crossed out, with an indication “A 11–12”. A comparison of this entry with the manuscript kept at the Manuscript Department of the Russian State Library (f. 718, inv. 3, no. 1), has shown that Shpet had transferred the note from the notebook with slight changes to the pages indicated. Cf. also with the published version in Shpet (2016, p. 18).

²¹ “Putting in brackets” (German).

увидеть и в том, что «2» есть один раз «два», а другой — «zwei», и как же вне этих «zwei» и подобно говоря? (Шпет, 2016, с. 18)²⁰.

Исходя из проведенной реконструкции мы можем перевести тематику разговора Шпета и Гуссерля о Канте и феноменологии на язык современной нам философии науки. Принимая во внимание «кантовскую дилемму», «Abbildtheorie», а также проблемы психологизма и проблему «чистого “Я”», мы можем утверждать, что в центре их беседы фактически оказалась проблема действительности, то есть того, что есть и как это есть. Что есть «вещи» (предметы), к которым призывает вернуться Гуссерль²¹?

Нашу гипотезу подкрепляет еще одно архивное свидетельство: письмо Льва Исааковича Шестова, которое Шпет получил 22 октября 1913 г. В нем есть строки, имеющие прямое отношение к нашей реконструкции:

Что Гуссерль не доводит конца — это ведь a priori можно было знать. Для меня очевидно, что вопросы теории познания в этой плоскости не могут разрешиться. Недавно, по поводу одного рассуждения Аристотеля, я пересматривал «Критику Чистого Разума». И вдруг так мне ясно стало, когда я просматривал рассуждения Канта о Beharrlichkeit der Substanz, что в плоскости каких угодно понятий, иначе говоря, в пределах того, что мы фактически признаем «разумом», не может быть разрешения даже вопросов, относящихся к физике. Ведь то, что Канту казалось, — да и нам не так давно — немислимым, теперь на наших глазах стало мыслимым — когда открыли радий. Я уже не говорю про Einstein'a и Минковского. А раз так, раз немислимость противоположного ничего не доказывает, стало быть, тот residuum, о котором мечтает Гуссерль, бестеоретический — будет чисто формальным и, потому, не нужным (Густав Шпет..., 2005, с. 327)²².

²⁰ Оставшаяся часть записи из «Черной тетради» добавлена скорописью в сноску (Шпет, 2016, с. 18).

²¹ Этот вопрос Гуссерль задает в статье «Философия как строгая наука» (Гуссерль, 1911, с. 18).

²² В цитате исправлены ошибки, допущенные при расшифровке в первой публикации.

meant by it, but in particular to point out what makes psychologism *dangerous* — then perhaps it may turn out that not all “psychologisms” are dangerous and that psychologism does not necessarily exist where it seems to exist, for psychologism can be seen even in the fact that “2” is sometimes *dua* and sometimes *zwei* and how can one talk without these *zwei*'s? (Shpet, 2016, p. 18)²²

Proceeding from the above reconstruction, we can translate the theme of the conversation between Shpet and Husserl about Kant and phenomenology into the language of modern philosophical science. Keeping in mind the “Kantian dilemma”, *Abbildtheorie*, as well as the problems of psychologism and the “pure ego” we can safely say that the conversation in fact was focused on the problem of reality, i.e. on what exists and how it exists. What are the “things” (objects) to which Husserl urges us to go back?²³

Another piece of archival evidence that bolsters our hypothesis is the letter from Lev Shestov which Shpet received on 22 October 1913. It contains lines directly connected with our reconstruction:

What Husserl does not follow through to the end could be known *a priori*. To me it is obvious that the issues of the theory of cognition cannot be solved along *these* lines. Recently, I revisited the *Critique of Pure Reason* in connection with something from Aristotle. And it hit me, when I looked through Kant's reasoning about *Beharrlichkeit der Substanz*, that in connection with any kind of concepts, in other words, within what we *de facto* consider to be “reason”, there can be no resolution even of questions pertaining to physics. For what seemed to be inconceivable to Kant — and indeed to us until recently — has become conceivable before our

²² The remaining part of the entry from the “Black Notebook” has been added by hand to the footnote (Shpet, 2016, p. 18).

²³ Husserl asks this question in the article “Philosophy as a Rigorous Science” (Husserl, 1965, p. 97).

По контексту письма ясно, что Шпет рассказывал Шестову о своих разговорах с Гуссерлем, и рассуждение Шестова в письме — это отклик на их разговор. По крайней мере, в «Черных тетрадах» Шпета сохранилась запись о «постоянстве субстанции»:

Ссылка на постоянство субстанции как на источник постоянного действия верна, поскольку речь идет именно об источнике действия. Но это ничего не говорит о необходимости «закона». Напротив, предположение субстанции есть предположение самоисточника действия, что «необходимостью» отрицается. «Необходимость» есть именно *отрицание* понятия источника самодействия. Материя не имеет его и материя в <действительности> есть только абстракция. Необходимость, следовательно, не причинная здесь, как *постоянство*, как постоянный источник действия, а абстрактная, и притом, от причины к субстанции. Принцип причинности объявляет только, что действие *всегда* будет, а о закономерности не может говорить, раз основан на постоянстве субстанции. «Необходимости» отдельных законов причинных суждений не вытекают из принципа причинности. Они действительно суть «идеальные» образования. — Таким образом, закон и причинность разные <...> образования. Поэтому и естественно стремление позитивистов брать причинность только феноменологически, как необходимую последовательность (Черные тетради, л. 285).

Шестов не отвечает на вопрос, который мы поставили выше, он лишь проблематизирует «действительность» (или вещи / предметы) из контекста научных открытий того времени. Он указывает на нее, если выражаться современным языком, «человекообразный» характер (см.: Пружинин, Щедрина, 2025). А вот Шпет в «Явлении и смысле» отвечает на поставленный вопрос: вещи, к которым призывает нас вернуться Гуссерль, — это «вещи опыта».

eyes — when they discovered radium. Not to speak of Einstein and Minkovsky. If so, inconceivability of the opposite does not prove anything, hence the residuum Husserl dreams of, as non-theoretical — would be purely formal and therefore unnecessary (Shchedrina, 2005, p. 327)²⁴.

It is clear from the context of the letter that Shpet told Shestov about his conversations with Husserl and that Shestov's remarks in the letter were a reaction to their conversation. At least there is a note on the "permanence of substance" in Shpet's "Black Notebooks":

The reference to the permanence of substance as a source of constant action is valid because it has to do precisely with the source of action. But it says nothing about the necessity of the "law". On the contrary, the presumption of substance is a presumption of action as its own source, which is negated by "necessity". "Necessity" is precisely the *denial* of the concept of the source of self-action. Matter does not have it, and matter in <reality> is only an abstraction. "Necessity", then, is here not causal, like *permanence*, like a constant source of action, but abstract, and it goes from cause to substance. The causality principle merely declares that an act will *always* be, but it cannot speak about regularity since it is based on the permanence of substance. "Necessities" of individual laws of causal judgments do not follow from the principle of causality. They are "ideal" entities. Thus, the law and causality are different <...> entities. So, it is natural for positivists to see causality only phenomenologically as a necessary sequence (Black Notebooks, sheet 285).

Shestov does not answer the question we asked earlier, he merely problematises "reality" (or things/objects) from the context of scientific discoveries of his time. He points to what today would be called its "human-sizedness" (cf. Pruzhinin, Shchedrina, 2025). But Shpet in *Appear-*

²⁴ The quote corrects the errors that were made in deciphering the first publication.

Говоря о возможности для вещи быть предметом опыта, — рассуждает Шпет, представляя точку зрения Гуссерля, — мы имеем в виду не возможность, требуемую логическим законом противоречия, равно как и не каузально-субстанциальную обусловленность (*Ideen...* S. 89), а возможность самого действительного опыта, т.е. возможность, мотивированную в связях самого опыта. Пусть вещь не воспринимается нами в опыте актуально, но возможность быть предметом опыта обозначает для нее то, что она может войти в сферу актуальности, и стать данною; через мотивации связей опыта, она относится к неопределенному, но *определимому* горизонту актуального опыта (*Ideen...* S. 89), который всегда указывает и мотивирует, выходя за собственные пределы, новые возможные опыты и т.д. до бесконечности (*Ideen...* S. 90), — вещь, как предмет опыта, всегда есть вещь мира и «обстановки» (Шпет, 2005, с. 69).

Вот только сам Шпет понимает «опыт» не в кантовском смысле (как опыт субъекта), и даже не в гуссерлевском (как трансцендентальные (горизонтные) структуры возможного опыта, ведущие к смыслу), но как опыт исторический. Поэтому его вывод таков:

Таким образом, действительный мир, как и всякий возможный иной мир, мыслимы только в коррелятивном отношении к сознанию, — и это именно делает то, что феноменологическое исследование самого сознания никогда не остается *пустым*, а вместе с тем становится понятным, почему феноменологическое исследование мира действительно и других возможных миров не может быть смешиваемо с догматическим исследованием трансцендентных предметов, как это имеет место в специальных науках (Там же).

То есть для Шпета сознание всегда есть предмет «исторический», оно конкретно в этом смысле. Приведем еще одну, весьма показательную в этом отношении запись из «Черных тетрадей»:

ance and Sense does answer the question that has been put: the things to which Husserl calls us to return are “things of experience”. Representing Husserl’s viewpoint, Shpet (1991, p. 34) writes:

When we talk about the possibility of things being objects of experience, we have in mind not that possibility demanded by the logical law of non-contradiction nor do we have in mind causal-substantial conditionality (*Ideen...* S. 89). What we have in mind, rather, is the possibility of an actual experience itself, i.e., a possibility motivated in the concatenations of experience itself. Even if we do not apprehend a physical thing in experience at the present moment, the possibility of it being an object of experience denotes that it can enter into the sphere of being actually present and become given. Through the motivations of the concatenations of experience, the thing belongs to the undetermined but *determinable* horizon of actually present experience (*Ideen...* S. 89), which always points beyond and motivates, transgressing its own limits, to possible new experiences, etc. *ad infinitum* (*Ideen...* S. 90). A physical thing, taken as an object of experience, is always a physical thing of the world and of the “surroundings”.

Only, Shpet does not see “experience” in the Kantian sense (as experience of the subject) nor even in Husserl’s sense (as transcendental horizontal) structures of possible experience, leading to sense), but as historical experience. Hence his conclusion:

Thus the actual world, like any other possible world, is conceivable only in a correlative relationship to consciousness. This accounts for the fact that the phenomenological investigation of consciousness itself never remains *empty*. At the same time it is now understandable why the phenomenological investigation of the actual world and of other possible worlds cannot be confused with a dogmatic investigation of transcendent objects as happens in the specific sciences (*ibid.*).

Göttingen, Groner Ch., 22/I
1913 V 17 (4)

В том, что «материя», «материальный мир» — ничто, есть большая доля правды. Из этого «ничего» можно и кое-что *создать*, и оно само может явиться условием жизни и развития созидающего «духа». — Для этого нужно только признать, что *материя есть время* (но не Z — материя!). — Дух может существовать самобытно, из себя и через себя: пока он рассматривается в этом своем существовании — такое рассмотрение *индифферентно*. Но посмотрим на него, как на сознающего *себя*, — и это уже является условием, <чтобы> видеть его в его отношении к его «перед тем», к его «прошлому». Тогда и его сознание направляется на это прошлое, которое становится для него *объектом*. Но так как его (прошлого) уже *нет*, то оно ничто (= материя). — В этом смысле всякое наше изучение есть изучение самого духа в его прошлом: этот стол, дерево, и т.д. — мое прошлое, и как такое объект моего изучения. — Все познание есть познание прошлого, «история» — и все же дух стоит к этому прошлому как вечное (иначе не было бы и прошлого) и изучает себя в своей абсолютности через изучение этого прошлого в отношении к себе. — От того, что порожденное им прошлое стоит в отношении к нему, он не становится относительным, — это не движение А от Б, или обратно, — а порождение: рождающий же абсолютно рождает, и относителен только рожденный, следовательно, и дух был бы относительным, если бы был в свою очередь порожден, но он *causa sui* (Черные тетради, л. 281).

Уже тогда (в 1913 г.) Шпет фактически предвосхитил (увидел умственным взором) дальнейший путь Гуссерля к «жизненному миру» и историзму²³. И кто знает, может быть, именно

²³ Следует иметь в виду и то, что «историзм бывает в явном и неявном виде, и с ним также нужно разбираться в плане терминологии. Терминологический анализ исходит прежде всего из базисного различия, а именно, что одно и то же слово может выражать разные термины». См. выступление В. И. Молчанова на круглом столе, посвященном проблемам современной феноменологии (Пружинин и др., 2024, с. 9).

In other words, for Shpet consciousness is always a “historical” subject and in that sense is concrete. Let us cite one more telltale entry from the “Black Notebooks”:

Göttingen, Groner Ch., 22/I
1913 V 17 (4)

There is a large grain of truth in that “matter”, “the material world” are nothing. From this “nothing” something can be *created* and it may be the condition of the life and development of the creative “spirit”. All that is needed for this is to recognize *that matter is time* (but not Z is matter!). The spirit may exist by itself, out of itself and through itself: as long as it is contemplated in such existence, such contemplation is *indifferent*. But if we look at it as being conscious of *itself* — that is already a condition for seeing it in its relation to “before”, to its “past”. Then its consciousness is directed to the past, which becomes the *object* for it. But since it (the past) is no longer there it is nothing (= matter). — In that sense all our research is the research of the spirit itself in its past: this table, tree, etc. — my past, and as such an object of my research. — All cognition is cognition of the past, “history” — and yet the spirit relates to this past as eternal (otherwise there would be no past) and studies itself in its absoluteness through the study of the past in relation to itself. The fact that the past it has generated is related to it, does not make it relative, this is not movement from A to B, or back, this is generation: the generating generates absolutely and only the generated is relative, consequently, the spirit, too, was relative, and if it in turn were generated it is *causa sui* (“Black Notebooks”, sheet 281).

Already then (in 1913) Shpet effectively anticipated (in his mind’s eye) Husserl’s future journey toward the “life world” and historicism.²⁵ And who knows, perhaps this conversation with Shpet about “Kant and phe-

²⁵ It has to be borne in mind that “historicity can be overt or disguised and it could do with some sorting out of terminology. Terminological analysis recognises that one and the same word may express different terms”. See remarks by Viktor I. Molchanov at a round table devoted to the problems of modern phenomenology (Pruzhinin *et al.*, 2024, p. 9).

тот разговор со Шпетом о «Канте и феноменологии» позволил Гуссерлю задуматься о философско-методологических перспективах феноменологии.

Благодарности. Благодарим Игоря Анатольевича Михайлова за профессиональные консультации и критическое обсуждение первой редакции текста статьи. Исследование И. О. Щедриной осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. Кн. 1. С. 1–56.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. М. : Академический проект, 2009.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1 : Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейн ; под ред. С. Л. Франка ; новая ред. Р. А. Громова и В. И. Молчанова. М. : Академический проект, 2024а.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2, ч. 1 : Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В. И. Молчанова. М. : Академический проект, 2024б.

Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005.

Ингарден Р. Введение в феноменологию Гуссерля. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.

Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосского. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907.

Михайлов И. А. Кантианская и антикантианская философия языка // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 47–80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-4>.

Мотрошилова Н. В. Работа Густава Шпета «Явление и смысл» как веха в развитии русской феноменологии // Историко-философский ежегодник – 2006. М. : Наука, 2006. С. 294–305.

“phenomenology” prompted Husserl to spare a thought for philosophical-methodological prospects of phenomenology.

Acknowledgements. Thanks are due to Igor A. Mikhailov for his expert consultations and critical review of the first version of this article. The research of Irina O. Shchedrina was carried out as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

References

Heidegger, M., 2001. *Phenomenological Interpretations of Aristotle: Initiation into Phenomenological Research*. Translated by R. Rojcewicz. Bloomington: Indiana University Press.

Husserl, E., 1913. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1(1), pp. 1-323.

Husserl, E., 1965. Philosophy as Rigorous Science. In: Q. Lauer, ed. 1965. *Phenomenology and the Crisis of Philosophy*. New York: Harper & Row, pp. 71-147.

Husserl, E., 1983. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book: General Introduction to a Pure Phenomenology*. Translated by F. Kersten. The Hague: Martinus Nijhoff.

Husserl, E., 2001a. *Logical Investigations. Volume 1*. Edited by D. Moran, translated by J. N. Findlay. London: Routledge.

Husserl, E., 2001b. *Logical Investigations. Volumes 2*. Edited by D. Moran, translated by J. N. Findlay. London: Routledge.

Ingarden, R., 2012. Einführung in die Phänomenologie Edmund Husserls: Osloer Vorlesungen (1967). In: R. Ingarden, 2012. *Gesammelte Werke. Volume 4*. Edited by G. Haeffliger. Berlin: De Gruyter.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Mikhailov, I. A., 2024. Kantian and Anti-Kantian Philosophy of Language. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 47-80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-4>

Motroshilova, N. V., 2006. Gustav Shpet's Work "Appearance and Sense" as a Milestone in the Development of Russian Phenomenology. *History of Philosophy Yearbook 2006*, pp. 294-305. Moscow: Nauka. (In Rus.)

Пружинин Б. И., Артеменко Н. А., Белоусов М. А., Васильев В. В., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Резниченко А. И., Савин А. Э., Чернавин Г. И., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 5–39.

Пружинин Б. И., Артеменко Н. А., Белоусов М. А., Васюков В. Л., Коначева С. А., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Савин А. Э., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля. К выходу в свет первого полного перевода на русский язык (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2025. № 7. С. 5–36.

Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Человекоразмерность в современной науке // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 33–43.

Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / пер. с нем., предисл., науч. ред. Н. А. Артеменко. СПб. : Гуманитарная Академия, 2012.

Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избр. труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. С. 35–188.

Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2006. С. 264–310.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной / отв. ред.-сост., вступ. ст., реконструкция Т. Г. Щедрина ; коммент., археограф. работа Т. Г. Щедрина, И. О. Щедрина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2016.

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>.

Nieraad J. *Abbildtheorie* // *Historisches Wörterbuch der Philosophie* / hrsg. von J. Ritter. Basel : Schwabe & Co, 1970. Bd. 1 : A–C. Sp. 1–3.

Nieraad, J., 1970. *Abbildtheorie*. In: J. Ritter, ed. 1970. *Historisches Wörterbuch der Philosophie. Volume 1: A–C*. Basel: Schwabe & Co. Sp. 1-3.

Pruzhinin, B. I., Artemenko, N. A., Belousov, M. A., Vasiliev, V. V., Kurilovich, I. S., Mikhailov, I. A., Molchanov, V. I., Patkul, A. B., Reznichenko, A. I., Savin, A. E., Chernavin, G. I., Shestova, E. A. and Shchedrina, T. G., 2024. *Phenomenology Today: Historical Problems and Contemporary Trends. Returning to the 1988 Discussion (Round Table Materials)*. *Voprosy filosofii*, 10, pp. 5-39. (In Rus.)

Pruzhinin, B. I., Artemenko, N. A., Belousov, M. A., Vasyukov, V. L., Konacheva, S. A., Kurilovich, I. S., Mikhailov, I. A., Molchanov, V. I., Patkul, A. B., Savin, A. E., Shestova, E. A. and Shchedrina, T. G., 2025. *Edmund Husserl's "Logical Investigations". On the Occasion of the First Complete Translation into Russian (Round Table Materials)*. *Voprosy filosofii*, 7, pp. 5-36. (In Rus.)

Pruzhinin, B. I. and Shchedrina, T. G., 2025. *Human-Sizedness in Modern Science*. *Voprosy filosofii*, 11, pp. 33-43. (In Rus.)

Shchedrina, T. G., ed. 2005. *Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Epistoljarnoe nasledie [Gustav Shpet: Life in Letters. Epistolary Heritage]*. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Shchedrina, T. G. and Shchedrina, I. O., 2022. *Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet*. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124-151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

Shpet, G., 1991. *Appearance and Sense. Phenomenology as the Fundamental Science and Its Problems*. Translated by T. Nemeth. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Shpet, G., 2019. *Consciousness and Its Owner*. In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer Nature Switzerland AG, pp. 153-205.

Shpet, G. G., 2005. *Appearance and Sense*. In: G. G. Shpet, 2005. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy [Thought and Word. Selected Works]*. Edited and commented by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 35-188. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2016. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' vtoraja. Arkhivnye materialy [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part two. Archival Materials]*. Edited and commented by T. G. Shchedrina; archival work by T. G. Shchedrina and I. O. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторах

Татьяна Геннадьевна Щедрина, доктор философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Институт философии РАН, Москва, Россия.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна Щедрина, кандидат философских наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Для цитирования:

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Почему Шпет и Гуссерль беседовали о Канте? (По материалам архива) // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 110–129.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-4>

© Щедрина Т. Г., Щедрина И. О., 2025.

The authors

Prof. Dr Tatiana G. Shchedrina, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Dr Irina O. Shchedrina, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: echiscar@yandex.ru

To cite this article:

Shchedrina, T.G. and Shchedrina, I.O., 2025. Why Did Shpet and Husserl Talk about Kant? (Based on Archive Materials). *Kantian Journal*, 44(3), pp. 110-129.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-4>

© Shchedrina T. G., Shchedrina I. O., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091)

ВОПРОС О НОРМАТИВНОСТИ В «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» ЭМИЛЯ ЛАСКА

Н. В. Кода¹

Еще до написания «Логике философии» (1911) Эмиль Ласк наметил основные тезисы своего будущего философского проекта в «Философии права» (1905): критика «теории двух миров», проблема до-рефлексивного познания, акцентуация роли «преднаучной» дотеоретической действительности. Но как, согласно Ласку, осуществляется переход от «до-правовой» реальности в «правовую»? В «Философии права» критика платонизируемой «теории двух миров» дана через критику смешения ценности и действительности в естественном праве и историзме. Избежать такого смешения, согласно Ласку, можно в критической философии права. Вместо выбора между абсолютизацией внеисторической правовой нормы и абсолютизацией исторической фактичности критическая философия права работает с реальным миром как «полуфабрикатом» (Halbfabrikate), соответствующим значениям культуры. В «полуфабрикате» область права является отчасти «научной» и отчасти «преднаучной», в связи с чем с особой остротой стоит вопрос о переходе «доправовой» реальности в «правовую». Данный переход раскрывается через создание правовых понятий, в котором значительную роль играет их преднаучное образование (vorwissenschaftliche Begriffsbildungen) и телеологический принцип, отвечающий за выбор доправового эмпирического субстрата права, который может стать правовым. «Философия права» и «Логика философии» рассматриваются как «ключи» к пониманию друг друга. Поэтому метафора «двухэтажного здания», используемая в «Логике философии» для объяснения двух уровней познания, применима и в по-

¹ Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская Федерация, 125993, г. Москва, улица Миусская, д. 6.
Поступила в редакцию: 29.06.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-5

THE QUESTION OF NORMATIVITY IN EMIL LASK'S PHILOSOPHY OF RIGHT

N. V. Koda¹

Before Emil Lask wrote *The Logic of Philosophy* (1911) he outlined the main theses of his future philosophical project in *The Philosophy of Right* (1905): critique of the “two worlds theory”, the problem of pre-reflective cognition, the emphasis on the role of “pre-scientific” pre-theoretical reality. But how, according to Lask, does the transition from “pre-legal” to “legal” reality take place? *The Philosophy of Right* criticises the “two worlds theory”, interpreted in the spirit of Platonism, as a mixing of value and reality in the natural law and historicism. Lask claims that such a shift can be avoided in the critical philosophy of law. Instead of choosing between absolutisation of extra-historical legal norm and absolutisation of historical factuality the critical philosophy of law works with the real world as a “semi-finished product” (Halbfabrikat) which corresponds to the meanings of culture. In the “semi-finished product” the realm of right is partly “scientific” and partly “pre-scientific”, which makes the question of transition from the “pre-legal” to “legal” reality particularly important. The transition is revealed through the creation of legal concepts, in which their pre-scientific formation (vorwissenschaftliche Begriffsbildungen) and the teleological principle, which is responsible for the selection of the pre-legal empirical substrate of right that can become legal, play a significant role. *The Philosophy of Right* and *The Logic of Philosophy* are seen as keys to understanding each other. Therefore the “two-storied building” metaphor used in *The Logic of Philosophy* to explain the two levels of cognition can be applied to the concept of right. I arrive at the conclusion that the philosophical-legal practice of norm formation, according to Lask, involves “two necessities”: the necessity of recognising the pre-scientific element in right and the necessity of converting it into a “scientific-

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 29.06.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-5

нятии права. В итоге делается вывод, что философско-правовая практика нормообразования, согласно Ласку, связана с «двумя необходимостями»: необходимостью признания преднаучного элемента в праве и необходимостью его перевода в «научный». Таким образом, нормативность в философии права Ласка не привходит «сверху-извне», а формируется в «полуфабрикате» самого права.

Ключевые слова: Ласк, неокантианство, философия права, нормативность, донаучное образование понятий

О том, что философия связана с законодательством мышления, написано немало исследований. Еще у Платона в контексте размышлений о $\chi\acute{o}\rho\alpha$ в диалоге «Тимей» возникает деление на «законное», «законнорожденное» и «незаконное», «незаконнорожденное» ($\nu\acute{o}\theta\omega$) умозаключение (Платон, 2007, с. 536). Особенную роль философствование как законодательство мышления играет в кантианстве и неокантианстве, и не раз сам Кант, последователи и комментаторы Канта обращались к метафоре судебного разбирательства, направленного на познавательную способность разума². Одним из ярких примеров метафоры судебного процесса является учиненный Х. Файхингером «суд» над самой «Критикой чистого разума» (Vaihinger, 1881). Продемонстрировать «взаимоперетекание» философского и юридического контекстов может специфика использования терминологии. Д. Хенрих отчетливо прослеживает, как понятие дедукции широко применялось в юридическом контексте (например, в учебнике по праву Иоганна-Штефана Пюттера) до того, как Кант перевел термин «дедукция» из юридического в философское употребление (Henrich, 1989, p. 33). Связь философии и юриспруденции, безусловно, наиболее от-

² «Особенность кантовского понимания критики состоит в том, что ее нацеленность на саму познавательную способность, на самопознание разума трактуется как некий судебный процесс» (Круглов, 2023, с. 230).

ic" one. Thus, normativity in the philosophy of right, according to Lask, is not introduced from "above-outside", but is formed in a "semi-finished product" of the right itself.

Keywords: Lask, Neo-Kantianism, philosophy of right, normativity, pre-scientific concept formation

That philosophy involves legislation of thinking is the subject of many studies. Already Plato, reflecting about $\chi\acute{o}\rho\alpha$ in the *Timaeus* dialogue, divides reasoning into proper and bastard ($\nu\acute{o}\theta\omega$) (Plato, 2008, p. 45 (52a-b)). Philosophising as legislation of thinking features prominently in Kantianism and Neo-Kantianism. Indeed, Kant himself and his followers and commentators have fallen back on the metaphor of court adjudication in relation to reason's cognitive capacity.² A famous example of the court metaphor is the "trial" of the *Critique of Pure Reason* staged by Hans Vaihinger (1881). Another demonstration of the 'inter-penetration' of the philosophical and legal contexts is the use of terminology. Dieter Henrich (1989, p. 33) traces how the concept of deduction was widely used in the legal context (for example, in the law textbook by Johann Stephan Pütter) until Kant transferred the term "deduction" from legal to philosophical use. The connection between philosophy and jurisprudence is of course most readily apparent in the philosophy of right. For the representatives of the German classical philosophy work on the philosophy of right was almost mandatory,³ but even without these high-profile figures Germany's intellectual life in the late eighteenth century was full of the

² "It is a feature of Kant's comprehension of critique that its focus on the cognitive activity as such, on self-cognition of reason is interpreted as a kind of court process" (Krouglov, 2023, p. 230).

³ Immanuel Kant: "Metaphysical First Principles of the Doctrine of Right", Johann Gottlieb Fichte: *Foundations of Natural Right According to the Principles of the Wissenschaftslehre*, Friedrich Wilhelm Joseph Schelling: *New Deduction of Natural Law*, Georg Wilhelm Friedrich Hegel: *Philosophy of Right*.

четливо прослеживается в проблематике философии права. Для представителей немецкой классической философии работа по философии права была едва ли не обязательной³, однако и без этих ярких фигур интеллектуальная жизнь Германии в конце XVIII в. была насыщена философско-правовыми концепциями⁴. И в XIX — начале XX в. поток философско-правовой литературы не иссяк, прежде всего в силу того, что неокантианцы активно выступили против школы юридического позитивизма.

Неокантианская философско-правовая мысль значительно повлияла на развитие философии права в России, причем во многом благодаря русским неокантианцам⁵, и стала предметом изучения как со стороны историков философии, так и со стороны исследователей-правоведов⁶. Однако наследие Эмиля Ласка, одного из ярких представителей баденского неокантианства, остается недостаточно изученным. Ласк интересовал российских исследователей в большей степени как переходная фигура между неокантианством и феноменологией, в контексте его влияния на М. Хайдеггера или усвоения им идей Э. Гуссерля (см.: Михайлов, 1999; Дмитриева, 2012; Фалёв, 2015; Мельникова, 2025). Философии самого Ласка, в том числе ее философско-правовой проблематике, посвящены диссертационное исследование и ряд статей Л. Ю. Корнилаева (Корни-

³ И. Кант «Метафизические первоначала учения о праве», И. Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения», Ф. В. Й. Шеллинг «Новая дедукция естественного права», Г. В. Ф. Гегель «Философия права».

⁴ Обширный перечень таких работ представлен в статье (Круглов, 2025, с. 40–56).

⁵ Неокантианская философско-правовая традиция в России представлена значительным количеством имен: П. И. Новгородцев, Н. Н. Алексеев, Б. А. Кистяковский, В. А. Савальский, Е. В. Спекторский, С. И. Гессен и др.

⁶ Изучению философско-правовых концепций этих философов, а также вопроса о соотношении немецкого и русского неокантианства посвящены работы В. Н. Белова, Е. А. Фроловой, Н. А. Дмитриевой, Л. Ю. Корнилаева, М. Ю. Загирняка Д. Йонкуса и др.

conceptions of right.⁴ The flood of literature on the philosophy of right did not diminish in the late nineteenth and early twentieth centuries, most notably because Neo-Kantians actively opposed the legal positivism school.

Neo-Kantian philosophy of right exerted a considerable influence on the development of the philosophy of right in Russia, largely through the efforts of the Russian Neo-Kantians,⁵ and drew the attention both of the historians of philosophy and legal scholars.⁶ However, the legacy of Emil Lask, one of the most brilliant representatives of Southwestern Neo-Kantianism, has yet to receive its due share of attention. Russian scholars saw Lask more as a transitional figure between Neo-Kantianism and phenomenology in the context of his influence on Martin Heidegger or his assimilation of the ideas of Edmund Husserl (see Mikhailov, 1999; Dmitrieva, 2012; Falev, 2015; Melnikova, 2025). The philosophy of Lask himself, including his views on the philosophy of right, is the subject of the dissertation and several articles by Leonid Yu. Kornilayev (2017; 2021).⁷ Even so, it is still not quite clear what role the philosophy of right played in the development of Lask's philosophy.

⁴ An extended list of such works is offered in the article: (Krouglov, 2025, pp. 40–56).

⁵ The Neo-Kantian philosophy of right tradition in Russia is represented by a fair number of names: Pavel Novgorodtsev, Nikolai Alexeyev, Bogdan Kistyakovskii, Vasilii Savalskii, Evgenii Spektorskii, Sergei Gessen and others.

⁶ The philosophical-legal views of these philosophers, as well as the relationship between German and Russian Neo-Kantianism are the subject of works by Vladimir N. Belov, Nina A. Dmitrieva, Ekaterina A. Frolova, Dalius Jonkus, Leonid Yu. Kornilayev, Mikhail Yu. Zagirnyak, and others.

⁷ All the research literature on Lask's philosophy of right known to me is in the bibliography of this article. Although the current decade has seen the publication of several works on the topic, on the whole references to it are few and far between.

лаев, 2017; Корнилаев, 2021)⁷. Но по-прежнему остается недостаточно проясненным вопрос о том, какую роль в становлении философии Ласка сыграла именно философия права.

Ответ на этот вопрос сопряжен с раскрытием того, как понимается соотношение доправовой и правовой действительности и как объясняется нормативность в философии права Ласка. Подход к решению этих проблем обеспечивает, как мы увидим, ретроспективный взгляд «из» зрелой философской концепции Ласка на его ранние философско-правовые интуиции и предполагает применение логико-философского соотношения дотеоретического и теоретического к раскрытию соотношения доправовой и правовой действительности, а также использование метафоры «двухэтажного здания» (*Stockwerktheorie*), фигурирующей в «Логике философии», к праву.

О месте «Философии права» в философском проекте Ласка

В 1901–1906 гг. Ласк задумал применить метод Г. Риккерта, «критическую теорию ценностей», к исследованию философско-правовых вопросов (см.: Корнилаев, 2017, с. 27) и посвятил этим вопросам свою диссертационную работу «Философия права», написанную под руководством В. Виндельбанда. Эти же вопросы затрагивались им и в обширной переписке, которую он вел в эти годы (см.: Lask, 2022).

Диссертационная работа была написана Ласком довольно быстро, за 9 месяцев, с марта по декабрь 1904 г. Текст был написан поспешно⁸, его структура не совпадала с изначальным

⁷ Вся известная мне исследовательская литература по философии права Ласка уместилась в библиографии к данной статье. И хотя можно отметить появление в текущем десятилетии ряда новых работ на эту тему, в целом это по-прежнему та тема, которая удостоивается скорее лишь эпизодических и фрагментарных штудий.

⁸ Ласк спешил с завершением работы, чтобы получить место приват-доцента в Гейдельберге: в то же самое время другой ученик В. Виндельбанда, Ф. А. Шмидт, готовил диссертационную работу о Ф. Г. Якоби, и Ласк опасался, что мест для двух приват-доцентов в

To answer this question we have to look at how Lask's philosophy of right interprets the relation between pre-law and law reality and how it explains normativity. As we shall see, the approach to the solution of these problems is offered by a retrospective look from the mature Lask's philosophy towards his early intuitions in philosophy of right and involves the use of the logical-philosophical correlation between the pre-theoretical and the theoretical to reveal the correlation between pre-law reality and law reality as well as the application of the metaphor of the "storey theory" (*Stockwerktheorie*), used in *The Logic of Philosophy on the right*.

On the Place of *The Philosophy of Right* in Lask's Philosophical Project

In 1901–1906 Lask decided to use Heinrich Rickert's "critical theory of values" to study philosophical-legal questions (see Kornilayev, 2017, p. 27), making it the subject of his habilitation thesis *Philosophy of Right*, written under the guidance of Wilhelm Windelband. These questions were also touched upon in the extensive correspondence he maintained in those years (see Lask, 2022).

Lask wrote his habilitation thesis fairly quickly i.e. within nine months between March and December of 1904. The text was written in haste,⁸ its structure diverged from the initial plan, such that Lask was worried that it

⁸ Lask was in a hurry to finish the thesis in order to receive an appointment as private docent in Heidelberg; concurrently, Friedrich Alfred Schmid, another pupil of Windelband, was preparing a habilitation thesis about Friedrich Heinrich Jacobi and Lask was afraid that the university would not be able to afford two private docents. Rickert was hurrying him to complete the work as soon as possible (Lask, 2022, pp. 226–228). Windelband assured Lask that the university had enough means for two private docents whose research interests were "not too close" (*ibid.*, p. 230).

планом, и Ласк переживал, что окажется непонятным для читателей, однако Риккерт и Виндельбанд хорошо отозвались о его работе. Уже через месяц после успешного прохождения габилитации Ласк начал преподавать в Гейдельберге. «Философия права» была опубликована в 1905 г. в юбилейном сборнике «Философия в начале XX века», посвященном К. Фишеру и подготовленном В. Виндельбандом⁹.

«Философия права» Ласка «не была тем, что обычно подразумевается под философией права, то есть системной философией права» (Buschmann, 2002, S. 592), — она задумывалась скорее как критика современных Ласку философско-правовых концепций. Но на коротком творческом пути философа — в возрасте 39 лет Ласк погиб в одном из сражений Первой мировой войны — эта работа стала значимой вехой в становлении его философского проекта. В философско-правовых идеях Ласка уже содержатся элементы его будущей «логики философии»: за шесть лет до написания своего главного сочинения «Логика философии» (1911) Ласк намечает критику «теории двух миров», выделяет проблему дорефлексивного познания, пишет о концепции коперниканского деяния Канта. Таким образом, в «Философии права» содержится первоначальный вариант аксиологической теории Ласка (Мацевич, 2012, с. 72). Схожесть между этими двумя сочинениями состоит также в том, что изложенные в них

университете может не хватить. Риккерт торопил его завершить работу как можно скорее (Lask, 2022, S. 226–228). А Виндельбанд уверял Ласка, что в университете хватит нагрузки для двух приват-доцентов, исследовательские интересы которых «соприкасаются не слишком близко» (Ibid., S. 230).

⁹ В XX в. «Философия права» была переведена на японский (1921), испанский (1946), английский (1950), итальянский (1984), сербский (1991) языки. В русскоязычном переводе И. Я. Мацевич и М. Я. Мацевич она появилась в 2012 г. в журнале «Торос». Существуют две версии «Философии права»: издания 1905 и 1907 гг. В первый том собрания сочинений (Gesammelte Schriften) Ласка вошел второй вариант «Философии права» с некоторыми изменениями и не опубликованными в 1905 г. фрагментами. Перевод, приведенный в журнале «Торос», соответствует первому изданию «Философии права» 1905 г.

would not be understood. However, it drew a favourable reaction from Rickert and Windelband. Within a month of his successful habilitation Lask began teaching in Heidelberg. *The Philosophy of Right* was published in the 1905 jubilee collection *Philosophy in the Early Twentieth Century (Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts)* dedicated to Kuno Fischer and prepared by Windelband.⁹

Lask's philosophy of right was not "what is usually meant by a philosophy of right, that is, a systemic philosophy of right"¹⁰ (Buschmann, 2002, p. 592), having been conceived rather as a critique of philosophical-legal views of his time. But it was a milestone on his short creative path, as he died in action in a First World War battle at the age of 39. Lask's philosophical-legal ideas already had elements of his future "logic of philosophy": six years before writing his main work, *The Logic of Philosophy* (1911), Lask outlined his criticism of the "two worlds theory", singled out the problem of pre-reflexive cognition and wrote about Kant's Copernican exploit. Thus, *The Philosophy of Right* contains an initial variant of Lask's axiological theory (Matsevich, 2012, p. 72). Another similarity between these two works is that Lask considers the concepts they set forth to be introductory. Just as intuitions in the context of

⁹ In the twentieth century *The Philosophy of Right* was translated into Japanese (1921), Spanish (1946), English (1950), Italian (1984), and Serbian (1991). A Russian translation by I. Ya. Matsevich and M. Ya. Matsevich was published in the journal "Topos" in 2012. There are two versions of *The Philosophy of Right*, published in 1905 and 1907 respectively. The first volume of the collection of Lask's works (*Gesammelte Schriften*) contains the second version of *The Philosophy of Right* with some alterations and the fragments that had not been published in 1905. The translation published in the "Topos" journal corresponds to the first 1905 edition of *The Philosophy of Right*.

¹⁰ Cf. "...nicht das, was man sich gemeinhin unter einer Rechtsphilosophie vorstellt, also nicht ein rechtsphilosophisches System..."

концепции Ласк считал вводными. Как интуиции в контексте философии права были лишь набросками к дальнейшему осмыслению права, так и свой основной труд по логике философии Ласк считал лишь «вводным заделом»: «в логике философии... отчасти еще вовсе не занимаются логикой философии, а только выдвигается требование, чтобы ею занимались» (Ласк, 2017, с. 272).

Вместе с тем возникает вопрос, не была ли «Философия права» результатом применения к правовому материалу уже сложившейся у Ласка философской концепции. Л. Ю. Корнилаев считает, что «“Философию права” можно рассматривать, с одной стороны, как этап становления зрелой философии Ласка, в качестве “малой логики”, с другой стороны, как самостоятельную методологическую работу ярко выраженной неокантианской направленности» (Корнилаев, 2021, с. 102).

«Философию права» Ласка исследователи нередко считают «недостаточно разработанной и недостаточно глубокой работой» (Krijnen, 2023, S. 15). Также Ласка упрекают в том, что он оставил свою философско-правовую концепцию на уровне наброска, из-за чего более чем за сто лет не был выработан подход, который стремился бы применить ее в юридической практике (Wolf, 2019, S. 39–41). Правда, некоторые исследователи отмечают, что разработки Ласка все же повлияли на современную юриспруденцию (Buschmann, 2002, S. 612). Несмотря на различные оценки, значимость этой работы как для становления неокантианской философии права, так и для дискуссий за пределами этого направления остается неоспоримой.

Заблуждения естественного права и историзма

Ласк рассматривает свое исследование в рамках философии права как разработку ценностного типа науки (Werttypus Wissenschaft). Философия права, согласно Ласку, — это учение о типе значимости (Art des Geltens), пер-

the philosophy of right were merely anticipations of further study of right, so Lask considered his main work on the logic of philosophy to be an “introductory headstart”: “[...] in the logic of philosophy [...] the logic of philosophy is partially not yet pursued but only demanded that it should be pursued [...]”¹¹ (Lask, 1923a, p. 211).

At the same time the question arises whether *The Philosophy of Right* was the result of the projection of Lask’s settled philosophical conception to legal material. Kornilayev (2021, p. 102) suggests that “*The Philosophy of Right* can be seen, on the one hand, as a stage in the development of Lask’s mature philosophy, a ‘small logic’, and on the other hand as a methodological work in its own right with a pronounced Neo-Kantian tilt.”

Lask’s *The Philosophy of Right* is often said to be an “insufficiently thorough and insufficiently profound work”¹² (Krijnen, 2023, p. 15). Lask is also accused of leaving his philosophical-legal conception at the level of a sketch, which is why a hundred years on an approach to using it in legal practice has still not been worked out. (Wolf, 2019, pp. 39-41). True, some scholars note that Lask’s ideas have, after all, influenced modern jurisprudence (Buschmann, 2002, p. 612). Whatever opinions may be expressed, the significance of his work for the development of the neo-Kantian philosophy of law and for the discourse outside this trend cannot be gainsaid.

The Fallacies of Natural Law and Historism

Lask considered his research into the philosophy of right to be a development of a val-

¹¹ Cf. “[...] in der Logik der Philosophie [...] teilweise die Logik der Philosophie noch gar nicht getrieben, sondern nur gefordert wird, sie solle getrieben werden [...]”

¹² Cf. “[...] weder eine ausgearbeitete noch eine sonderlich tiefeschürfende Arbeit.”

востепенной задачей которого является выработка методологии, учитывающей специфику права. Критика Ласка адресована школам естественного права и историзма, ошибка которых заключается в том, что они мыслят право через ложную платоновскую теорию «двух миров», не различающую ценность и действительность. К теории «двух миров», согласно Ласку, относится любая философская концепция, игнорирующая «философию значимости» и сводящая совокупность сущего к делению на чувственное и сверхчувственное в различных вариациях. Основной проблемой таких философских концепций является «слияние философии значимости и метафизики сверхчувственного» (Ласк, 2017, с. 17), когда ценностная характеристика «примешивается» к области сверхчувственного, то есть «добро», «норма» отождествляется с «теоретической сверхчувственной истиной». Данное смешение, против которого и выступает Ласк, прослеживается не только в философских теориях, но и в философско-правовых концепциях.

Для Ласка школы естественного права и историзма представляют собой две крайности: первые ищут абсолютную правовую нормативность, вторые не видят ничего, кроме «эмпирического субстрата» исторической правовой действительности: «Для Ласка одно учение столь же догматично и, следовательно, некритично, как и другое» (Buschmann, 2002, S. 599). «Как естественное право стремится вывести из абсолютности ценности эмпирический субстрат, так историзм хочет вывести из эмпирического субстрата абсолютность ценности», — пишет Ласк (Lask, 1923, S. 291). К. Хобе указывает, что задача сохранить «критику идеализма», но при этом избежать позиции историзма была необходимостью эпохи, и юго-западная, или баденская, школа неокантианства выполняла эту задачу (Hobe, 1973, S. 221).

«Естественное право — это всегда неисторический рационализм и метафизика», — подчеркивает Ласк (Lask, 1923, S. 285). Несмотря

на ue-type science (*Werttypus Wissenschaft*). According to him, the philosophy of right is a doctrine of the type of significance (*Art des Geltens*), whose main challenge is working out a methodology that takes into account the specific nature of right. Lask's critique targets the schools of natural law and historicism, their mistake consisting in that they look at right through the prism of the false Platonic theory of "the two worlds" which does not distinguish value and reality. According to Lask, any philosophical conception that ignores "the philosophy of value" and reduces the totality of what exists to the distinction between the sensitive and supra-sensitive in various ways belongs to the "two worlds" theory. The main problem with such philosophical concepts is "the merger of the philosophy of significance and the metaphysics of the supra-sensitive"¹³ (Lask, 1923a, p. 11), when the value characteristic is "mixed" into the realm of the supra-sensitive, i.e. "good" and "norm" are identified with the "theoretical supra-sensitive truth". This confusion, which Lask deplures, can be traced not only in philosophical theories, but also in philosophical conceptions of right.

For Lask the schools of natural law and historicism are two extremes: the former seeks absolute legal normativity and the latter sees nothing but "an empirical substratum" of the historical legal reality: "For Lask one doctrine is as dogmatic and consequently uncritical as the other"¹⁴ (Buschmann, 2002, p. 599). "Just as natural law aspires to derive from the absoluteness of value the empirical substratum, so historicism seeks to derive the absoluteness of value from the empirical substratum,"¹⁵ writes Lask (1923, p. 291). Konrad Hobe (1973, p. 221)

¹³ Cf. "Zusammenfließen von Geltungsphilosophie und Metaphysik des Uebersinnlichen".

¹⁴ Cf. "Für Lask ist die eine Lehre so dogmatisch und damit so unkritisch wie die andere."

¹⁵ Cf. "Das Naturrecht will aus der Absolutheit des Wertes das empirische Substrat, der Historismus aus dem empirischen Substrat die Absolutheit des Wertes hervorzaubern."

на то что в сам термин естественного права (*Naturrecht*) включается указание на «природу» (*Natur*), она означает в нем либо универсальную законность, либо универсальность разума в противоположность индивидуальной особенности (*Ibid.*). Заслуга естественного права в том, что оно признает независимость правовой ценности, ее несводимость к исторической фактичности. Однако ценность гипостазирована в нем до метафизической реальности. Это Ласк называет ходом «эманации» (Lask, 1923, S. 282), выводимостью индивидуальной реальности из абсолютной метафизической реальности (Spinelli, 2010, S. 232). В естественном праве ценность приравнивается к абсолютной норме, а для Ласка ценность — это «*Prius*», «*heimisch*»¹⁰, то есть то, что предшествует нормативным понятиям (Lask, 1923, S. 288–289).

В историзме все без исключения исторически обусловленные нормы признаются действительными (Wolf, 2019, S. 37). Историзм выступает у Ласка как эмпирический научный метод (Lask, 1923, S. 290), что делает его таким привлекательным для исследований в социально-философской и социально-правовой сфере. Согласно Ласку, историзм есть «самая распространенная и самая опасная форма релятивизма» (*Ibid.*, S. 291). Если в естественном праве ценность становится абсолютным внеисторичным законом, то в историзме ценность становится абсолютизированной исторической фактичностью.

Таким образом, и в естественном праве, и в историзме происходит смешение ценности и действительности. Вопросы о том, существует ли «некая абсолютная ценность» или абсолютизированная историческая фактичность, должны быть, как показывает Ласк, заменены вопросом о методическом отношении такого типа ценности, как право, к правовой эмпирии. Различие между трансцендентальной фи-

¹⁰ И. Я. Мацевич переводит «*heimisch*» в данном контексте как «сокровенное» (Ласк, 2012, с. 86).

points out that the task of preserving the “critique of idealism” while avoiding the position of historicism was the bidding of the time, and the South-Western school of Neo-Kantianism was fulfilling the task.

“Natural law is always non-historical rationalism and metaphysics,”¹⁶ Lask (1923b, p. 285) stresses. Despite the term *natural law* (*Naturrecht*) points to “nature” (*Natur*), it refers in it either to universal legality or to the universality of reason as opposed to individual peculiarity (*ibid.*). The merit of natural law is that it recognises the independence of legal value which is not reducible to historical factuality. However, it hypostasises it into metaphysical reality. Lask (1923b, p. 282) calls it the process of “emanation”, derivability of individual reality from absolute metaphysical reality (Spinelli, 2010, p. 232). In natural law value is equated to the absolute norm, whereas for Lask (1923b, pp. 288-289) value is “*Prius*”, *heimisch*, i.e that which precedes normative concepts.

Historicism recognises all historically conditioned norms without exception as being valid (Wolf, 2019, p. 37). For Lask (1923b, p. 290) historicism is an empirical scientific method, which makes it so attractive for research in the socio-philosophical and socio-legal sphere. According to Lask, historicism is “the most widespread and the most dangerous form of relativism”¹⁷ (*ibid.*, p. 291). While in natural law value becomes an absolute extra-historical law, in historicism value becomes an absolutised historical factuality.

Thus, both the natural law and historicism mix value and reality. Lask demonstrates that the questions as to whether there exists “an absolute value” or absolutised historical factuality should be replaced by the question concerning the methodical relation of such a value as law

¹⁶ Cf. “*Das Naturrecht ist immer unhistorischer Rationalismus und Metaphysik.*”

¹⁷ Cf. “*Er ist die modernste, verbreitetste und gefährlichste Form des Relativismus.*”

лософией и метафизикой естественного права заключается в том, как они трактуют соотношение между абсолютной ценностью права и эмпирической реальностью (Krijnen, 2023, S. 14). М. Вольф указывает, что ошибка естественного права, согласно Ласку, заключается не столько в том, что оно полагает «сверхисторические, вневременные нормы», а в том, что оно игнорирует логику собственной фактической историко-временной практики (Wolf, 2019, S. 38).

Ни историзм, ни естественное право не дают ответа на вопрос о том, как именно происходит нормообразование, словно предлагая это «нормообразование» уже в готовом виде. Поэтому обоим направлениям Ласк противопоставляет «перспективное методологическое движение», связанное с критической философией права, под которым он имеет в виду философско-правовые исследования неокантианцев. Ласк солидаризируется с неокантианским подходом превращения ценностных проблем в рамках философии права в познавательные критические и методологические. Для методологии противоположность между реальностью и значением оказывается плодотворной (Lask, 1923, S. 312)¹¹. К однозначно ложному взгляду на юриспруденцию Ласк относит абсолютную позицию «над» правовой действительностью, ищущую догматических понятий права, подмену методологии образованием «всеобъемлющих юридических систем», попытку «превращения» правового исследования в философию путем расширения систематизирующих обобщений (Ibid., S. 328).

«Полуфабрикат» (Halbfabrikat)

Итак, необходимо определять философию права не через учение об «абсолютном понятии права» или абсолютизацию исторической

¹¹ В переводе 2012 г. в журнале «Tornos» спутаны слова «fruchtbar» (плодородный, плодотворный) и «furchtbar» (ужасный) (Ласк, 2012, с. 104). Поэтому связь реальности и значения в этом переводе из «плодотворной» (как в оригинале) стала «ужасающей», что некорректно.

to legal empirics. The difference between transcendental philosophy and the metaphysics of natural law is in how they interpret the relation between the absolute value of law and empirical reality (Krijnen, 2023, p. 14). Markus Wolf (2019, p. 38) points out that the fallacy of natural law, according to Lask, consists not so much in that it posits “supra-historical, extra-temporal norms” but that it ignores the logic of its own real factual historical-temporal practice.

Neither historicism nor natural law answer the question of how exactly norms are formed as if “norm formation” were ready-made. Therefore Lask counterposes to both trends “perspective methodological movement” connected with the critical philosophy of right, by which he means philosophical-legal research of Neo-Kantians. Lask goes along with the Neo-Kantian approach of turning value problems in the framework of the philosophy of right into cognitive-critical and methodological problems. For methodology the contrast between reality and meaning turns out to be fruitful (Lask, 1923b, p. 312). Lask flatly rejects as a fallacy the position “above” legal reality that looks for dogmatic concepts of right, supplants methodology by creating “all-embracing legal systems” and tries to “transform” legal research into philosophy by broadening systemic generalisations (*ibid.*, p. 328).

“Semi-Finished Product” (Halbfabrikat)

So, the philosophy of right should be defined not through a doctrine of the “absolute concept of right” or absolutisation of historical factuality, but through clarifying the method, for the formation of a concept, like the choice of a certain historical factuality, cannot do without it. In rejecting the extremes of historicism and the school of natural law, Lask looks for a space “between” the immediate factual reali-

фактичности, а через выяснение метода, — ведь как образование понятия, так и выбор определенной исторической фактичности всегда происходит с его помощью. Отвергнув крайности историзма и естественной школы права, Ласк ищет пространство «между» непосредственной фактической действительностью и устремленной к конечной цели абсолютной правовой нормой. Этот «мир между» Ласк называет «полуфабрикатом» (Halbfabrikat) (Ibid., S. 309). Как отмечает А. Спинелли, «юриспруденция занимается правовой реальностью, реальностью, которая структурирована ценностными категориями еще до начала научного рассмотрения и поэтому сравнивается Ласком с «полуфабрикатом»» (Spinelli, 2010, S. 232).

Если вслед за Л. Ю. Корнилаевым рассматривать «Философию права» как «малую логику», то есть как пропедевтику к основной работе 1911 г., то уже здесь можно выявить интенцию к обнаружению «царства нечувственно-значимого» и поиск соответствующей ему логики, что станет главной темой в «Логике философии». Поскольку философия права имеет дело с «полуфабрикатом», постольку основная задача методологии заключается в исследовании способа перехода доправовой реальности в правовую.

Ласк берет за отправную точку «мир, уже связанный с культурными значениями» (eine schon auf Kulturbedeutungen bezogene Welt) (Lask, 1923, S. 309). Если фактическая юридическая действительность имеет дело с эмпирическим субстратом (empirisches Substrat)¹² доправовой реальности, а поиск «абсолютного понятия права» уносится в мир платоновских идей, то «адекватная» философия права, согласно Ласку, должна быть занята вопросом о том, как они соединяются. Право права (термин, заимствованный Ласком у Р. Штаммле-

¹² Субстрат (Substrat) у Ласка как в ранних произведениях, так и в «Логике философии» тождественен «материи». Субстрат — то же самое, что материал, «логически обнаженное», алогическое.

ty and the absolute legal norm. Lask calls this “in-between world” a “semi-finished product” (Halbfabrikat) (ibid., p. 309). As noted by Spinelli, “jurisprudence deals with legal reality, a reality that was structured by value categories before the start of scientific examination, which is why Lask compares it to a ‘semi-processed product’”¹⁸ (Spinelli, 2010, p. 232).

If we follow Kornilayev and consider *The Philosophy of Right* to be “small logic”, i.e. propeaedeutics of the main 1911 work, we can detect even there the intention to discover “the kingdom of the nonsensitive significant” and the search for a corresponding logic, which would become the main theme of *The Logic of Philosophy*. Because the philosophy of right deals with a “semi-finished product” the key task of methodology is to explore the path from pre-legal to legal reality.

Lask (1923, p. 309) uses as the starting point “the world already linked up with cultural meanings”¹⁹. Whereas legal reality has to do with the empirical substratum (*empirisches Substrat*)²⁰ of pre-legal activity and the search for “the absolute concept of right” soars into the world of Platonic ideas, an “adequate” philosophy of right, according to Lask, should be engaged by the question of how they come together. The right of right (a term Lask borrowed from Rudolf Stammler) deals precisely with how “the legal” is formed within the right, how right acquires its legal character. Applying the terminology of *The Logic of Philosophy* to *The Philosophy of Right* we can say that pre-legal reality is the “alogically naked” pre-normative

¹⁸ Cf. “Es handelt sich bei der Jurisprudenz um die Rechtswirklichkeit, eine Wirklichkeit, die schon vor Beginn der wissenschaftlichen Betrachtung durch werthafte Kategorien strukturiert ist und deswegen von Lask mit einem ‘Halbfabrikat’ verglichen wird.”

¹⁹ Cf. “eine schon auf Kulturbedeutungen bezogene Welt.”

²⁰ Substratum (Substrat) for Lask, both in his early works and in *The Logic of Philosophy*, is identical to “matter”. Substratum is the same as material, “logically naked”, alogical.

ра) как раз и занимается выяснением вопроса о том, как образуется «правовое» в праве, как обретается правовой характер права. Применив к «Философии права» терминологию «Логики философии», можно сказать, что фактическая доправовая действительность является собой «алогически-обнаженный» донормативный материал, который затрагивается «правовой формой». Почему из всего многообразия фактической жизни «правовой формой» затронут именно тот, а не другой материал в качестве доправового, какой материал потенциально может стать правовым, как именно его затрагивает правовая форма — все это выясняется на уровне «полуфабриката». Так Ласк приходит к выводу, что область права является отчасти «преднаучной» и отчасти «научной» (Lask, 1923, S. 311).

Преднаучное и телеологическое образование понятий в праве

Важными для дальнейшего философского проекта Ласка являются сформулированные в «Философии права» идеи о преднаучном мышлении (*vorwissenschaftliches Denken*), преднаучном сознании (*vorwissenschaftliches Bewußtsein*) и преднаучных понятийных образованиях (*vorwissenschaftliche Begriffsbildungen*) (Lask, 1923, S. 309–310). «Существование преднаучного образования понятий нигде не играет столь значимой роли, как в юридической сфере», — подчеркивает Ласк (*Ibid.*, S. 315).

В письме Риккертю от 12 апреля 1901 г. Ласк пишет о необходимости применения метода, представленного в «Границах естественно-научного образования понятий» (1896), к изучению науки права, а также социальных и экономических явлений (Lask, 2022, S. 117). В своем указании на «донаучное образование понятий» Ласк также следует за Риккертом, объявляя в «Логике философии» это открытие его заслугой (Ласк, 2017, с. 240). Ласк ориентирует-

material touched by the “legal form”. Why, out of the diversity of actual life this and not some other material is touched by “the legal form” as the pre-legal material and what material can potentially be legal, and how it is impacted by the legal form — all this stuff is clarified on the “semi-finished product” level. Thus Lask (1923b, p. 311) arrives at the conclusion that the realm of right is partly “pre-scientific” and partly “scientific”.

Pre-Scientific and Teleological Concept Formation in Right

Important for furthering Lask’s philosophical project were the ideas he formulated in *The Philosophy of Right*: pre-scientific thought (*vorwissenschaftliches Denken*), pre-scientific consciousness (*vorwissenschaftliches Bewußtsein*) and pre-scientific conceptual formations (*vorwissenschaftliche Begriffsbildungen*) (Lask, 1923b, pp. 309-310). Lask stressed: “Nowhere does the existence of pre-scientific concept formation play such a significant role as in the legal sphere,”²¹ (*ibid.*, p. 315).

In a letter to Rickert dated 12 April 1901 Lask (2022, p. 117) advocates the use of the method represented in *The Limits of Concept Formation in Natural Science* (1896) in the study of the science of right as well as social and economic phenomena. In referring to pre-scientific concept formation Lask (2017, p. 240) also follows Rickert, expressly giving him credit for it in *The Logic of Philosophy*. On this issue Lask is mindful not only of “theoretical” values (“truth values”) but also of “atheoretical” values of culture, which is a characteristic of the Southwestern school of Neo-Kantianism (Zhao, 2020, p. 25).

²¹ Cf. “[...] daß die Existenz einer vorwissenschaftlichen Begriffsbildung nirgends eine so große Rolle spielt wie auf juristischem Gebiet.”

ся в этом вопросе не только на «теоретические» ценности («ценности истины»), но и на «атеоретические» («ценности культуры»), что характерно для юго-западной школы неокантианства (Zhao, 2020, S. 25).

Ласк отмечает, что юридическая методология в качестве критики как правового, так и научно-правового образования понятий имеет два основных тематических направления. К первому относится исследование особенной и стандартной «точки зрения» права (*Stellungnahme des Rechts*) на предъюридический субстрат жизни и культуры (*vorjuristischen Lebens- und Kultursubstrat*), а также образование правовых понятий из доправового материала. Второе направление изучает «систематическую связь юридических понятий между собой» (Lask, 1923, S. 315). Методологическое отличие правовой науки заключается в том, что ее «полуфабрикат» являет собой вариацию социально-научных понятий, ориентированных на ценностное измерение.

Однако задача методологии в «Философии права» (как и в «Логике философии») заключается не столько в признании необходимой роли «преднаучного доправового» элемента в становлении «правовой действительности», сколько в интересе к тому, как обретается эта «правовая действительность», как в праве возникает понятийная строгость, понятийная острота (*begriffliche Schärfe*).

В «Логике философии» обретение теоретической формы есть способ легитимации эмпирического материала. В «Философии права» переход из доправовой реальности в правовую в основном раскрывается через создание правовых понятий. Как формируются философско-правовые понятия? Й. Зигерс отмечал, что у Ласка вопрос о создании философско-правовых понятий является скорее частью философской дисциплины, которая занимается формированием ценностей в науке и непосредственно не относится к философии права (Sieggers, 1964, S. 39). Однако в «Философии пра-

Lask notes two thematic strands in legal methodology as a critique of legal and scientific-legal concept formation. The first is the study of the specific and standard “standpoint” of right (*Stellungnahme des Rechts*) on the pre-juridical substratum of life and culture (*vorjuristischen Lebens- und Kultursubstrat*), and the formation of legal concepts from pre-legal material. The second studies the “systematic connection of juridical concepts between themselves”²² (Lask, 1923b, p. 315). The methodological distinction of the science of right is that its “semi-finished product” is a variation of socio-scientific concepts oriented towards the value dimension.

However, the task of methodology in *The Philosophy of Right* (like in *The Logic of Philosophy*) is not so much recognition of the necessity of the “pre-scientific pre-legal” element in the emergence of “legal reality” as its interest in how “the legal reality” emerges and how conceptual rigour and conceptual sharpness (*begriffliche Schärfe*) arise in right.

In *The Logic of Philosophy* the emergence of theoretical form is the manner of legitimising empirical material. In *The Philosophy of Right* the transition from pre-legal to legal reality is mainly effected through the creation of legal concepts. How are philosophical-legal concepts forming? Josef Sieggers (1964, p. 39) noted that with Lask the issue of creating philosophical-legal concepts is rather a part of the philosophical discipline concerned with the formation of values in science and is not directly a part of the philosophy of right. However, in *The Philosophy of Right* right as the doctrine of the type of value is capable of creating its own concepts: they may be in need of scientific processing, but their initial form is deter-

²² Cf. “[...] den systematischen Zusammenhang der juristischen Begriffe untereinander [...]”

ва» право как учение о типе ценности способно создавать собственные понятия: они могут нуждаться в научной доработке, но их изначальное формообразование положено правом (Lask, 1923, S. 315).

Помимо преднаучного образования понятий, в праве имеется также телеологическое образование понятий. Эти два типа образования понятий могут рассматриваться и как один преднаучно-телеологический процесс. «Совокупность объектов, доступных праву, как бы покрыта телеологической паутиной (teleologischen Gespinst)», — отмечает в этой связи Ласк (Ibid., S. 316). Несмотря на то что Ласк критикует поиск конечной абсолютизированной цели в праве и правовом понятии, телеологический принцип в юриспруденции может быть плодотворным. Он отвечает за выбор эмпирического субстрата права, отмечая ту доправовую реальность, которая может стать правовой. Это означает, что эмпирический субстрат права обрабатывается и устанавливается в соответствии с телеологическими обстоятельствами. Преднаучное и телеологическое образование понятий происходит от примата практической составляющей в праве: «Для Ласка ценность заложена в самой практике» (Carrino, 2016, p. 14).

Влияние целей правопорядка на создание юридических терминов было типичным для юриспруденции конца XIX в., как отмечает Х.-П. Хаферкамп (Haferkamp, 2007, S. 114–117). В размышлении о допонятийно-телеологическом процессе формирования понятий Ласк следовал не только за Риккертом. Ласк отмечает, что Р. Иеринг, Г. Еллинек, Х. фон Зигварт и Э. Кольрауш также сделали важные шаги в этом направлении, а Г. Рюмелин и Э. Цительман указали на проблему неопределенности преднаучного мышления и необходимости ее «научного» преодоления. Так в юриспруденции неизбежными становятся две составляющие: необходимость иметь дело с образованием преднаучных понятий и необходимость перевода их в «научные».

mined by right (Lask, 1923, p. 315). In addition to pre-scientific concept formation, law also has teleological concept formation. These two types of concept formation can also be seen as a single pre-scientific-teleological process. As Lask puts it, “the totality of objects accessible to right is, as it were, covered in a teleological web”²³ (ibid., p. 316). Although Lask is critical of the search for the ultimate absolute goal in right and in legal concepts, the teleological principle in jurisprudence can be fruitful. It is responsible for the choice of the empirical substratum of right, marking out the pre-legal reality which can be legal. This means that the empirical substratum of right is processed and established in accordance with teleological circumstances. Pre-scientific and teleological concept formation stems from the primacy of the practical component in law: “[...] in Lask value inheres in practice itself” (Carrino, 2016, p. 14).

The influence of the ideas of law-order on the creation of legal terms was characteristic of jurisprudence in the late nineteenth century, as Hans-Peter Haferkamp (2007, pp. 114–117) notes. In reflecting on the pre-conceptual teleological process of concept formation Lask followed not only Rickert. Lask recognises that important steps in this direction were also made by Rudolf von Jhering, Georg Jellinek, Christoph von Sigwart and Eduard Kohlrausch while Gustav Rümelin and Ernst Zitelmann flagged the problem of uncertainty of pre-scientific thinking and the need to overcome it “scientifically”. This makes inevitable two further components in jurisprudence: the need to deal with the formation of pre-scientific concepts and the need to translate them into “scientific” ones.

²³ Cf. “[...] die Gesamtheit der dem Recht zugänglichen Gegenstände gleichsam mit einem teleologischen Gespinst überzogen.”

Закон как «материал» права

Примат практического момента делает право трансформирующейся средой. Юридическая область для Ласка — это «не застывающая» и окончательно не фиксируемая сфера. От проникновения практического в право само «логическое» в нем преобразуется и становится «подвижной структурой». Здесь намечается еще одна схожая черта с поздним философским проектом Ласка, которая состоит в том, что сам закон так же, как и «логическая форма» в «Логике философии», может выступать в качестве материала.

В «Логике философии» возможность «логического» быть материалом соответствует «строению двухэтажного здания» (Ласк, 2017, с. 216, 230): на «первом этаже» этого здания в качестве материала выступает эмпирический субстрат, логически оформляемый и обретающий легитимацию с помощью «логической формы». На «втором этаже» уже сама «логическая форма» берется в качестве материала. Так, логическая форма образует собой «крышу-пол» между нижним и верхним этажами — оказывается тем, что легитимирует и судит, и в то же время сама на верхнем этаже требует легитимации и суда. Этот суд вершит над ней философия, логика логики. В «Философии права» закон также выступает чем-то наподобие крыши-пола «двухэтажного здания» права¹³. Так как Ласк протестует прежде всего против правового формализма, он полагает что самостоятельность, приписываемая в юриспруденции закону, не является абсолютной (Lask, 1923, S. 326). Закон мыслится им как статическая составляющая права, а в философско-правовой концепции Ласка преимуществом обладает то, что обладает подвижностью. Поэтому закон помещается Ласком в один ряд с

¹³ Метафора двухэтажного здания в «Логике философии» соответствует у Ласка структуре удвоения (форма формы, логика логики), которая встречается также и в «Философии права» (право права). Поэтому применение этой метафоры и к правовой проблематике представляется нам уместным.

Law as the “Material” of Right

The primacy of the practical makes right a transformable environment. For Lask the juridical sphere is a “non-freezing” and never finally settled sphere. The penetration of the practical into right transforms the “logical” in it into a “fluid structure”. There are the makings here of another similarity to the later Lask in that the law itself, like “the logical form” in *The Logic of Philosophy*, can be the material.

In *The Logic of Philosophy* the possibility of “the logical” to be the material corresponds to “the building of two levels”²⁴ (Lask, 1923a, p. 123): on the “first level” of this building the material is the empirical substratum logically framed and legitimised through a “logical form”. On “the second level” the “logical form” itself is the material. Thus, the logical form is the “roof-floor” between the lower and upper levels to become that which legitimises and judges and at the same time, at the upper level, itself needs legitimisation and judgment. The judgment is administered by philosophy, the logic of logic. In *The Philosophy of Right* the law is also something like a roof-floor of “the two-storied building” of right.²⁵ Because Lask protests first and foremost against legal formalism, he holds that the independence which jurisprudence ascribes to law is not absolute (Lask, 1923b, p. 326). He considers law to be a static component of right, and in his philosophical-legal conception that which is mobile has the advantage. That is why Lask places law on a par with its judicial application, im-

²⁴ Cf. “einen Aufbau von zwei Stockwerken”.

²⁵ With Lask, the two-level building metaphor in *The Logic of Philosophy* corresponds to the doubling structure (form of forms, logic of logic), which we also encounter in *The Philosophy of Law* (the right of right). I therefore consider the use of this metaphor in relation to legal problems to be apposite.

его судебским применением, осуществлением, правовыми последствиями — и он сам словно становится материалом, который каждый раз проходит проверку.

Нормативность в философии и праве

Вопрос о нормативности выявляет «двойной характер» права: у Ласка «право отнесено одновременно и к категории реальности, и в то же время является чем-то нормативным» (Zhao, 2020, S. 26). Из-за этой «двойственности» вопрос о нормативности был одной из исходных точек критики философско-правового проекта Ласка, например для Г. Кельзена, который выступил с критикой баденской школы неокантианства еще в 1910–1920-е гг., несмотря на то, что сам признавал влияние неокантианцев на собственные философско-правовые идеи, а кантовскую философию считал своей «путеводной звездой» (Kelsen, 2007, S. 21–22). С точки зрения Кельзена, резко критикующего смешение психологического и юридически-нормативного элемента в праве (Kelsen, 2008, S. 235–252), право — не эмпирическое, а исключительно нормативное понятие (Carrino, 2016, p. 14), и наукам о ценностях он противопоставляет «науку о нормах» (Normwissenschaft), направленную не на бытие, а на долженствование. Если ценностные отношения остаются неопределенными, то как можно говорить в их контексте о «норме»? Путь к ответу на вопрос о соотношении бытия и долженствования у Ласка можно найти в «Логике философии» в контексте соотношения «бытия» и «значения», однако это ответ в рамках всей философии, а не специфически философии права. Но и в общеправовой трактовке нормообразования у Ласка нет однозначности¹⁴.

¹⁴ К. Хобе отмечает, что Ласк может называть «значение» (Bedeutung), «значащее» (Gelten), «бытие» (Sein) или «ценность» (Wert) материала «долженствованием» (Sollen) (Hobe, 1971, S. 365). Так, в «Логике философии» «значение» и «норма» встречаются через

plementation and legal consequences — it becomes itself a kind of material which is subjected to a test each time.

Normativity in Philosophy and in Right

The question of normativity brings out the “dual character” of right: according to Lask, right belongs simultaneously to the category of reality and is at the same time something normative (Zhao, 2020, p. 26). Because of this “duality” the question of normativity was one of the targets of the criticism towards Lask’s philosophical-legal project, for example, by Hans Kelsen (2007, pp. 21-22), who criticised the Southwestern school of Neo-Kantianism as early as the 1910s-1920s, while admitting that Neo-Kantianism had influenced his philosophical-legal ideas and considering Kant’s philosophy to be his “lode star”. According to Kelsen (2008, pp. 235-252, who was fiercely critical of the mixing of the psychological and legal-normative in right, right is not an empirical but exclusively a normative concept (Carrino, 2016, p. 14), and he counterposes the science of values to “the science of norms” (*Normwissenschaft*) which is directed not to *being*, but to *ought*. If value relations remain undefined, how can one speak about “norm” in their context? A pointer to the answer to the question about the relation of *being* and *ought* according to Lask can be found in *The Logic of Philosophy* in the context of the relation between “being” and “meaning”, but this is an answer in the framework of all philosophy and not specifically of the philosophy of right. Yet there is also ambiguity in Lask’s general philosophical grounding of norm formation.²⁶

²⁶ Hobe (1971, p. 365) notes that Lask can refer to “meaning” (*Bedeutung*), “signifier” (*Gelten*), “being” (*Sein*) or “value” (*Wert*) as *ought* (*Sollen*). In *The Logic of Philosophy* “meaning” and “norm” are separated by a comma (Lask, 1923a, p. 119). Whether this means that Lask

Отмечая нацеленность философии и юриспруденции на должное (*Seinsollendes*), Ласк пишет, что различие между ними относится к специфике «поиска нормативности» — к вопросу, «откуда» проистекает характер долженствования. А. Функе указывает на то, что в философско-правовой мысли Ласка речь идет не об «абсолютном», а об «эмпирическом долженствовании» (Funke, 2022, p. 308). В философии характер долженствования исходит из абсолютной ценности, для которой не существует эмпирического авторитета, а в юриспруденции характер долженствования в его формальном основании исходит из авторитета человеческой общности и общественной воли (*Gemeinschaftswillen*), в контексте которого право как «тип значимости» не отрицает авторитет «эмпирической реальности» (Lask, 1923, S. 214, 314). У. Глатц в этой связи утверждает: «В то время как эмпирическая правовая наука представляет право только в его фактическом существовании, его историческом развитии и его связи с другими эмпирическими факторами культуры, философия все еще каким-то образом освещает, оценивает, переоценивает данный фактический материал, проверяя его окончательную правомерность» (Glatz, 2001, S. 24).

«Право права» Ласк мыслит аналогично тому, как он мыслит «форму формы» в рамках концепции «двухэтажного здания». Согласно *Stockwerktheorie*, форма формы состоит из «нечувственного» элемента и его «категориальной легитимации» (Ласк, 2017, с. 135). Если «логическая форма» в «Логике философии» выступает материалом по отношению к форме формы, то закон может выступать материалом по отношению к правовой деятельности, к «полуфабрикату». Развивая мысль Ласка, можно сказать, что правовая деятельность, расположенная в сфере «полуфабриката», в отличие от филосо-

запятую (Ласк, 2017, с. 155). Значит ли это, что та же структура, в которой Ласк мыслит соотношение бытия и значения, характерна и для соотношения бытия и нормы, остается неясным.

Noting the focusing of philosophy and jurisprudence on ought-to-be (*Seinsollendes*), Lask writes that the difference between them has to do with the characteristics of “the search for normativity” — the question of the source of the character of *ought*. Andreas Funke (2022, p. 308) points out that Lask’s philosophical-legal thought is not about the “absolute” but about “empirical ought”. In philosophy the character of *ought* proceeds from absolute value, for which there is no empirical authority, while in jurisprudence the character of *ought*, in its formal foundation, proceeds from the authority of the human community and social will (*Gemeinschaftswillen*), in the context of which right as “a type of significance” does not deny the authority of “empirical reality” (Lask, 1923b, p. 214, 314). Uwe B. Glatz (2001, p. 24) writes in this connection: “While the empirical legal science represents right only in its factual physical existence, its historical development and its link with other empirical factors of culture, philosophy still somehow describes, assesses and reassesses the factual material, testing it for ultimate validity.”²⁷

Lask sees “the right of right” similarly to how he sees “form of form” within the concept of a “two-level building”. According to *Stockwerktheorie*, the form of form consists of the “nonsensible” element and its “categorical legitimisation” (Lask, 1923a, p. 103). While “logical form” in *The Logic of Philosophy* is the material in relation to the form of form, law can be the material in relation to legal activity, i.e.

thinks about the relation between being and meaning along the same structure as about the relation between being and norm remains unclear.

²⁷ Cf. “Während die empirische Rechtswissenschaft das Recht in seinem faktischen Bestand, seiner historischen Entwicklung und in seinen Relationen zu anderen empirischen Kulturfaktoren bloß darstelle, werde dieses selbe, einfach vorliegende Tatsachenmaterial von der Philosophie, noch irgendwie beleuchtet, beurteilt, bewertet, auf seine letzte Berechtigung hin geprüft.”

фии, «может строить этажи вниз»: переводить не только «доправовое» в «правовое», но и наоборот. Так, например, определенные законы в истории юриспруденции могут уйти в прошлое или утратить силу. Здесь прослеживается значительное отличие от философского восприятия «должного», нацеленного скорее на «построение верхних этажей». Постановка вопроса о должном в праве и в философии имеет различный характер. В праве сохраняет остроту «позитивная» и «негативная» коннотации в отношении должного, а в «Логике философии» осмысление должного имеет характер хайдеггеровского «es gibt», размеренной констатации данности, где вопрос о нормативности теряет свою практико-ориентированную юридическую остроту.

Итог

Проведенный анализ демонстрирует примат практического и методологического элементов в философско-правовых интуициях Ласка, что нашло свое отражение в интерпретации правовой действительности как «полуфабриката» и акцентуации роли «преднаучной доправовой» действительности в философско-правовых вопросах.

Таким образом, было показано, как «Философия права» и «Логика философии» могут быть использованы в качестве «инструментов» к пониманию друг друга: в контексте вопроса о переходе преднаучных понятийных образований в научные, концепции «двухэтажного здания» (*Stockwerktheorie*), в контексте решения вопроса о нормативности в философии и в философии права.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-28-01134 «Классическая немецкая философия права и российская философско-правовая современность».

the “semi-finished product”. Developing Lask’s idea we can say that legal activity, located in the area of the “semi-finished product”, unlike philosophy, can “build levels downward”, i.e. transform the “pre-legal” into “legal” and *vice versa*. Thus, for example, certain laws in the history of jurisprudence may recede into the past and become invalid. This shows a significant difference from the philosophical perception of “ought” which is aimed rather at “building the upper levels”. The question of *ought* is treated differently in right and in philosophy. In right *ought* preserves “positive” and “negative” connotations while in *The Logic of Philosophy* the comprehension of *ought* has the character of Heidegger’s *es gibt*, a detached statement of the given in which normativity loses its practically oriented sharpness.

Conclusion

The above analysis demonstrates the primacy of the practical and methodological elements in Lask’s philosophical-legal intuitions, which is reflected in the interpretation of legal reality as a “semi-finished product” and the emphasis on the role of “pre-scientific pre-legal” reality in philosophical-legal matters.

Thus, it has been shown how *The Philosophy of Right* and *The Logic of Philosophy* can be used as “instruments” in understanding each other: in relation to the question of the transition from pre-scientific conceptual formations to scientific ones, the conception of the “two-level building” (*Stockwerktheorie*), in relation to the question of normativity in philosophy and in the philosophy of right.

The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project № 24-28-01134 “Classical German Philosophy of Law and Russian Philosophical and Legal Modernity”.

Список литературы

Дмитриева Н. А. Хайдеггер и неокантианство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2012. № 1. С. 166–178.

Корнилаев Л. Ю. Логика философии Э. Ласка : дис. ... канд. филос. наук. М., 2017.

Корнилаев Л. Ю. Философия права Эмиля Ласка // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 97–104. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/11>.

Круглов А. Н. О понятии критики и о критическом методе у Канта // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 2. С. 225–260. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-225-260>.

Круглов А. Н. Кант и Гегель: естественное право или философия права? // Философский журнал. 2025. Т. 18, № 3. С. 40–56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56>.

Ласк Э. Философия права / пер. с нем. И. Я. Мацевич и М. Я. Мацевич // Toros. 2012. № 3. С. 79–117.

Ласк Э. Логика философии и учение о категориях / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Канон +, 2017.

Мацевич И. Эмпирическая реальность права (предисловие к переводу *Философии права* Эмиля Ласка) // Toros. 2012. № 3. С. 72–78.

Мельникова Е. В. Теория понимания у раннего Хайдеггера: трансцендентально-феноменологическая перспектива : дис. ... канд. филос. наук. М., 2025.

Михайлов И. А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М. : «Прогресс-Традиция»; «Дом интеллектуальной книги», 1999.

Платон. Тимей / пер. С. С. Аверинцева // Соч. : в 4 т. / под ред. А. Ф. Loseva и В. Ф. Asmus. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3, ч. 1. С. 495–588.

Фалёв Е. В. Эволюция метода в философии Мартина Хайдеггера : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015.

Buschmann A. Rechtswerte und Rechtswissenschaft. Zur Rechtsphilosophie von Emil Lask (1875–1915) // *Bürgerliche Freiheit und Christliche Verantwortung. Festschrift für Christoph Link zum siebzigsten Geburtstag* / hrsg. von H. de Wall, M. Germann. Tübingen : Mohr Siebeck, 2002. S. 587–612.

Carrino A. The Rebirth of Legal Philosophy within the Frame of Neo-Kantianism // *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence* / ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht : Springer, 2016. Vol. 12, t. 1. P. 13–49. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1479-3_1.

References

Buschmann, A., 2002. Rechtswerte und Rechtswissenschaft. Zur Rechtsphilosophie von Emil Lask (1875–1915). In: H. de Wall and M. Germann, eds. 2002. *Bürgerliche Freiheit und Christliche Verantwortung. Festschrift für Christoph Link zum siebzigsten Geburtstag*. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 587-612.

Carrino, A., 2016. The Rebirth of Legal Philosophy within the Frame of Neo-Kantianism. In: E. Pattaro and C. Roversi eds., 2016. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume 12, Tome 1*. Dordrecht: Springer, pp. 13–49. https://doi.org/10.1007/978-94-007-1479-3_1.

Dmitrieva, N. A., 2012. Heidegger and Neo-Kantianism. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy*, 1, pp. 166-178. (In Rus).

Falev, E. V., 2015. *Evoljucija metoda v filosofiji Martina Haideggera* [The Evolution of Method in the Philosophy of Martin Heidegger]. Dissertation. Lomonosov Moscow State University. (In Rus).

Funke, A., 2022. Neukantianismus und Rechtswissenschaft. Berichte aus dem Inneren einer schwierigen Ehe. In: G. Morrone and R. Redaelli, eds. 2022. *Neo-Kantianism and Cultural Sciences. Volume 1*. Napoli: FedOA Press, pp. 301-318.

Glatz, U. B., 2001. *Emil Lask: Philosophie im Verhältnis zu Weltanschauung, Leben und Erkenntnis*. Würzburg: Königshausen & Neumann.

Haferkamp, H.-P., 2007. Neukantianismus und Rechtsnaturalismus. In: M. Senn and D. Puskás, eds. 2007. *Rechtswissenschaft als Kulturwissenschaft?* Stuttgart: Franz Steiner, pp. 105-120.

Henrich, D., 1989. Kant's Notion of a Deduction and the Methodological Background of the First Critique. In: E. Förster, ed. 1989. *Kant's Transcendental Deductions: The Three Critiques and the Opus postumum*. Redwood City: Stanford University Press, pp. 27-46.

Hobe, K., 1971. Zwischen Rickert und Heidegger. Versuch über eine Perspektive des Denkens von Emil Lask. *Philosophisches Jahrbuch*, 78, pp. 360–376.

Hobe, K., 1973. Emil Lasks Rechtsphilosophie. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, 59(2), pp. 221-235.

Kelsen, H., 2007. Selbstdarstellung (1927). In: H. Kelsen, 2007. *Werke. Veröffentlichte Schriften 1905–1910 und Selbstzeugnisse, Volume 1*. Edited by M. Jestaedt. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 19-29.

Kelsen, H., 2008. Die objektive Erscheinungsform des Rechtssatzes In: H. Kelsen, 2008. *Werke. Veröffentlichte Schriften 1911, Volume 2*. Edited by M. Jestaedt. Tübingen: Mohr Siebeck. pp. 189-432.

Funke A. Neukantianismus und Rechtswissenschaft. Berichte aus dem Inneren einer schwierigen Ehe // Neo-Kantianism and Cultural Sciences / ed. by G. Morrone, R. Redaelli. Napoli : FedOA Press, 2022. Vol. 1. P. 301–318.

Glatz U. B. Emil Lask: Philosophie im Verhältnis zu Weltanschauung, Leben und Erkenntnis. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2001.

Haferkamp H.-P. Neukantianismus und Rechtsnaturalismus // Rechtswissenschaft als Kulturwissenschaft? / hrsg. von M. Senn, D. Puskás. Stuttgart : Franz Steiner, 2007. S. 105–120.

Henrich D. Kant's Notion of a Deduction and the Methodological Background of the First Critique // Kant's Transcendental Deductions: The Three 'Critiques' and the 'Opus postumum' / ed. by E. Förster. Redwood City : Stanford University Press, 1989. P. 27–46.

Hobe K. Zwischen Rickert und Heidegger. Versuch über eine Perspektive des Denkens von Emil Lask // Philosophisches Jahrbuch. 1971. Bd. 78. S. 360–376.

Hobe K. Emil Lasks Rechtsphilosophie // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1973. Bd. 59, H. 2. S. 221–235.

Kelsen H. Selbstdarstellung (1927) // Werke / hrsg. von M. Jestaedt. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. Bd. 1 : Veröffentlichte Schriften 1905–1910 und Selbstzeugnisse. S. 19–29.

Kelsen H. Die objektive Erscheinungsform des Rechtsatzes // Werke / hrsg. von M. Jestaedt. Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. Bd. 2 : Veröffentlichte Schriften 1911. Halbband 1. S. 189–432.

Krijnen Ch. Neukantianismus und neukantianische Rechtsphilosophie // Strafrecht und Neukantianismus / hrsg. von M. Pawlik, C.-F. Stuckenberg, W. Wohlers. Tübingen : Mohr Siebeck, 2023. S. 1–36.

Lask E. Rechtsphilosophie // Gesammelte Schriften / hrsg. von E. Herrigel. Tübingen : J. K. B. Mohr, 1923. Bd. 1. S. 275–332.

Lask E. Die wissenschaftliche Korrespondenz / hrsg. von A. Funke, R. Redaelli, J. Zhao. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022.

Siegers J. Das Recht bei Emil Lask: Untersuchungen zur Rechtstheorie des Neukantianismus. Bonn : H. Bouvier, 1964.

Spinelli A. Vita, teoria e valore nel pensiero di Emil Lask (Leben, Theorie und Wert in Emil Lasks Denken). Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Tübingen : Fakultät für Philosophie und Geschichte der Universität Tübingen, 2010.

Kornilaev, L.Yu., 2017. *Logika filosofii E. Laska* [The Logic of Philosophy by E. Lask]. Dissertation. Lomonosov Moscow State University. (In Rus).

Kornilaev, L.Yu., 2021. Emil Lask's Philosophy of Right. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 61, pp. 97–104. <https://doi.org/10.17223/1998863X/61/11> (In Rus).

Krijnen, C., 2023. Neukantianismus und neukantianische Rechtsphilosophie. In: M. Pawlik, C.-F. Stuckenberg and W. Wohlers, eds. 2023. *Strafrecht und Neukantianismus*. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 1-36.

Krouglov, A. N., 2023. On Kant's Concept of Critique and Critical Method. *Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics*, 7(2), pp. 225-260. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-2-225-260> (In Rus).

Krouglov, A. N., 2025. Kant and Hegel: Natural Law or Philosophy of Law? *Filosofskii zhurnal | Philosophy Journal*, 18(3), pp. 40-56. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-3-40-56> (In Rus).

Lask, E., 1923a. Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. In: E. Lask, 1923. *Gesammelte Schriften, Volume 2*. Edited by E. Herrigel. Tübingen: J. K. B. Mohr, pp. 1-282.

Lask, E., 1923b. Rechtsphilosophie. In: E. Lask, 1923. *Gesammelte Schriften, Volume 1*. Edited by E. Herrigel. Tübingen: J. K. B. Mohr, pp. 275-332.

Lask, E., 2022. *Die wissenschaftliche Korrespondenz*. Edited by A. Funke, R. Redaelli and J. Zhao. Tübingen: Mohr Siebeck.

Matsevich, I., 2012. The Empirical Reality of Right. Preface to the Translation. *Topos*, 3, pp. 72-78. (In Rus.)

Melnikova, E. V., 2025. *Teoriya ponimaniya u rannego Hajdeggera: transcendental'no-fenomenologicheskaya perspektiva* [Theory of Understanding in the Early Heidegger: Transcendental-Phenomenological Perspective]. Dissertation. Higher School of Economics. (In Rus).

Mikhailov I. A., 1999. *Rannij Hajdegger: Mezhdue fenomenologiej i filosofiej zhizni* [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow: Progress-Tradition, Intellectual Book House (In Rus).

Plato, 2008. Timaeus. In: Plato, 2008. *Timaeus and Critias*. Translated by R. Waterfield; with an introduction and notes by A. Gregory. Oxford: Oxford University Press, pp. 1-99.

Siegers, J., 1964. *Das Recht bei Emil Lask: Untersuchungen zur Rechtstheorie des Neukantianismus*. Bonn: H. Bouvier.

Vaihinger H. *Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft zum hundertjährigen Jubiläum derselben*. Stuttgart : Spemann, 1881. Bd. 1.

Wolf M. *Gerechtigkeit als Dekonstruktion. Zur kulturellen Form von Recht und Demokratie nach Jacques Derrida*. Konstanz : Konstanz University Press, 2019.

Zhao J. *Die Rechtsphilosophie Gustav Radbruchs unter dem Einfluss von Emil Lask. Eine Studie zur neukantianischen Begründung des Rechts*. Baden-Baden : Nomos, 2020.

Об авторе

Надежда Викторовна **Кода**, кандидат философских наук, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация.

E-mail: sokolova-nadya@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-8387>

Для цитирования:

Кода Н. В. Вопрос о нормативности в «Философии права» Эмиля Ласка // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 130–149.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-5>

© Кода Н. В., 2025.

Spinelli, A., 2010. *Vita, teoria e valore nel pensiero di Emil Lask (Leben, Theorie und Wert in Emil Lasks Denken)*. Dissertation. Tübingen: Fakultät für Philosophie und Geschichte der Universität Tübingen.

Vaihinger, H., 1881. *Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft zum hundertjährigen Jubiläum derselben, Volume 1*. Stuttgart: Spemann.

Wolf, M., 2019. *Gerechtigkeit als Dekonstruktion. Zur kulturellen Form von Recht und Demokratie nach Jacques Derrida*. Konstanz: Konstanz University Press.

Zhao, J., 2020. *Die Rechtsphilosophie Gustav Radbruchs unter dem Einfluss von Emil Lask. Eine Studie zur neukantianischen Begründung des Rechts*. Baden-Baden: Nomos.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Nadezhda V. **Koda**, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: sokolova-nadya@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-8387>

To cite this article:

Koda, N. V., 2025. The Question of Normativity in Emil Lask's *Philosophy of Right*. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 130-149.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-5>

© Koda N. V., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091)

ЭНТУЗИАЗМ И ИСТОРИЯ В КАНТОВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Обзор VII Международной летней школы по изучению наследия Канта

М. В. Афанасьев¹, В. А. Проскуряков¹

VII Международная летняя школа по изучению наследия Иммануила Канта, посвященная темам энтузиазма и истории в кантовской философии, прошла в Калининграде с 28 июля по 5 августа 2025 г. Школа была адресована молодым ученым – студентам, аспирантам, кандидатам наук – и организована Академией Кантианой БФУ им. И. Канта, форумом «Петербургский диалог» и форумом «Сочинский диалог». Лекции научного руководителя школы В. А. Чалого и последующие обсуждения касались широкого круга тем: методологических оснований работы с философским наследием Канта, контекста формирования кантовской философии истории и исторической роли эмоций, специфики обращения Канта к понятию энтузиазма, применимости этой кантовской концепции к интерпретации некоторых новейших разновидностей технологического энтузиазма и ряда других вопросов. В рамках конференции молодых ученых было представлено девятнадцать докладов, краткое содержание которых передано в обзоре.

Ключевые слова: Кант, Гердер, Фукуяма, Чакрабарти, философия истории, энтузиазм, эмоции

С 28 июля по 5 августа 2025 г. в Калининграде на площадке Балтийского федерального университета им. И. Канта прошла VII Международная летняя школа по изучению наследия Иммануила Канта для молодых ученых и студентов. Ставшее уже традиционным научно-образовательное мероприятие из раза в

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 28.08.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-6

ENTHUSIASM AND HISTORY IN THE KANTIAN PERSPECTIVE

Report of the Seventh Immanuel Kant International Summer School

M. V. Afanasyev,¹ V. A. Proskuriakov¹

The Seventh Immanuel Kant International Summer School devoted to the themes of enthusiasm and history in Kantian philosophy was held in Kaliningrad from 28 July to 5 August 2025. Organised by the Academia Kantiana at the Immanuel Kant Baltic Federal University, the Petersburg Dialogue and the Sochi Dialogue Forums, it was addressed to budding scholars, i.e. undergraduate and post-graduate students and young doctors. The lectures of the School's scientific supervisor, Vadim A. Chaly, and the discussions that followed covered topics ranging from methodological foundations of the work with Kant's legacy to the context in which Kant formed his philosophy of history. This is also linked with the historical role of the emotions. These stem both from the characteristics of Kant's concept of enthusiasm and from the applicability of this concept to the interpretation of some recent varieties of technological enthusiasm. Reviewed below are nineteen papers presented at the conference of young scholars.

Keywords: Kant, Herder, Fukuyama, Chakrabarty, philosophy of history, enthusiasm, emotions

From 28 July to 5 August 2025 the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) in Kaliningrad hosted the Seventh Immanuel Kant International Summer School for young scholars and students. This research and educational event, which has become a tradition,

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 28.08.2025.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-6

раз дарит молодым исследователям бесценный опыт общения с крупными специалистами в избранной философской тематике, равно как и друг с другом, способствует установлению неформальных академических связей и, вне всяких сомнений, дает возможность опробовать полученные результаты и продвинуться дальше в своих исследованиях. В 2025 г. школа была посвящена кантовской философии истории и связанному с ней понятию энтузиазма. Ее организовали научно-исследовательское подразделение «Академия Кантиана» БФУ им. И. Канта, форум «Петербургский диалог» и форум «Сочинский диалог». Руководителем-организатором школы традиционно выступила доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета, научный директор Академии Кантианы Нина Анатольевна Дмитриева, научным руководителем — доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Вадим Александрович Чалый, научным ассистентом — кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантианы БФУ им. И. Канта Андрей Сергеевич Зильбер. В этом году в работе школы приняли участие представители таких отечественных научных институций, как БФУ им. И. Канта (Калининград), Европейский университет (Санкт-Петербург), Институт философии и права СО РАН (Новосибирск), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Оренбургская духовная семинария, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Университет ИТМО (Санкт-Петербург), Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), а также ряда иностранных вузов: Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), Университета Билкента (Анкара, Турция), Федерального университета Параны (Куритиба, Бразилия), Римского университета Ла Сапиенца (Рим, Италия), Университета им. шахида М. Мутаххари (Тегеран, Иран), Манчестерского университета (Великобритания). В связи

offers young scholars a precious opportunity to communicate with major specialists in their chosen areas of philosophy. Working with one another they establish informal academic links and, of course, test the reaction to their results and move forward in their research. The 2025 School was devoted to the Kantian philosophy of history and the related concept of enthusiasm. It was organised jointly by the *Academia Kantiana*, a research unit of the IKBFU, the *Petersburg Dialogue* forum and the *Sochi Dialogue* forum. As ever, the chief organiser of the School was Professor Nina A. Dmitrieva (IKBFU; Moscow Pedagogical State University). The scientific supervisor was Professor Vadim A. Chaly (Philosophical Faculty, Lomonosov Moscow State University), and the scientific assistant was Dr Andrey S. Zilber, senior research fellow of the *Academia Kantiana*. Taking part in this year's school were representatives of Russian academic institutions such as the IKBFU, the European University in Saint Petersburg (EUSP), the Philosophy and Law Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), Lomonosov Moscow State University (MSU), the Orenburg Religious Seminary, the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University, Moscow), St. Petersburg State University (SPbU), ITMO University (St. Petersburg), the Ural Federal University (Yekaterinburg), as well as a number of foreign universities: Belarusian State University (Belarus), Bilkent University (Ankara, Turkey), Federal University of Paraná (Curitiba, Brazil), Sapienza University of Rome (Rome, Italy), Shahid Motahari University (Tehran, Iran), and Manchester University (Great Britain). In view of the considerable international participation the working language was English. Each day opened with a lecture, followed by a seminar and a tutorial where the participants

с достаточно широким международным участием школа проходила на английском языке. Каждый день начинался с лекции, продолжался семинаром и тьюториумом, после которых участники школы делились результатами своих исследований в форме докладов, что сопровождалось оживленными дискуссиями.

В первый день после торжественного открытия школы проф. В. А. Чалый прочел лекцию «Основные понятия и методы исследования в философии истории Канта», в которой рассмотрел два основных подхода к работе с философским наследием Канта. Первый из них сосредоточен на концептуальном анализе и систематической реконструкции, отвлекающейся от исторического контекста ради интерпретации и интеграции понятий и аргументов Канта в актуальные дискуссии. Второй, напротив, контекстуален и историчен. Его принципы были наиболее подробно разработаны в двух во многом перекликающихся и дополняющих друг друга направлениях: немецкой школе истории понятий (*Begriffsgeschichte*) и исследовательской программе Кембриджской школы. Исследователи обеих школ рассматривают философские высказывания как контекстуализированные речевые акты, восстанавливают контекст высказывания, историю употребления и трансформации тех или иных понятий и уделяют внимание определениям, фиксированным в словарях и текстах одного временного периода, а также фигуральному, поэтическому или метафорическому уровню философской речи. Синтетический подход был предложен калининградским философом Владимиром Никифоровичем Брюшинкиным. Согласно его подходу, методы философского исследования образуют континуум, в одной части которого — рациональные понятия, суждения, умозаключения, в другой — метафоры, образы, нарративы. И хотя, с точки зрения самого Канта, второй полюс не представляет интереса для исследований, разбирая его тексты, мы легко найдем, например, метафору судебного процесса — «суд разума» (A 751 / B 779, A 669 / B 697, A 740 / B 768 и др.), понимание

shared the results of their research in the form of presentations, which sparked lively discussions.

On the first day, after an opening ceremony, Vadim Chaly delivered a lecture, “Basic Concepts and Methods of Research in Kant’s Philosophy of History”, in which he examined two main approaches to the study of Kant’s philosophical legacy. The first concentrates on conceptual analysis and systemic reconstruction while distancing itself from the historical context for the sake of interpretation and integration of Kant’s concepts and arguments in current discussions. The second, by contrast, is contextual and historical. The most thorough treatment of the latter is represented by two overlapping and mutually complementary lines of research: the German school of the history of concepts (*Begriffsgeschichte*) and the research of the Cambridge school. Both schools see philosophical utterances as contextualised speech acts, restore the context of the utterance, examine the history of the use and transformation of concepts and give due weight to the definitions found in dictionaries and texts of certain periods and to the figurative, poetic or metaphorical level of philosophical discourse. Vladimir Bryushinkin of Kaliningrad proposed a synthetic approach, arguing that philosophical research methods form a continuum between rational concepts, judgments and inferences at one end and metaphors, images and narratives at the other. Although Kant himself believed that the second pole was of no interest to the researcher, in his own texts we can easily find a metaphor of the law court proceedings, “the court of reason” (*KrV*, A 751 / B 779, A 669 / B 697, A 740 / B 768 etc.). This makes a considerable difference to the whole conceptualisation. Thus we should use both poles and pay attention both to the rational argumentation, conceptual structures etc. and

которой влияет на всю концептуализацию. Таким образом, мы должны использовать оба полюса и уделять внимание как непосредственно рациональной аргументации, концептуальным построениям и пр., так и образам, метафорам, которые могут дополнить и расширить наше понимание текста и мысли автора. Эти различные подходы помогают продуктивно двигаться в герменевтическом круге, переходя от самого авторского текста к построению на его основе концептуальной схемы, далее к рассмотрению контекста, в котором автор писал этот текст и в котором этот текст был прочитан впервые, затем к рефлексии относительно собственной концептуальной позиции с учетом того контекста, в который погружены мы, исследователи, и, наконец, возвращаясь к авторскому тексту с углубленным пониманием его.

Рефлексии относительно наших собственных — концептуальной и контекстуальной — позиций был посвящен семинар. Участникам было предложено прочесть и обсудить два контрастных в идейном отношении текста: «Конец истории?» Ф. Фукуямы (Фукуяма, 1989) и введение в работу Д. Чакрабарти «Провинциализируя Европу» (Чакрабарти, 2021). Они были рассмотрены как контрапункт к кантианскому пониманию конца истории.

Конференцию молодых ученых открыл доклад Юлии Зениной (Институт философии и права СО РАН), посвященный истории становления *Geschichte* как философского понятия в Германии в первой половине XVIII в. Ю. Зенина показала, что поначалу слово *Geschichte* использовалось для обозначения события или происшествия, а в философии, находившейся под влиянием в языковом отношении латыни и французского, функционировал термин *Historie* для обозначения истории как процесса существования человеческого рода. Второй этап в формировании *Geschichte* как философского понятия характеризуется текучестью его семантического значения. Например, А. Г. Баумгартен использовал *Geschichte* во множественном числе при описании педагогических практик для обозначения «историй» (Rupp,

to images and metaphors which may complement and broaden our understanding of the text and the author's message. These differing approaches facilitate movement within the hermeneutic circle, moving from the author's text to its conceptual scheme, and then to the context in which the author wrote the text where it was first read. One would then reflect on one's own position in accordance with the context in which we researchers are immersed and finally return to the author's text with a deeper insight into it.

Reflections on our own conceptual and contextual positions were the subject of a seminar. The participants were invited to read and discuss two intellectually contrasting texts: Francis Fukuyama's "The End of History?" (Fukuyama, 1989) and the introduction to Dipesh Chakrabarty's *Provincializing Europe* (Chakrabarty, 2000). They were discussed in counterpoint with the Kantian concept of the end of history.

The conference of young scholars was opened by Julia Zenina (Institute of Philosophy and Law SB RAS) with a paper on the history of the emergence of *Geschichte* as a philosophical concept in Germany in the first half of the eighteenth century. J. Zenina noted that the word *Geschichte* was initially used to refer to an event or happening, while philosophy, which was linguistically influenced by Latin and French, used the term *Historie* to refer to history as the process of the existence of the human race. The second phase in the evolution of *Geschichte* as a philosophical term is marked by the fluidity of its meaning. For example, Alexander Gottlieb Baumgarten used *Geschichte* in the plural when describing pedagogical practices in the meaning of "stories" (Rupp and Köhler, 1951). Johann Georg Sulzer used the word *Geschichte* in describing cyclic migrations of birds. The concept was thus evolving

Köhler, 1951). И. Г. Зульцер, описывая цикличность перелетов птиц, также использовал слово *Geschichte*. Таким образом, это понятие эволюционировало от события к повествовательному нарративу. Третьим этапом стало применение Кантом *Geschichte* к описанию природного процесса: через понятие *Naturgeschichte* («естественная история») он продемонстрировал фундаментальную возможность понимания мира природы как исторического процесса.

В сообщении Анны Бычковой (МГУ им. М. В. Ломоносова) был поставлен вопрос о возможности истории для инопланетян в кантовской системе. Для ответа на этот вопрос были проанализированы контексты употребления в трудах Канта слов «инопланетяне» и «история». Субъектом истории, согласно Канту, является весь человеческий род, цель которого состоит в полной реализации природных задатков. Следовательно, если существуют внеземные существа со своей природой, то и их история должна быть историей развития природных задатков.

Проблеме реализации в мультикультурном мире кантовского космополитического союза, в основе которого лежит принцип моральной автономии, был посвящен доклад Турхана Ялцина (Университет Билкента). Кант верит, что его проект «вечного мира» может быть исторически реализован. Т. Ялцин указал, что для формирования республиканских государств, которые должны образовать космополитический союз, требуется внутренняя саморегуляция и моральная зрелость обществ, чтобы поддерживать политические институты, основанные на законе. Морально-культурному развитию отдельных обществ способствует их культурное взаимодействие, в ходе которого достигается взаимное признание автономии «другого». Таким образом, культурное разнообразие выступает средством для развития каждой культуры и перехода от эпохи природы, управляемой импульсами, страхом и личными интересами, к эпохе свободы, моральной автономии и этического самоуправления.

В докладе Михаила Афанасьева (БФУ им. И. Канта) были показаны точки соприкосно-

from an event to a narrative. The third phase was Kant's use of *Geschichte* to describe a natural process: by using the term *Naturgeschichte* ("natural history") he stressed that the world of nature could in principle be understood as a historical process.

Anna Bychkova (MSU) raised the question of the possibility of history for aliens from outer space in Kant's system. To answer this question she analysed the contexts in which the words "aliens from space" and "history" are used in Kant's works. According to Kant, the subject of history is the entire human race, its goal being to fully realise its natural potential. Consequently, if there exist extraterrestrials with their nature, their history should be a history of the development of their natural potential.

Turhan Yalçın (Bilkent University) addressed the problem of implementing the Kantian cosmopolitan union based on the principle of moral autonomy in a multi-cultural world. Kant believes that his project of "perpetual peace" can be historically realised. Turhan Yalçın pointed out that if the republican states are to form a cosmopolitan union their societies need a degree of self-regulation and maturity that would enable them to maintain law-based political institutions. Moral and cultural development of societies is promoted by cultural interaction, which implies mutual recognition of the autonomy of "the other". Thus, cultural diversity contributes to the development of each culture and to the transition from the era of nature guided by impulses, fear and personal interests to an era of freedom, moral autonomy and ethical self-legislation.

Mikhail Afanasyev (IKBFU), while identifying similarities between Kant and Hegel's ideas of history and freedom, points out that whereas Kant strictly separates the form and matter

вения философско-исторических концепций Канта и Гегеля: содержание понятий об истории и о свободе. Однако Кант строго разводит форму и материю познания, тогда как Гегель производит их синтез. Для Канта материя (содержание) истории неисчерпаема, а форма как чисто разумное и потому доступное познанию оказывается единственно возможным модулем реализации задатков, для чего необходима свобода. Для Гегеля возможность познания обусловлена совпадением формы и содержания; поэтому в его понимании история приходит к полной свободе, которая делает возможным совпадение человека с самим собой. Таким образом, свобода для Канта возможна отчасти вследствие разделения материи и формы истории, а для Гегеля, наоборот, вследствие преодоления этого разделения. Однако, выводимое различным образом, их понятие о свободе совпадает: оно включает индивидуальную свободу, подчиненность законодательству и равенство как необходимые моменты. М. Афанасьев отметил, что, хотя теоретические построения философов различны, реализация их принципов в философии истории приводит к совпадающим моделям человеческого общежития.

Онтологическому исследованию метасемантики понятия «счастье» было посвящено сообщение Абишека Трипати (Римский университет Ла Сапиенца). Современные исследования счастья и благополучия фокусируются в первую очередь на психологических аспектах, часто упуская из виду богатые философские основы этих концепций. Используя межкультурный подход и опираясь на философские идеи Канта, Аристотеля и Хайдеггера в их сопряжении с ведическим учением, А. Трипати показал выход за рамки редукционистских представлений о человеческом счастье и возможность охватить всю сложность этого понятия.

Второй день открылся лекцией «Контекст формирования взглядов Канта на историю и историческая роль эмоций». В. А. Чалый предложил концептуальную рамку для анализа представлений о времени и истории в последовательности эпох западноевропейской философии. Лектор проследил, как антич-

of cognition, Hegel synthesises them. For Kant, matter (content) is inexhaustible and form, being purely rational and hence cognisable, is the only possible mode of realisation of potential, which calls for freedom. For Hegel, cognition is made possible by the coincidence of form and content; history attains full freedom, which allows human being to achieve identity with her-/himself. Thus, for Kant freedom is partly possible due to the separation of matter and form of history, while for Hegel, on the contrary, the separation must be overcome. However, though arrived at in different ways, their concepts of freedom are similar, both including individual freedom, conformity with the law and equality. M. Afanasyev concludes that despite the theoretical differences between the two philosophers the implementation of their principles in the philosophy of history leads to similar models of social behaviour.

Abhishek Tripathi (Sapienza University of Rome) explores the meta-semantics of the concept of "happiness". Modern studies of happiness and well-being focus primarily on psychological aspects, often leaving out of sight the rich philosophical foundations of these concepts. Using an intercultural approach and proceeding from the ideas of Kant, Aristotle and Heidegger, combined with Vedic teaching, A. Tripathi reveals a path leading beyond the reductionist ideas of human happiness to the full complexity of this concept.

Day two opened with the lecture "The Context of the Formation of Kant's Views on History and the Historical Role of Emotions". V. Chaly proposed a conceptual framework of the analysis of the ideas of time and history in the succession of eras in West European philosophy. He traced how ancient notions of the cosmos, the cyclic nature of time and Fate gave

ные представления о космосе, цикличности времени, правящем миром роке сменились средневековым креационизмом и линейным пониманием исторического времени, трансформировавшись в натурализм, идею прогресса и современный эволюционизм.

Семинар был посвящен разбору двух фрагментов сочинения И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (Гердер, 1977, с. 6–11, 228–234), которое принадлежит к той же интеллектуальной традиции, но предлагает альтернативный кантовскому подход, в критике которого происходило становление философии истории Канта. Участники школы рассматривали текст сквозь призму интеллектуальной генеалогии, где у Гердера предание оказывается более эксплицитным, а энтузиазм менее проблематичным.

Рассмотрению разновидностей кантовского понятия энтузиазма был посвящен доклад Виталия Набиева (Оренбургская духовная семинария). В «Критике способности суждения» энтузиазм описывается как особая форма аффекта, возникающая, когда представление морального принципа побуждает разум к действию, что сближает энтузиазм с категорией возвышенного. Вместе с тем «рациональный» энтузиазм является политической энергией, способной трансформировать страх войны в стремление к законному мировому порядку. Набиев показал на примере концепций Лиотара и Ямпольского, что постмодернистские представления о кризисе энтузиазма не разрушают, а лишь подтверждают кантовское понимание роли энтузиазма в историческом и политическом процессах.

Виталий Рябоконт (Европейский университет) в своем докладе рассмотрел проблему субъективности в теоретической и практической философии Канта и показал единство познающего субъекта и субъекта моральной философии. Связующими звеньями такого единства, по его мнению, являются не только трансцендентальный субъект как фундамент эмпирического субъекта, но и воображение и энтузиазм. Причем энтузиазм доброго намере-

way to creationism and a linear concept of historical time, morphing into naturalism, the idea of progress and modern evolutionism.

The seminar was devoted to the analysis of two fragments of Herder's *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind* (Herder, 2024, pp. 3-7, 225-231), which belongs to the same intellectual tradition but offers an alternative to the Kantian approach. Its critique marked the evolution of Kant's history of philosophy. The participants viewed the text through the prism of intellectual genealogy, with Herder's tradition turning out to be more explicit and his enthusiasm less problematic.

Varieties of Kant's concept of enthusiasm were explored by Vitaly Nabiyeu (Orenburg Religious Academy). In the *Critique of Judgment* enthusiasm is described as a special form of affect arising when a moral principle commands reason to act, which likens enthusiasm to the category of the sublime. At the same time "rational" enthusiasm represents political energy which may transform the fear of war into a quest for a legal world order. Nabiyeu cited the concepts of Lyotard and Yampolsky to show that the post-modernist notions about the crisis of enthusiasm do not destroy but actually confirm Kant's perception of the role of enthusiasm in the historical and political processes.

Vitaly Ryabokon (EUSP) examined the problem of subjectivity in Kant's theoretical and practical philosophy to demonstrate the unity of the cognising subject and the subject of moral philosophy. The binding elements, he claims, are not only the transcendental subject as the basis of the empirical subject, but also imagination and enthusiasm, the enthusiasm of good intention in the area of the practical act performing the same function as the capacity of imagination performs in the area of theoretical cognition.

ния в области практического поступка выполняет ту же функцию, что и способность воображения в области теоретического познания.

Сравнение этической философии Канта и философии поступка Бахтина предложила в своем сообщении Дарья Долгобородова (СПбГУ). Были показаны неокантианские истоки восприятия Бахтиным кантовской моральной философии как формальной системы. Д. Долгобородова предложила рассматривать архитектуру поступка Бахтина как продолжение кантовской этики путем ее укоренения в историческом и богатом событиями прошлом человеческой личности. Это становится возможным с помощью понятия энтузиазма, которое позволяет идее истинно нравственного войти в жизнь, служа как источником вдохновения, так и ресурсом для совершения поступка.

Дмитрий Жуков (МГУ им. М. В. Ломоносова) предложил политико-теологическую альтернативу известному тезису Карла Шмитта: «суверен — тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении». Проблема шмиттовской модели заключается в консервативной легитимации существующего порядка, что несет в себе риск авторитаризма. В поисках альтернативы анализируется радикальная стратегия критики Шмитта, которая настаивает на полном концептуальном переопределении чрезвычайной ситуации. Наследие Канта, прочитанное сквозь призму эсхатологии (Я. Таубес) и современных политико-теологических рецепций (Ш. Моллой), позволяет предложить такую альтернативу. Если у Шмитта чрезвычайную ситуацию объявляет суверен, то в кантовской модели ее изначально учреждает эсхатон, моральный идеал «царства целей». Задача людей в этих условиях — не подчинение воле правителя, а борьба со склонностью ко злу и постепенное приближение к идеалу через разум.

В докладе Мохаммедмахди Кешаварца Мораведжи (Университет им. шахида М. Мутаххари) рассматривалась роль надежды в философии истории Канта и Ю. Мольтмана. Было показано, что хотя Кант и Мольтман принадлежат к разным философским традициям, они оба ин-

Darya Dolgoborodova (SPbU) compared Kant's ethical philosophy and Mikhail Bakhtin's philosophy of the act. She revealed the Neo-Kantian roots of Bakhtin's perception of Kant's moral philosophy as a formal system, suggesting that Bakhtin's architectonics of the act can be seen as a development of the Kantian ethics by making it part of historical and eventful past of the human individual. This can be accomplished with the help of the concept of enthusiasm which introduces the idea of the truly moral into life, since it is both a source of inspiration and a resource in performing an act.

Dmitry Zhukov (MSU) proposed a political-theological alternative to Karl Schmitt's famous dictum "sovereign is he who decides on the exception". The problem with Schmitt's model is conservative legitimation of the existing order, which carries the risk of authoritarianism. In search of an alternative, Zhukov considers a radical strategy of criticism, Schmitt proposing a conceptual redefinition of "exception". Such an alternative is offered by the legacy of Kant interpreted through the prism of eschatology (Jacob Taubes) and its modern political-theological receptions (Seán Molloy). While with Schmitt an exception is declared by the sovereign, in the Kantian model it is initially established by *eschaton*, the moral ideal of "the kingdom of ends". The challenge for humans in this situation is not to submit to the ruler's will but to fight the tendency towards evil and gradually work towards an ideal through reason.

Mohammadmahdi Keshavarz Moraveji (Shahid Motahari University) considers the role of hope in the philosophy of history according to Kant and to Jürgen Moltmann. Although Kant and Moltmann belong to different philosophical traditions, both interpret hope as that which goes through history and shapes

терпретируют надежду как то, что проходит через историю и формирует будущее. В этом отношении взгляд Канта на историю человечества как процесс, движущийся по направлению к моральным целям, повлиял на веру Мольмана в то, что христианская надежда должна активно менять будущее человечества.

Третий день начался с лекции «Энтузиазм в свете учения Канта об истории», в которой В. А. Чалый раскрыл связь понятия «энтузиазм» с другими кантовскими понятиями в критических работах, начиная с «Критики чистого разума». Для этого лектору пришлось восстановить общую кантовскую схему способностей души, соотнести способности познания и чувства (*Gefühl*), изложить доктрину аффектов. Согласно кантовскому определению, энтузиазм — это подвид аффекта, однако, хотя аффекты вообще не имеют моральной ценности, Кант явно увязывает энтузиазм через интеллектуальный план с добром. Понятие энтузиазма было сопоставлено с понятием «мечтательности» (*Schwärmerei*), представляющим собой веру в сверхчувственное, сопровождаемую аффектом. Так энтузиазм не вполне вписывается в относительно ясную схему: влечение — склонность — аффект — страсть, и по своей форме представляет аффект, а в содержательном плане направлен на идеал разума. На лекции также обсуждалось недавняя интерпретация кантовского понятия энтузиазма, предложенная немецким философом Юргеном Штольценбергом (Штольценберг, 2025).

Семинар этого дня был посвящен разбору раздела из «Антропологии в прагматическом отношении», где Кант классифицирует эмоции и рассуждает о месте энтузиазма. Возможностям концептуально непротиворечивой работы с этим понятием было посвящено обсуждение.

Целью сообщения Николаоса Анаплиотиса (Манчестерский университет) являлось развитие значения поэтики Фридриха Гёльдерлина в перспективе философии истории Канта. В докладе был сконструирован возможный диалог между Гёльдерлином и Кантом о

the future. Thus, Kant's view of human history as movement in the direction of moral ends influenced Moltmann's belief that the Christian hope should actively change humanity's future.

Day three began with the lecture "Enthusiasm in the Light of Kant's Doctrine of History", in which Chaly explained the link of the concept of "enthusiasm" with other Kantian concepts in the critical works, beginning with the *Critique of Pure Reason*. To this end the lecturer had to restore the entire Kantian scheme of the faculties of the mind, compare the capacities of reason and feeling (*Gefühl*), and spell out the doctrine of affects. Kant defines enthusiasm as a subtype of affect. However, although affects have no moral value, Kant clearly links enthusiasm with the good through intellect. The concept of enthusiasm was linked with the concept of "fanaticism" (*Schwärmerei*), i.e. faith in the supra-sensitive accompanied by affect. Thus, enthusiasm does not quite fit into the relatively clear scheme: attraction — inclination — affect — passion, i.e. an affect in form but directed towards an ideal of reason in substance. Also discussed during the lecture was the interpretation of the Kantian concept of enthusiasm, recently proposed by the German philosopher Jürgen Stolzenberg (2025).

The day's seminar was devoted to the analysis of the part of *Anthropology from a Pragmatic Point of View* in which Kant classified emotions and ruminated on the place of enthusiasm. The discussion was devoted to the possibilities of using this concept in a non-contradictory way.

Nikolaos Anapliotis (Manchester University) discussed the development of the significance of Friedrich Hölderlin's poetics from the perspective of Kant's philosophy of history. He constructed an imaginary dialogue between Hölderlin and Kant on the problem of revolution, built around two conceptual pairs: the exalted and the monstrous, enthusiasm and

проблеме революции, структурированный вокруг двух концептуальных пар: возвышенного и чудовищного, энтузиазма и фанатизма. Перерабатывая пары, установленные Кантом, Гёльдерлин раскрывает внутренние пределы, указанные Кантом для эстетического понятия возвышенного, с целью объяснения политической субъектности. Кант разграничивает энтузиазм как морально допустимый, но политически пассивный аффект и революцию как коллективное народное действие. Гёльдерлин радикализирует кантовское понятие энтузиазма через поэтические модальности, чтобы реинтегрировать в него революционные действия и демократические процедуры.

Лекцию четвертого дня «Ранние критические трактаты Канта по истории» В. А. Чалый начал с напоминаний о прусском интеллектуальном контексте: создание Берлинской академии наук, попытка Фридриха II сделать Пруссию ведущей (в том числе в аспекте науки и культуры) державой на континенте, борьба немецкой и французской партий прусских просветителей и их проекты теоретического метафизического познания и эмпиризма ньютоновского толка, соединенного с математическими методами, соответственно. Обрисовав контекст, Чалый проследил формирование кантовского взгляда на историю в его ранних трактатах о естественной истории: «Изучение вопроса о том, претерпела ли Земля какие-либо изменения...» (1754), «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения» (1754), «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). В этих работах Кант закладывает основы своего понимания метода исследования истории: не имея достаточных данных для индуктивных обобщений, мы вынуждены здесь продвигаться методом поиска наилучших объяснений, подобным методу Кеплера и Ньютона. Этот же способ рассуждения выдвиганием гипотез и использования модальности «как если бы» Кант применяет в критических сочинениях. В 1784 г. он пишет «Идею всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Разбирая эту работу, Чалый обратил внимание ау-

fanaticism. Reworking the pairs established by Kant, Hölderlin reveals the inner limits Kant sets for the aesthetic concept of the exalted in order to explain political agency. Kant distinguishes enthusiasm as a morally admissible, but politically passive affect from revolution as a collective popular action. Hölderlin radicalises Kant's concept of enthusiasm through poetic modalities in order to reintegrate revolutionary actions and democratic procedures into it.

V. Chaly began day four's lecture, "Kant's Early Critical Treatises on History", by recalling the Prussian intellectual context: the founding of the Berlin Academy of Sciences, the attempt by Friedrich II to make Prussia the leading power on the continent (including the sphere of science and culture), the struggle between the German and French parties of Prussian enlighteners and their projects of theoretical metaphysical knowledge and Newtonian-type empiricism, combined with mathematical methods respectively. After describing the context, Chaly traced the evolution of Kant's view of history in his early treatises on natural history: "Examination of the Question Whether the Rotation of the Earth on its Axis by Which It Brings about the Alternation of Day and Night has Undergone Any Change since its Origin..." (1754), "The Question, Whether the Earth Is Ageing, Considered from a Physical Point of View" (1754), and "Universal Natural History and Theory of the Heavens" (1755). In these works Kant lays the foundations of his perception of the method of the study of history: not having enough data for inductive generalisation, we have to proceed by looking for the best explanations, the method used by Kepler and Newton. Kant uses the same method of putting forward hypotheses and the "as if" modality in his critical works. In 1784 he writes his "Idea for a Univer-

дитории на несколько ключевых кантовских идей, которые будут возвращаться и в дальнейших работах: оправдание телеологии, понятие задатков человечности, развитию которых служит история, потребность разума в усмотрении в природе как-если-бы существующего разумного плана. Затем были разобраны две рецензии на сочинение Гердера, фрагменты которого читались во второй день, и «Предполагаемое начало человеческой истории», явившееся отчасти ироническим ответом на популярный метод истолкования библейской истории творения, отчасти же — теоретико-теологической демонстрацией и обоснованием идеи развития задатков — того, как из них выводим разум.

На семинаре разбирались статьи «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «Ответ на вопрос: что такое просвещение?», связанные взаимопроницающими идеями всемирной гражданственности и развития человеческих задатков. Внимание участников также привлекло то, что в «Ответе...» можно усматривать амбивалентность — продолжившуюся до начала XIX в. тенденцию интеллектуалов к просвещению сверху (адресация сочинений правителям) и вместе с тем разговор с формирующейся публикой.

Доклад Михаила Вахрушева (СПбГУ) был посвящен реконцептуализации кантовского понятия «энтузиазм» по сравнению с предшествующей традицией его использования. Методологическим основанием нового взгляда на концепт энтузиазма является его применение к процессу философской работы самого Канта. По мнению исследователя, вместо религиозного энтузиазма предшествующей традиции Кант помещает это понятие в революционный контекст. Из перспективы прошлого, религиозного истолкования энтузиазма философские построения Канта выглядят как «сатанинский шепот», который заставляет людей присоединиться к бунту против естественного порядка вещей. Это позволяет понять настороженную — вплоть до негативной — реакцию современников на кантовскую критическую философию.

sal History from a Cosmopolitan Perspective”. Analysing that work, Chaly drew attention to several key ideas of Kant which would recur in his further works: justification of theology, the concept of potential humanity which history develops, the urge of reason for perceiving as if there were a reasonable plan in nature. He then turned to the two reviews of Herder’s work from which fragments had been read on day two and “Conjectural Beginning of Human History”, which was partly an ironic answer to a popular method of interpreting the biblical history of creation and partly a theoretical-theological demonstration and grounding of the idea of the development of predispositions — how reason can be derived from them.

The seminar discussed the articles “Idea for a Universal History from a Cosmopolitan Perspective” and “An Answer to the Question: What Is Enlightenment?” which are linked by interpenetrating ideas of cosmopolitanism and the development of the human potential. The participants also detected an ambivalence in the Enlightenment article: the leaning of intellectuals towards enlightenment from above (writings were addressed to rulers) and at the same time engagement with the emerging public.

Mikhail Vakhrushev (SPbU) spoke about reconceptualisation of the Kantian term “enthusiasm” by comparison with the preceding tradition of its use. The methodological ground for a new look at the concept of enthusiasm is its application to the philosophical work of Kant himself. Vakhrushev argues that instead of the religious enthusiasm of the preceding tradition, Kant puts this concept in a revolutionary context. From the perspective of the previous religious interpretation of enthusiasm Kant’s philosophical ideas look like a “satanic whisper” which urge people to join the revolt against the natural scheme of things. This accounts for the guarded, almost

Рассмотрение энтузиазма как политико-этической категории в философии Канта было предложено в докладе Ивана Ворошилова (БГУ, Минск, Беларусь). Тщательно проводя различие между оправданным моральным энтузиазмом и опасным фанатизмом, Кант дает нам инструменты для этического осмысления политических последствий. Даже если энтузиазм не является добродетелью, он может сигнализировать о присутствии добродетели или же о ее извращении. И. Ворошилов концептуализировал энтузиазм как категорию, которая связывает аффект с разумом, историю с этикой, а индивидуальное чувство с коллективными трансформациями, становясь зеркалом, где этическое и политическое отражают, искажают, а иногда и раскрывают друг друга.

Роман Михан (РУДН им. П. Лумумбы) в своем сообщении сопоставил понимания просвещения и энтузиазма в исторической перспективе у Канта и М. Фуко. Исследователь показал, что Кант понимает энтузиазм как признак морального закона, а Фуко анализирует его как часть процесса субъективации, то есть как результат взаимодействия между властью, истиной и телом. Р. Михан указал, что проекты просвещения Канта и Фуко сходятся в решающей точке: признании того, что критическое мышление начинается с отношения человека к настоящему. Различаются они в понимании этого отношения. Кант ищет нормативные основы для критики — универсальный моральный закон, автономию разума и публичный дискурс. Фуко же настаивает на историчности критики — на том, что каждое высказывание, каждая часть знания, каждое правило связаны с отношениями власти.

Заключительная лекция В. А. Чалого «Взгляды Канта на историю после Просвещения» началась с разбора понятия просвещения в контексте дискуссии берлинских просветителей, попыток концептуализации ими этого явления, предшествовавших кантовскому эссе. Лектор восстановил путь преобразования значений понятия «революция» от космологического термина к политическому понятию,

negative contemporary reaction to Kant's critical philosophy.

Ivan Voroshilov (Belarus State University) examined enthusiasm as a political-ethical category in Kant's philosophy. By scrupulously distinguishing justified moral enthusiasm from dangerous fanaticism Kant provides us with tools for ethical assessment of political consequences. Even if enthusiasm is not a virtue it may signal the presence or perversion of virtue. Voroshilov has conceptualised enthusiasm as a category that links emotions with reason, history with ethics and individual feelings with collective transformations, thus producing a mirror in which the ethical and the political reflect, distort and sometimes reveal each other.

Roman Mikhan (RUDN University) compared the views of Kant and Michel Foucault on enlightenment and enthusiasm in the historical perspective. He showed that Kant considered enthusiasm to be an attribute of the moral law while Foucault saw it as part of the process of subjectivation, i.e. the result of interaction between power, truth and body. R. Mikhan notes that the enlightenment projects of both Kant and Foucault converge on the crucial point: the recognition that critical thinking begins with the human being's attitude towards the present. Where they differ lies in the interpretation of this attitude. Kant looks for normative foundations of critique, the universal moral law, the autonomy of reason and public discourse. Foucault insists on the historicity of critique, such that every utterance, every part of knowledge and every rule are connected with power relations.

Chaly's final lecture, entitled "Kant's Views of History after the Enlightenment", began with the unpicking of the concept of enlightenment in the context of the discussions among Berlin enlighteners and their attempts to conceptualise that phenomenon that predate Kant's essay. The lecturer traced the transformation of the

сопоставил политическое понимание революции с кантовским понятием внутренней «революции в образе мыслей». Далее было проанализировано неоднозначное отношение Канта к Французской революции. Последователи Канта, делавшие радикальные политические выводы из «чистой моральной метафизики», ждали кантовского одобрения и поддержки революционных событий. Явное воодушевление, с которым Кант встретил известие о парижских событиях, и последующее разочарование вернули Канта к теме истории, послужили причиной напомнить и усилить ранее высказанные положения относительно необходимости подчинения (государству) как предпосылки морального развития.

На заключительном семинаре участники летней школы разбирали вторую часть «Спора факультетов» (AA 07, S. 77–94), посвященную спору с юридическим факультетом, и старались проследить связи с ранее прочитанными работами.

В докладе Юлии Армяниновой (УрФУ им. Б. Н. Ельцина), подготовленном в соавторстве с Юлией Пипкиной (Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева), рассматривалось понятие энтузиазма в философии Канта и Ф. Х. Якоби в контексте современного техно-энтузиазма. На примере искусственного интеллекта было показано, что техно-энтузиазм в кантовской перспективе должен быть связан с разумом, который апеллировал бы к благим намерениям и контролировался моралью. Понимание техно-энтузиазма через призму философии Якоби приводит нас к техно-фанатизму. Это сопоставление показывает, что существуют аффективный техно-энтузиазм, провоцирующий иллюзии технологического мессианизма, и истинный моральный техно-энтузиазм, при котором технология служит средством морального совершенствования человечества.

Сообщение Тайлин Фатимы Хиджаз (Федеральный университет Параны) преследовало цель ответить на вопрос: «Что такое просвещение в эпоху цифровых технологий?» Т. Ф. Хид-

meanings of the concept of “revolution” from a cosmological term to a political concept, compared the political meaning of revolution with Kant’s concept of an inner “revolution in the disposition”. He then discussed Kant’s ambivalent attitude to the French Revolution. Kant’s followers, who drew radical political conclusions from “pure moral metaphysics”, expected Kant to approve and support the revolutionary events. His enthusiastic reaction to the news of the Paris events, followed by disenchantment, brought Kant back to the topic of history, prompting him to reassert his earlier theses on the need to submit (to the state) as a prerequisite of moral development.

In the final seminar the participants discussed the second part of *The Contest of the Faculties* (SF, AA 07, pp. 77-94), devoted to the debate with the law faculty, and tried to trace the connections with the works they had read earlier.

The presentation by Julia Armyaninova (UrFU) co-authored with Julia Pipkina (Ural State Law University named after V. F. Yakovlev) examined the concept of enthusiasm in the philosophy of Kant and Friedrich Heinrich Jacobi in the context of modern techno-enthusiasm. Using the example of artificial intelligence, the authors show that techno-enthusiasm from the Kantian perspective should be linked with reason which appeals to good intentions and is controlled by morality. The interpretation of techno-enthusiasm through the prism of Jacobi’s philosophy leads to techno-fanaticism. This juxtaposition shows that there exists affective techno-enthusiasm, which breeds the illusion of technological messianism, and genuine moral techno-enthusiasm whereby technology is a tool of the human being’s moral improvement.

Tailine Fátima Hijaz (Federal University of Paraná) attempted to answer the question: “What is enlightenment in the digital age?” She

жаз указала, что современное отношение к регулированию цифровых технологий и продуктов носит хаотичный и бессистемный характер. Это происходит из-за того, что основой для регулирования становятся судебные решения и законы стран, в основе которых не лежит философская нормативность. В возвращении к кантовскому публичному использованию разума исследовательница видит возможное решение социальных проблем, порождаемых цифровыми технологиями.

В докладе Чизобы Нзеакор (НИУ ИТМО) рассматривалась кантовская практическая философия в контексте устойчивого городского будущего. Основными понятиями для городского развития становятся моральный долг, публичный разум и техно-энтузиазм. В их перспективе, по мнению Ч. Нзеакор, мы, соединяя инновации с моральным долгом и публичным разумом, можем выйти за рамки просто эффективных городов и создать по-настоящему этичные сообщества. Для этого необходимо основывать технологическое развитие на универсальных этических принципах и человеческой автономии и подвергать его строгому общественному контролю.

Возможностям техно-энтузиазма с кантовской точки зрения был посвящен доклад Александра Сабанова (БФУ им. И. Канта). Путем концептуального анализа понятия *Schwärmerei* им было показано, что кантовская критика предлагает не теорию техно-энтузиазма, а концептуальный инструмент для демистификации современных технокультурных фантазий. А. Сабанов продемонстрировал, что эта перспектива позволяет нам выйти за рамки чисто инструментальных или онтологических подходов к технологии и увидеть, как современные технологии формируют трансцендентальную конституцию субъекта — его воображение, желания, страсти и образ мышления.

Напряженное интеллектуальное общение сопровождали культурные мероприятия, познакомившие молодых исследователей с городом Канта в его современном виде и давшие почву для формирования академических свя-

pointed out that the current attitude to the regulation of digital technologies and products is chaotic and haphazard. This is because regulation is based on court decisions and national laws that are not based on philosophical normativeness. She believes that a return to the Kantian public use of reason may solve the social problems generated by digital technologies.

The paper presented by Chizoba Nzeakor (ITMO University) looked at Kant's practical philosophy within the context of a sustainable urban future. The key concepts of urban development are now seen as moral duty, public reason and techno-enthusiasm. Nzeakor believes that by combining innovations with moral duty and public reason we can go beyond simply effective cities and create truly ethical communities. To this end technological development must be based on universal ethical principles and human autonomy under strict public control.

The potential of techno-enthusiasm from the Kantian point of view was the subject of the paper by Alexander Sabanov (IKBFU). Analysing the concept of *Schwärmerei* he demonstrated that the Kantian critique proposes not a theory of techno-enthusiasm but a conceptual instrument of demystifying modern techno-cultural fantasies. A. Sabanov argues that this perspective enables us to go beyond the framework of instrumental or ontological approaches to technology and to see how modern technologies shape a transcendental constitution of the subject, his imagination, desires, passions and way of thinking.

Intensive intellectual communication was accompanied by cultural events which acquainted young scholars with the city of Kant's origins and its modern appearance. This naturally creates opportunities for new academic links. The summer school devoted to Kant's

зей. Летняя школа по изучению наследия Канта традиционно стала важным событием в академической жизни, позволив исследователям общаться с ведущими экспертами в избранной ими области, с коллегами и, что самое важное, представить свои разработки и получить их оценку, чтобы расширить научные горизонты.

Список литературы

Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М. : Наука, 1977.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. 1989. № 27–28. С. 84–118.

Чакрабарти Д. Провинциализируя Европу / пер. с англ. П. Бавин, под науч. ред. В. Морозова. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2021.

Штольценберг Ю. Кант об энтузиазме // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 40–67.

Rupp P., Köhler O. Historia – Geschichte // Saeculum. 1951. Bd. 2, N. 4. S. 627–638.

Об авторах

Михаил Вячеславович **Афанасьев**, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: MVAfanasev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1325-1813>

Владислав Анатольевич **Проскуряков**, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: vlproskuryakov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9802-2940>

Для цитирования:

Афанасьев М. В., Проскуряков В. А. Энтузиазм и история в кантовской перспективе. Обзор VII Международной летней школы по изучению наследия Канта // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 3. С. 150–164.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-6>

© Афанасьев М. В., Проскуряков В. А., 2025.

legacy is a milestone in academic life, enabling scholars to communicate with top experts in their chosen fields and, most importantly, to present their work and have it assessed in order to broaden their scientific horizons.

References

Chakrabarty, D., 2000. *Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Fukuyama, F., 1989. The End of History? *The National Interest*, 16, pp. 3-18.

Herder, J. G., 2024. *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*. Translated and edited by G. M. Moore. Princeton: Princeton University Press.

Rupp P. and Köhler O., 1951. Historia – Geschichte. *Saeculum*, 2(4), pp. 627-638.

Stolzenberg, J., 2025. Kant on Enthusiasm. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 40-67. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-2>

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Mikhail V. **Afanasyev**, *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: MVAfanasev@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1325-1813>

Vladislav A. **Proskuriakov**, *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: vlproskuryakov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9802-2940>

To cite this article:

Afanasyev, M. V. and Proskuriakov, V. A., 2025. Enthusiasm and History in the Kantian Perspective. Report of the Seventh Immanuel Kant International Summer School. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 150-164.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-6>

© Afanasyev M. V., Proskuriakov V. A., 2025.

Научное издание

**КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL**

2025

Том 44

№ 3

Перевод с рус. на англ. *Е.Н. Филиппов*
Перевод с англ. на рус. *А. В. Брюшинкина*
Редактор *Д.А. Малеваная*
Выпускающий редактор *И.О. Дементьев*
Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E.N. Filippov*
Translated from English by *A. V. Bryushinkina*
Copy-edited by *D.A. Malevanaya*
Publishing editor *I.O. Dementev*
Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 29.12.2025 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,3
Тираж 50 экз. Заказ 57

Sent to the printers on December 29, 2025
Size 84×108¹/₁₆. 17,3 sheets
50 copies. Order 57

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia